

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ
СЕМИНАРА

17–18 марта 2022 года, г. Уфа

В РАМКАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ-КОНФЕРЕНЦИИ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ»

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АНО ПО РАЗВИТИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
«ЦЕНТР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ»
ШКОЛА МОЛОДОГО ЭТНОПОЛИТОЛОГА**

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Материалы
семинара, проведенного в рамках
Всероссийской молодежной научной школы-
конференции «Исторические события как фактор
формирования этнической идентичности:
международный и российский опыт»
(17–18 марта 2022 г., Уфа)*

**УФА
РИЦ БашГУ
2022**

УДК 94+39
ББК 63.3(0)+63.51
И89

*Семинар проведен в рамках реализации проекта
«Школа молодого этнополитолога»,
поддержанного Фондом президентских грантов (№21-2-005892)*

*Печатается по решению кафедры Зарубежной истории ИИГУ.
Протокол № 9 от 12.04.2022 г.*

Редакционная коллегия:

зав. кафедрой зарубежной истории Института истории и государственного управления БашГУ, канд. ист. наук, доцент *Тухватуллин Р.Р.* (отв. редактор); директор Института истории и государственного управления БашГУ, канд. ист. наук, доцент *Уразова А.И.*, зам. директора Института истории и государственного управления БашГУ по научной работе, д-р филос. наук, профессор *Фролова И.В.*, исполнительный директор проекта «Школа молодого этнополитолога», канд. полит. наук, доцент *Савичев В.Л.*, директор АНО ПРОИГН «Центр социокультурного моделирования», канд. филос. наук *Бердин А.Т.*, доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук *Шаяхметов Ф.Ф.*, доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук *Бессилин Н.А.*, доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук *Хадимуллин Р.Р.*, доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук *Целищев А.О.*, ст. преподаватель кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук *Усова Ю.С.*, вед. специалист научно-организационного отдела Института истории и государственного управления БашГУ *Демичева А.С.*

**Исторические события как фактор формирования этнической
И89 идентичности:** материалы семинара, проведенного в рамках Всероссийской молодежной научной школы-конференции «Исторические события как фактор формирования этнической идентичности: международный и российский опыт» (17–18 марта 2022 г., Уфа). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – 276 с.

ISBN 978-5-7477-5465-2

В сборнике представлены статьи, написанные на основе докладов одноименной молодежной школы-конференции, посвященной вопросам влияния исторических событий на формирование идентичности.

Представляет интерес для исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется современными историческими, этнологическими, философскими и общегуманитарными изысканиями.

УДК 94+39
ББК 63.3(0)+63.51

ISBN 978-5-7477-5465-2

© БашГУ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Бессилин Н.А.</i> Столетняя война (1337–1453) и формирование французской идентичности	6
<i>Большаков А.Г.</i> Политическое регулирование деструктивных конфликтов в современном Казахстане: почему этничность важнее гражданственности?	15
<i>Вербовский А.В.</i> Визуальные и вербальные портреты французского короля Карла V Мудрого	22
<i>Демичев И.В.</i> О концепте «советский народ»: опыт конструирования гражданской нации	29
<i>Капсалькова К.Р.</i> «Вспомнить наши прекрасные годы учебы и дружбы»: встречи выпускников как фактор советской идентичности (по материалам личного архива М.Я. Сюзюмова) ...	34
<i>Круглов Е.А.</i> Греки-просветители и воины в истории России (к вопросу формирования национальной идентичности)	44
<i>Рахимов Р.Н.</i> Наполеоновские войны и формирование этнической идентичности народов России	52
<i>Тухватуллин Р.Р.</i> Дискуссия об американской идентичности	59
<i>Целищев А.О.</i> Великая французская революция и становление немецкого национализма	68
<i>Чекункова Е.С.</i> Формирование этнической идентичности айнов в современном японском обществе	75
<i>Шаяхметов Ф.Ф.</i> Глобализация и национализм: интеграция, кризис, локализм. Что дальше?	82
Революции XVIII-XIX вв. и формирование национальных государств в Европе и Северной Америке	93
<i>Воскривенко С.Д.</i> Формирование французского национального государства в эпоху Первой империи: репрезентация власти Наполеона и государственная пропаганда	93
<i>Надршин А.В.</i> Формирование итальянской нации в условиях Рисорджименто	99
<i>Родионова В.В.</i> Оформление нового национального самосознания на полях американской революции	105
<i>Филиппов Е.О.</i> Влияние революций первой половины XIX в. на французскую идентичность	110

Групповые идентичности в эпоху глобализации:	
толерантность VS национализм	116
<i>Алексеева И.Ю.</i> Администрация Дональда Трампа и эволюция гражданской и этнокультурной идентичности индийской диаспоры в Америке	116
<i>Гаскаров Р.Х.</i> Национальная идентичность Японии в послевоенный период	122
<i>Даминова А.Н.</i> Этническая идентификация валийского народа в составе Великобритании	129
<i>Комаров С.С.</i> Особенности исторического самосознания словацкого народа	134
<i>Милошевич М.П.</i> Проблема становления и эволюции сербской национальной идентичности: от 1389 г. до наших дней	140
<i>Сираева А.И.</i> О развитии этнокультурного самосознания в Республике Башкортостан (на примере деятельности художественных объединений в 90-х гг. XX века)	148
Влияние мировых войн и вооруженных конфликтов на процессы формирования и эволюцию гражданской и этнической идентичности	153
<i>Гилимова З.Ф.</i> Влияние мировых войн на польскую национальную идентичность	153
<i>Лукасян Я.М.</i> Белый дом против «вьетнамского синдрома»: как США пытались преодолеть наследие и память о войне во Вьетнаме	160
<i>Кальниченко В.Н., Капканов Е.Н.</i> Религиозная жизнь станиц и хуторов Нижнего Дона: от религиозного «ренессанса» к «ликвидации эксплуататорских классов»	167
<i>Лебедев Д.В.</i> Польская идентичность и национальные восстания конца XVIII – первой трети XIX века	172
<i>Мере А.Р.</i> Крымская война как фактор трансформации имперской идентичности населения российской провинции (на примере Пензенской губернии)	179
<i>Хайбулина А.В.</i> Влияние корейской войны 1950-1953 гг. на формирование этнической идентичности населения КНДР и Республики Кореи	186

<i>Шарипов Р.Н.</i> Вторая мировая и Первая индокитайская война в контексте формирования гражданской идентичности вьетнамского народа	194
<i>Юлдашев Л.А.</i> Осуждение националистической идеологии Третьего рейха на Нюрнбергском процессе	200
Роль исторической памяти в формировании этнической идентичности	206
<i>Валеева А.Ф.</i> Влияние политики царизма в Среднем Поволжье в XVIII в. на формирование этнического состава тептярей	206
<i>Дедюхина С.С.</i> Роль исторической памяти в формировании турецкой идентичности через призму романа Орхана Памука	211
<i>Имамутдинов М.А.</i> Китайско-тюркское противостояние периода династии Тан и проблемы этнической идентификации ...	218
<i>Камалдинова С.Б.</i> Историческая память как фактор формирования этнической идентичности в современном Узбекистане	224
<i>Файрузова К.Р.</i> Формирование национальной идентичности казанских татар	228
<i>Фассахов А.М.</i> Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. и кризис американской гражданской идентичности	234
<i>Фахрутдинов Т.И.</i> Русская идентичность во взглядах и концепциях белого движения и эмиграции	240
<i>Франк Е.К.</i> Теория чехословакизма и реалии межнациональных отношений в межвоенной Чехословакии	245
<i>Чубараева А.А.</i> О малоизвестном издании периодической печати кряшен «Дус» в Уфе 1916–1918 гг.	252
<i>Шарифуллина Д.М.</i> Влияние Трианонского договора на венгерскую идентичность	257
<i>Яеня Т.А.</i> Традиции чаепития у тюркоязычных народов Башкортостана	264
<i>Kalnichenko V.N.</i> Sources on the history of the religious life of the villages and hamlets of the Lower Don in the 1960s: (based on the example of the municipal archive of the Semikarakorsky district administration)	271

УДК 94(4)+39

DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.1

© **Н.А. Бессилин**

к. и. н., доцент
Россия, Уфа, БашГУ

N.A. Bessilin
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, BSU

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337–1453) И ФОРМИРОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

THE HUNDRED YEARS' WAR (1337–1453) AND THE FORMATION OF FRENCH IDENTITY

Аннотация. В статье говорится об отражении в отечественной историографии последних десятилетий и в трудах представителей социально-политической мысли Франции XIV-XV вв. влияния драматических событий Столетней войны на формирование французского национального самосознания. И в обобщающих трудах советских и российских историков, и в их специальных исследованиях намечены основные линии анализа этого влияния и в общих чертах сформулированы его результаты. Кроме того, на примере произведений Жана Жувеняля дез Юрсена (1388-1473), известного хрониста и политического деятеля Франции XIV-XV вв., рассматривается вклад в процесс формирования французской идентичности идеологов королевской власти.

Abstract. The article deals with the reflection in the national historiography of the last decades and in the works of representatives of the socio-political thought of France in the XIV-XV centuries. the impact of the dramatic events of the Hundred Years War on the formation of French national identity. Both in the generalizing works of Soviet and Russian historians and in their special studies, the main lines of analysis of this influence are outlined and its results are formulated in general terms. In addition, on the example of the works of Jean Jouvenal des Yursin (1388-1473), a well-known chronicler and politician of France in the 14th-15th

centuries, the contribution of the ideologists of royal power to the formation of French identity is considered.

Ключевые слова: Столетняя война (1337–1453), Франция, Англия, национальное самосознание, французская идентичность, Жан Жувеналь дез Юрсен, королевская власть, национально-освободительная борьба, Жанна д'Арк.

Keywords: The Hundred Years' War (1337–1453), France, England, national identity, French identity, Jean Juvenal des Yursin, royalty, national liberation struggle, Joan of Arc.

В отечественной историографии, до появления специальных исследований по Столетней войне Н.И.Басовской, работ по сословной монархии во Франции Н.А. Хачатурян и других историков, принципиальные идеи о влиянии Столетней войны на процессы формирования французской общности были изложены в обобщающих трудах по истории европейского средневековья, включая вузовские учебники, как правило, созданные коллективами крупнейших историков-медиевистов страны.

В частности, академик Е.А. Косминский в главе 12 учебника по истории средних веков указывал на связь начала Столетней войны с процессом укрепления монархии во Франции и Англии [17, с. 331]. Далее, важным признаком и фактором общенационального характера войны Е.А. Косминский считал широкое партизанское движение против англичан, развернутое французскими крестьянами и городскими низами. Самым ярким примером этого патриотического движения французского крестьянства, по его мнению, стало появление Жанны д'Арк [17, с. 342]. Ее появление еще больше сплотило все социальные слои, желавшие избавления от владычества англичан [17, с. 343]. Также Е.А. Косминский особо выделил в качестве отзвука и также фактора подъема национального духа французов «целого потока патриотической литературы, в произведениях которой прославлялся героизм людей, готовых пожертвовать всем для борьбы с врагом» [17, с. 342]. Важным фактором формирования национального единого французского государства он считал укрепляющуюся королевскую власть, усиление которой особенно произошло при Карле VII (1422–1461). В этом укреплении власти короля он подчеркивал значение налоговой и денежной реформ [17, с. 344].

Сходные мысли о связи Столетней войны с процессом национально-территориального сплочения французского королевства в подобного рода обобщающем труде выражал Н.Ф. Колесницкий [16, с. 201], подчеркнувший значение победы в Столетней войне для завершения политического объединения Франции в конце XV в. [16, с. 211].

В главе по истории Франции XI-XV вв. в нескольких изданиях учебника МГУ им. М.В. Ломоносова по истории средних веков изложила свое видение влияния Столетней войны на этнополитические процессы во Франции Н.А. Хачатурян [21, с. 329]. Она более подробно остановилась на процессе укрепления королевской власти в ходе Столетней войны, считая ее «выразителем национального единства и государственной независимости [21, с. 327]. В этой связи она отметила и успешное разрешение королевской властью трех важных задач: создание постоянной армии, постоянных налогов и галликанской церкви [21, с. 329]. Решающую роль в деле защиты и развития национального государства Н.А. Хачатурян отвела всему французскому народу, самым ярким представителем которого была Жанна д'Арк [21, с. 324-325].

На многоплановую связь Столетней войны с формированием французской государственности обратила внимание и А.Д. Люблинская. В главе 3 первого тома «Истории Франции» она подробно рассмотрела проблему знаковых народных выступлений периода Столетней войны [18, с. 121-150]. А.Д. Люблинская особо отметила основные предпосылки и причины войны, выделив значение фактора государства, когда Англия и Франция как государства одинаково упорно и целенаправленно стремились к укреплению своих позиций на юго-западе Франции и во Фландрии [18, с. 122-125]. В этом серьезном противостоянии первоначально династий Капетингов (Валуа) и Плантагенетов (Ланкастеров), а затем и государств – Англии и Франции, во весь рост встала задача обеспечения существования независимой Франции [18, с. 138]. Главнейшим фактором французской победы, по мнению А.Д. Люблинской, стало народное сопротивление, вызванное тяжелым положением населения оккупированных территорий [18, с. 138]. В свою очередь, это положение было связано с грабительской и конфискационной политикой англичан на завоеванных территориях. Именно французский народ, вдохновленный, в том числе и Жанной д'Арк, сыграл главную роль в

изгнании англичан и обеспечил победу короля на всей территории страны [18, с. 143].

Существенную связь Столетней войны с этнополитическими процессами в Европе подчеркнула Н.И. Басовская в своих известных в отечественной науке исследованиях этого длительного вооруженного англо-французского конфликта [7,8,9,10]. Отмечая общеевропейское значение этого столкновения централизованных европейских монархий как первой войны европейского масштаба, Н.И. Басовская указала на то, что она «заметно ускорила формирование французской и в определенной мере английской народностей, в частности элементов национального самосознания» [9, с. 5]. По ее мнению, «война оказала заметное воздействие на зарождение элементов национального самосознания в воюющих странах, особенно во Франции» [9, с.179]. Здесь широко развернулось всенародное национально-освободительное движение, мощным толчком которого явилась деятельность Жанны д'Арк. Военные поражения французских королевский войск, английская оккупация и бедствия от боевых действий и мародеров заставили французский народ вмешаться в ход войны и сыграть решающую роль в победе Франции.

Анализу важного фактора становления национального самосознания – французского патриотизма в годы Столетней войны – посвятили свои работы Н.Н. Мелик-Гайказова и В.И. Райцес [19, 20].

В своей работе, посвященной исследованию социальной природы и институтов французского государства в период формирования сословно-представительной монархии, «Сословная монархия во Франции XIII-XV вв.» Н.А. Хачатурян довольно широко и основательно осветила специфические черты французской монархии периода Столетней войны, ее политические институты, налоговую и военную политику [22.]. Очень высоко Н.А. Хачатурян оценила значение народной самообороны, в форме которой протекала народно-освободительная борьба простого народа против англичан. По ее мнению, «народно-освободительная борьба не только способствовала изменению характера войны, развития патриотических настроений в обществе, но и имела непосредственный военный результат» [22, с. 155].

В последние два десятилетия в нашей историографии появились и свежие работы, в которых нашли свое отражение и новые аспекты укрепления суверенитета французского государства и проблемы

становления французского национального самосознания в годы Столетней войны [1,2,3,4,5,6,11,12,13,14,15]. В частности, В.А. Бароне на примере присоединения Нормандии на заключительном этапе Столетней войны, затронула различные объективные и субъективные факторы, отражающие процесс ускоренного единения Франции в этот период ее истории [1,2,3,4,5,6]. Е.В. Калмыкова определила основные параметры формирующейся национальной идентичности на основе изучения влияния Столетней войны на английское самосознание и раскрыла особенности английской и французской моделей национальной идентичности на примере отдельных героев Столетней войны [14, 15].

В истории средневековой Западной Европы Столетняя война (1337- 1453) является, фактически, первым общеевропейским конфликтом. Постепенно, наряду с Англией и Францией, в нее втянулись и другие значительные европейские страны (Шотландия, Кастилия, Арагон, Португалия, Германская империя и др.) и даже католическая церковь. Длительное время война оказывала мощное и разнообразное воздействие на различные стороны жизни, в первую очередь, английского и французского государств, а также и других участвующих в ней стран. Война заметно способствовала и укреплению в Англии и Франции национального самосознания и национальных монархий.

События Столетней войны получили широкое освещение во французских источниках этого времени, в том числе в произведениях Жана Жувеняля дез Юрсена (1388-1473) – французского прелата, историка и политического деятеля, непосредственного свидетеля и активного участника этих длительных драматических событий. В своих произведениях Жан Жувеналь затронул многие проблемы, касающиеся войны [23, 24, 25]. В данном случае нас интересуют его сведения о процессе формирования французской идентичности в ходе Столетней войны.

Для Жувеняля эта длительная и кровавая война не конфликт правящих домов Валуа и Плантагенетов (позже – Ланкастеров), а война между англичанами и французами. Инициаторами возникновения войны Жувеналь называл англичан, «которые не переставая шпионили, замышляя всеобщее разрушение королевства и подрывали всеми способами установление мира» [23, р. 323]. Их государство, Англию, он обвинил в том, что она «послала армию во

Францию» [24, р. 154]. Саму враждебность англичан по отношению к Франции Жувеналь объяснял их недостойными этическими свойствами: старинной злобой [23, р. 323, 349] и лицемерием [23, р. 355].

Позднее, в одном из своих крупных трактатах, «Христианнейший, высочайший и могущественнейший король» (1446 г.), он выделил четыре реальные политические причины английской агрессии во Францию. Первая, вторжение Эдуарда III во Францию должно было прекратить внутренние неурядицы в самой Англии. Второй он назвал, то, что английский король ловко воспользовался случаем выступления графа Робера д'Артуа против своего законного сеньора, короля Франции, совершая тем самым тягчайшее преступление против его величества. Третьей причиной дез Юрсен назвал желание английского короля переманить фламандцев на свою сторону и уговорить их выступить против своего законного сеньора, французского короля, а также тот факт, что Эдуард выступил с претензиями на права обладания французской короной и начал войну против Франции. Наконец, Эдуард, назвавшись королем Франции, также поступил и по отношению к жителям Гиени, не желающим воевать со своим суверенным сеньором, [25, р. 32-38].

В целом, в произведениях Жана Жувеняля дез Юрсена, отражающих события Столетней войны, англичане представлены главными врагами Франции [24, р. 216].

По нашему мнению, в трудах Жана Жувеняля образ врага, относящийся к англичанам и их союзникам, все же несколько усилен, нежели он был в реальной действительности. Позиция королевской власти и тех групп населения, кого коснулись бедствия войны, подучила в них преобладающее значение, став как бы позицией всей страны. Был нужен образ врага, который помог бы сплотить страну вокруг королевской власти, представленной Карлом VII. Он помогал ему бороться и против сепаратизма крупных сеньоров внутри страны.

Признавая определенную заданность в изображении англичан национальными врагами Франции, заметим, что это, вероятно объясняется не только большой опасностью английских вторжений для французского королевства. Такой подход был и результатом всплеска национального самосознания французского народа, а также личных переживаний Жувеняля по поводу бедственного положения сельского

и городского населения, несшего на своих плечах главные тяготы войны.

Жан Жувеналь дез Юрсен в своих произведениях уделил большое внимание самому институту королевской власти. В интерпретации места, роли и значения этого института, а также конкретной деятельности короля хронист открыто выступал в поддержку сильной королевской власти, приобретающей явные общенациональные черты и олицетворявшей общую волю в государстве.

Таким образом в произведениях Жувеналья периода Столетней войны фактически обоснована концепция национальной независимости Франции и ее неоспоримые права на территориальную целостность. Важнейшее место в ней заняла и королевская власть, в интересах которой в споре о династических правах на французскую корону Жувеналь отверг какие-либо права английских королей на французский престол и обосновал ссылками на право, историю, Библию, христианскую и рыцарскую мораль концепцию законности прав на корону Франции Карла VII [24, р. 160-184].

Работы Жана Жувеналья, в которых нашла отражение тематика Столетней войны, характеризует его не только как идеолога национальной королевской власти. Они свидетельствуют и об оформлении национального сознания их автора, и о формировании среди широких масс населения страны признаков общенациональной идентичности, на что не могли не оказать влияния события Столетней войны, вызвавшие общий рост патриотических чувств.

Литература:

1. Бароне В.А. «Английская Нормандия» первой половины XV в.: путь во Францию / В.А. Бароне. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 469 с.
2. Бароне В.А. Женщины Нормандии в Столетней войне // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». №18. М., 2010. С. 84–100.
3. Бароне В.А. Английская корона и жители Нормандии в первой половине XV в.: проблема принесения оммажа // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». №9. М., 2012. С. 93–117.
4. Бароне В.А. Английская армия в Нормандии первой половины XV в.: «повседневность оккупации» // Средние века. Исследования по

истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 73 (1–2). М., 2012. С. 42–72.

5. Бароне В.А. Английская армия в Нормандии в первой половине XV в. // Человек и общество перед судом истории: сб. статей / отв. ред. В.М. Володарский; редкол.: В.А. Бароне, Е.Д. Браун, А.В. Воеводский, А.В. Шарова. М.: РГГУ, 2013. С. 77–114.

6. Бароне В.А. Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». №10. М., 2017. С. 64–73.

7. Басовская Н.И. Освободительное движение во Франции и формирование национального самосознания (вторая половина XIV первая половина XV в.) // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М., 2001. С.48-57.

8. Басовская Н.И. Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // Средние Века. М., 1991, вып. 54. С.23-34.

9. Басовская Н.И. Столетняя война 1337-1453 гг. М.: Высш. шк. 1985. 184 с.

10. Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против лилии. М.: ООО «АСТ», Астрель, 2003. 428 с.

11. Бессилин Н.А. Столетняя война и французское общество в изображении Жана Жувеняля дез Юрсена // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). Уфа, РИЦ БашГУ, 2009. С. 101-112.

12. Бессилин Н.А. Жан Жувеналь дез Юрсен о династических и территориальных претензиях англичан во Франции // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). Том 7: Социально-политические и исторические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. С. 5-6.

13. Бессилин Н.А., Санжаров В.А. Семья Жувеналей Дезюрсенов на королевской службе: карьерный и социальный взлет // Гуманитарный вестник: сб. науч. тр. / ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков». Редкол.: С.Э. Зябрева и др. Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019. Вып.9. С.3-13.

14. Калмыкова Е. В. Столетняя война и формирование английского национального самосознания // СВ. Вып. 62. М., 2001.

15. Калмыкова Е.В. Мифы о национальных героях: образы Роберта Ноллиса и Бертраана Дюгеклена как модели формирования английской и французской идентичности в эпоху Столетней войны // Диалог со временем. 2007. № 21. С. 161-183.
16. Колесницкий Н.Ф. Франция в XI-XV вв. // История средних веков. Под ред. Н.Ф. Колесницкого. М.: Просвещение. 1980. С. 189-213.
17. Косминский Е.А. Франция в XI-XV вв. // История средних веков. Под ред. ак. Е.А. Косминского и чл.-кор. Ак. наук СССР С.Д. Сказкина. Т. 1. М.: Госполитиздат. 1952. С. 311-350.
18. Люблинская А.Д. Столетняя война и народные восстания XIV-XV вв. // История Франции / под ред. А.З. Манфреда. М.: Наука, 1972. В 3-х т. Т. 1. С. 115-150.
19. Мелик-Гайказова Н.Н. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М.: Наука, 1970. 213 с.
20. Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л.: Наука, 1982. 200 с.
21. Хачатурян Н.А. Франция в XI-XV вв. // История средних веков. Под ред. С.П. Карпова. В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ. 2000. С. 288-329.
22. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М.: Высш. шк. 1989. – 272 с.
23. J. Juvenal des Ursins. Histoire de Charles VI. P., 1839. P. 323-573.
24. Juvenal des Ursins, J. Ecrits politiques / Jean Juvénal des Ursins. P., 1978. Т. 1. P. 558.
25. Juvenal des Ursins, J. Ecrits politiques / Jean Juvénal des Ursins. P., 1985. Т. 2. P. 458.

УДК 323.15

DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.2

© А.Г. Большаков

д. полит. н., заведующий кафедрой конфликтологии
Россия, Казань, КФУ

A.G. Bolshakov

d. of polit. s., head of the department of conflict studies
Russia, Kazan, Kazan Federal University

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ: ПОЧЕМУ ЭТНИЧНОСТЬ ВАЖНЕЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ?

POLITICAL REGULATION OF DESTRUCTIVE CONFLICTS IN MODERN KAZAKHSTAN: WHY IS ETHNICITY MORE IMPORTANT THAN CITIZENSHIP?

Аннотация. национальная политика в Казахстане в последние 15 лет имеет целый ряд проблем. Наиболее важной из них является наличие криминально-бытовых конфликтов, в рамках которых конструируется этнический фактор. В данном тексте анализируются причины этих конфликтов. Подробно исследуется деструктивный конфликт февраля 2020 года в трех селах Кордайского района Жамбылской области – на юге Казахстана. Этническая доминанта определяет всю национальную политику республики.

Abstract. The National Policy in Kazakhstan in the last 15 years has a number of problems. The most important of them is the presence of Criminal and Domestic Conflicts, within which the Ethnic Factor is constructed. This text analyzes the causes of these conflicts. The destructive conflict of February 2020 in three villages of the Kordai district of the Zhambyl region in the south of Kazakhstan is studied in detail. The Ethnic Dominant Determines the entire National Policy of the republic.

Ключевые слова: транзит власти, криминально-бытовые конфликты, деструктивные конфликты, конструирование этничности, этническая солидарность, эффективное государство, национальная политика.

Keywords: transit of power, criminal conflicts, destructive conflicts, construction of ethnicity, ethnic solidarity, effective state, national policy.

Транзит власти в Казахстане закончился к настоящему времени. Действующий президент К.-Ж. Токаев смог утвердиться у власти после массовых беспорядков в январе 2022 года. В ходе объявленных реформ руководство не только модернизирует государственное управление, экономику, но и решает накопившиеся проблемы в сфере национальной политики, которая давала постоянные сбои. Последние 15 лет для Казахстана характерны многочисленные криминально-бытовые конфликты с проявлением или конструированием этнического фактора.

Примеров подобных конфликтов достаточно много. Так, в октябре 2006 г. произошёл межэтнический конфликт на нефтяном месторождении «Тенгиз», расположенном в Жылыойском районе Атырауской области Казахстана, в форме массовой драки турецких и казахских рабочих. В октябре-ноябре 2007 г. произошёл конфликт в селе Маятас, расположенном в Талебийском районе Южно-Казахстанской области между курдами и казахами. В феврале 2015 г. в селе Бостандык Южно-Казахстанской области прошли погромы местного таджикского населения. 1 января 2019 года в Караганде произошла драка во дворе ресторана, в ходе которой погиб человек. В городе прошёл антиармянский митинг. В сетях появились призывы к расправе над армянами, а несколько семей покинули город. 27 октября 2021 года в селе Пиджим Панфиловского района Алматинской области произошёл конфликт школьников, который перерос в драку, где пострадал подросток, участниками были казахи и уйгуры.

Наиболее масштабные беспорядки произошли 8 февраля 2020 года на юге республики, трагическим событиям предшествовала драка между казахами и дунганями, жителями села Масанчи Кордайского района (Жамбылская область), в которой участвовало около 70 человек. Видео драки выложили в социальных сетях, после этого в Масанчи прибыли 300 человек, и начались беспорядки, перекинувшиеся затем на близлежащие поселки Аухатты и Булан-Батыр. Участники поджигали дома, разбивали автомобили, забрасывали правоохранителей камнями, двое полицейских получили огнестрельные ранения. Ситуация вышла из-под контроля, когда конфликт удалось локализовать с помощью сил специального

назначения, число жертв составило 11 человек, еще 40 получили ранения, до 24 тыс. человек сбежало в Киргизию. В результате хулиганских действий, сопряженных с поджогами», участники драки повредили 30 частных домов, а также 15 объектов торговли и 23 автомашины. Задержано 47 участников беспорядков. Открыты два уголовных производства по статьям «организация и участие в массовых беспорядках», а также «убийство».

Дунганы – этническое меньшинство, китайские мусульмане, которые бежали еще во второй половине 19-го века после ряда локальных этнических конфликтов в Синьцзяне. Проживают дунганы в Казахстане уже полтора века, и с Китаем никак не связаны. Дунганы – это разделенный народ, большая часть которого живет в Китае, меньшая часть – на территории Киргизии, Казахстана, Узбекистана. Все погибшие люди – этнические дунгане; дома, магазины, машины принадлежали дунганам; в том же Масанчи 90% населения – это этнические дунгане. Севернее, находятся казахонаселенные села, откуда приехало несколько сотен человек с арматурой, «коктейлями Молотова», ружьями [5].

Подобных масштабов конфликтов до 2020 г. не было: с таким количеством погибших, раненых, пострадавших, уничтоженного имущества. С официальными заявлениями выступили и действующий президент К.-Ж. Токаев, и его предшественник Н. Назарбаев. Никогда прежде глава государства в Казахстане непосредственно не реагировал на подобные конфликты. Но переломить ситуацию не удалось: криминально-бытовые конфликты продолжились, а кризис января 2022 года продемонстрировал наличие неэффективности в процессе управления казахстанским социумом.

В качестве причин подобного конфликта эксперты обычно называют: рост этнического национализма, своеобразие культуры Юга Казахстана и наличие значительных маргинальных групп населения. Не менее важны внутренние политические причины, социально-экономические и геополитические истоки.

Последние 6-8 лет в Казахстане растет этнический национализм. Власти страны пытались этот процесс контролировать, но они натолкнулись на четкое неприятие казахской интеллигенции, поэтому контроль был снят с повестки дня. Начались заигрывания с национал-патриотической интеллигенцией, стирание «белых пятен истории», появились идеи о казахском Голодоморе 1932-1933 годов. Выделяются

деньги из бюджета на развитие этнической культуры казахов, а этнические меньшинства (в том числе и русские) вытеснялись на периферию. сегодня в структуре бюрократического аппарата: 95% – это титульная нация, в силовых структурах доходит до 99%. Значимые государственные должности «приватизированы» представителями этнического большинства. Остается только то, что еще не распределено, наподобие малого бизнеса дунган или земельного бизнеса корейцев. Взят курс на построение моноэтнического государства (на 2021 г. – 69,01% казахов, 18,42% – русских, 12,57% – все остальные народы) [3]. Но и после того, как власть полностью перешла к титульной этнической группе, необходимо контролировать остальную массу населения, которая живет не богаче, чем соседи – в Таджикистане, Узбекистане или Киргизии.

Юг Казахстана – своеобразная часть страны, с другой культурой, с более низким уровнем жизни и уровнем образования, с другой экономикой. Жамбылская область – дотационный регион. Она характеризуется высокой рождаемостью, высокой исламизацией населения, сложной экологической обстановкой, безземельем, недостатком множества других ресурсов, с другой – проблемой межэтнических отношений. Когда ресурсов немного, начинаются конфликты из-за них, а они переходят в погромы на национальной почве. К Югу Казахстана примыкает Киргизия, киргизско-казахские отношения иногда носят конфликтный характер. Есть информация, что в февральском конфликте 2020 г. были столкновения и с киргизами, а часть людей оказалась в больницах соседнего государства и осталась там жить.

Транзит власти в Казахстане объясняет многие проблемы с конфликтностью, борьба элитных групп отражается и на межэтнических отношениях в республике.

Н. Назарбаев – воспринимался изначально, как безальтернативная фигура, у К.-С. Токаева ситуация иная, он стал контролировать управление страной только в январе 2022 года. Необходимо отметить, что деструктивные конфликты появились при Н. Назарбаеве, а многочисленные издержки национальной политики накапливались уже много лет [4, с. 96-98].

Недостаточное развитие местного самоуправления, когда все важные вопросы решаются негласно, неэффективная кадровая политика, особенно в полиции, где на всех территориях доминируют

этнические казахи. «Диаспоральное» положение этнических меньшинств, практически все конфликты происходили в сельских регионах, и их участниками были общины с сильным традиционным укладом, локальной идентичностью и корпоративной сплоченностью. Сплоченность помогает защищать свои интересы, поскольку нельзя использовать ресурсы государства, но неинтегрированность вызывает недоверие и настороженность у окружающих.

Реализовывать многовекторность внешней политики Казахстану становится труднее. Это очевидно в начале 2022 года после внутреннего кризиса и помощи ОДКБ, бегства американцев из Афганистана. Китай является серьезным экономическим партнером для Казахстана, но вызывает напряженность большая сумма долга страны перед Китаем, завоз китайской рабочей силы, проявление его интереса к аренде земельных угодий [2, с.165-184]. Россия является для Казахстана одним из ключевых стратегических партнеров, она – главный военно-политический союзник республики. Но между странами имеются различные противоречия в рамках работы в ЕАЭС. [2, с. 145-164]. США уже пытаются, в сложившейся ситуации кризиса европейской безопасности, использовать Казахстан против России и Китая, это отражается и на межэтнических отношениях в самой Республике Казахстан.

Во всех конфликтах в Казахстане есть парадокс – они обычно вырастают из каких-то бытовых или криминальных столкновений. После них идет мобилизация людей по этническому признаку, и бытовой конфликт превращается в этнический. Люди, которые изначально не участвовали в бытовом конфликте и никак не связаны с местом его локализации, начинают стекаться к месту конфликта. Идет массовая мобилизация, убивают, поджигают дома только по признаку этничности, не по признаку конкретной вины. Используют много механизмов мобилизации людей, в том числе социальные сети. Агрессия людей, вырастающая из бытовых конфликтов, имеет спонтанный характер.

Конфликты в этнической сфере, случающиеся в Казахстане, четко делятся два типа. Первый тип – беспорядки, в центре которых оказываются иностранцы, работающие в строительных или нефтедобывающих казахстанских проектах (турки, индусы, китайцы, арабы). Второй тип – конфликты с этническими диаспорами. За последние годы имели место столкновения казахов с курдами,

чеченцами, уйгурами, таджиками, узбеками, армянами. Власти на термин «межэтнический конфликт» всегда реагировали крайне болезненно, подчеркивая, что причины инцидентов были только бытовыми или криминальными.

В Казахстане удастся предотвращать ряд назревающих конфликтов, есть профессиональные медиаторы в сфере межэтнических отношений, судебные приговоры «за разжигание межнациональной розни». Но целостная эффективная национальная политика находится в процессе формирования, ее наличие будет означать переход к современному национальному государству и преобладанию гражданской идентичности. Представляется, что основой этого процесса должна быть устойчивая экономика, в условиях которой разные люди имели бы примерно одинаковый доступ к ресурсам. Одновременно должно формироваться эффективное государство.

На современном этапе развития полиция, суды и бюрократия в Казахстане не всегда способны действовать по закону. Они иногда бездействуют, либо встают на сторону, которую считают своей. И это проблема не национальной политики, а дееспособности институтов государственной власти. Политические институты должны работать в рамках определенных процедур, бюрократических инструкций, методов и практик, которые не связаны напрямую с этничностью. Если человек, независимо от его этнического статуса, совершил преступление, то он должен быть наказан. В этой связи понятно, что укрепление политических институтов, экономики, социальной политики улучшает ситуацию, снимает межэтническую напряженность.

Ситуация в Казахстане вполне сравнима с Российской Федерацией. Российские власти, столкнувшись с конфликтами такого типа раньше и в большем масштабе, лучше научились мониторить ситуацию и принимать превентивные меры. Важный фактор – заметно более низкий уровень этнической солидарности у русских в России, чем у казахов в Казахстане. При этом в самой центральноазиатской республике криминально-бытовых конфликтов с конструированием этнического фактора между казахами и русскими не существует. А отдельные факты этнической дискриминации легко устранимы в результате постоянного диалога Республики Казахстан и Российской Федерации.

Специфика ситуации в Казахстане заключается в том, что процесс национально-государственного строительства получил этноязыковую коннотацию и идет под знаком возрождения казахского этноса. Этот процесс затрудняет формирование новой национальной идентичности на общегражданской основе и ведет к усилению этнической идентификации как среди казахов, так и других этнических групп, живущих в современном Казахстане [1, с. 16-17]. Остается надеяться, что в масштабных реформах, которые были начаты в январе 2022 года президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым, наряду с серьезными экономическими и антикоррупционными мерами, реформами силовых структур и государственного аппарата значительное место будет уделять корректировке национальной политике, которой будет придано общегражданское звучание, при постоянном развитии этнокультурной составляющей всех народов республики.

Литература:

1. Бектурганова Б.И. Гражданская и этническая идентификации региональной молодежи Республики Казахстан // *Siberian Socium*. 2019. Том 3. №2. С.8-17.
2. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных микрополитических процессах. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 192 с.
3. Выжutowич В. Жить в Казахстане или уехать на родину – каждый решает сам // *Российская газета*. 2022. 3 февраля.
4. Шустов А. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии // *«Восток (Oriens)»*. 2011. С.48-114.
5. Панфилова В. Погромы в Казахстане покрывали госорганы // *Независимая газета*. 2020. 9 февраля.

УДК 94(4)“04/14”

DOI: 10.33184/iskffe-2022-03-17.3

© **А.В. Вербовский**

старший научный сотрудник
ДНР, Донецк, ГБУ ДРКМ

A.V. Verbovskiy

senior research fellow

DPR, Donetsk, GBU DRKM

ВИЗУАЛЬНЫЕ И ВЕРБАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ КАРЛА V МУДРОГО

THE VISUAL AND VERBAL PORTRAITS THE KING OF FRANCE CHARLES V THE WISE

Аннотация. В статье рассматривается развитие пластических искусств в XIV в. во Франции времени правления короля Карла V Мудрого из династии Валуа, собравшего при своем дворе лучших живописцев и скульпторов эпохи и сформировавшего культурную и творческую среду, способствовавшую развитию портретного жанра. Скульпторы Андре Боневе, Жан де Льеж ранее живописцев добились реалистичности в передаче внешности модели. В качестве объекта исследования использованы портретные изображения Карла V Мудрого, созданные придворными художниками.

Abstract. The article investigates the development of plastic arts in the 14th century in France during the reign of king Charles V the Wise of the Valois dynasty. He gathered at his court the best painters and sculptors of the era and formed a cultural and creative environment that promoted the portrait genre development. Sculptors André Beauneveu, Jean de Liège before painters achieved realness in reproduction of model's appearance. The objects of research were portrait images of Charles V the Wise created by court artists.

Ключевые слова: Карл V Мудрый, король, Франция, портрет, художник, скульптор, пластические искусства.

Keywords: Charles V the Wise, the king, France, portrait, painter, sculptor, plastic arts.

Король Карл V, получивший прозвище Мудрый, третий из династии Валуа на троне Франции, правил страной в 1364-1380 гг. Как и все Валуа, любивший роскошь и придворные праздники, Карл V, несмотря на экономические сложности, связанные с войной, выделял большие средства на строительство Венсенна и Лувра, отеля в квартале Маре и загородного строения в Боти-на-Марне [13, с. 1/243]. Для иллюстрации королевского авторитета, богатства и щедрости Карл, понимавший важность зрелищных представлений для установления монаршей власти, устраивал церемонии торжественных въездов, пиры и шествия [7, с. 117]. Как и его братья – герцоги Карл Орлеанский, Филипп Бургундский, Жан Беррийский – французский монарх был библиофилом, коллекционером, меценатом и покровителем искусств [4, с. 13]. Король не только собирал произведения искусства и ценные манускрипты, но и заказывал для своей библиотеки переводы на французский книг греческих философов, латинских историков и другие литературные сочинения [9, с. 170]. Так, например, в 1372 г. капеллан Карла V по распоряжению короля занялся переводом на французский язык «De proprietatibus rerum» [15, с. 128]. Среди изготовленных для Карла V рукописей: «Град Божий» («La Cité de Dieu») блаженного Августина, французская Библия 1371 г., иллюминированная фламандцем Яном ван Брюгге, «Rational des divines offices» [5, с. 432]. Французский король, тративший на старинные рукописи внушительные средства, собрал лучшую среди библиотек светских правителей того времени коллекцию манускриптов, изобиловавших великолепными миниатюрами. По сведениям историков, библиотека Карла Мудрого составляла от 900 [1, с. 76-83] до 1200 томов [11, с. 261].

Париж со времени расцвета готического стиля, являвшийся средоточием интеллектуальной жизни Западной Европы (до тех пор, пока лидерство не перехватили Флоренция, Сиена и другие города Италии) [12, с. 214], был столицей, где монархи соперничали с церковью в покровительстве наукам и пластическим искусствам. Эту эпоху, начавшуюся во второй четверти XIII в. с «французского Перикла» – Людовика Святого, завершает в XIV столетии Карл Мудрый, достойный именоваться меценатом французского искусства [5, с. 406].

При дворе этого монарха придворными архитекторами служили Рамон де Тампль и его последователи – Гюи де Дамартен, Жан-Сен

Ромен [5, с. 419]. Во французскую столицу были приглашены фламандские мастера пластических искусств: Жан Бандоль, Жакмар д'Эден, Жак Кен [11, с.254]. Живописные тенденции Жана Бондоля продолжает уроженец Валансьена – Андре Боневё, который до службы у Людовика Мальского и Жана де Берри работал при дворе Карла V [17, с. 40], также, как и нидерландский художник Ян ван Брюгге [5, с. 429] и скульптор Jean de Thoiry [14]. Таким образом, французский король Карл V Мудрый сам способствовал формированию той культурной среды, в которой были созданы его вербальные портреты и образы этого монарха в различных видах пластических искусств.

Уже у его современницы Кристины Пизанской формируется образ короля, принципиально отличающийся от традиционного представления, каким должен быть властитель этой эпохи. Рассуждения Кристины Пизанской об этом монархе направлены на убеждение читателя в том, что рыцарство состоит не в возможности лично и физически исполнять акты доблести, но использовать свой интеллект для руководства военными делами. Именно он – «книжный» и хрупкий король Карл, а не Дюгеклен, с ее точки зрения является «vray chevalereux» и героем отвоевания французских земель у англичан. [13, с. 1/243].

У Мориса Дрюона дофин Карл (будущий король Карл V) изображен неглупым и решительным молодым человеком, способным возражать распаленному гневом отцу – королю Иоанну II и настаивать на своем мнении [6, с. 119]. Описывая молодого Карла, историк Жан Фавье сообщает, что этот хрупкий человек в соответствии со своим характером имел больше чувства меры, чем героизма, был проницательным наблюдателем событий, умевшим не противодействовать им, а направлять в нужное русло, способным мудро выжидать и лавировать в политических коллизиях [10, с. 255]. Историк Эдуард Перруа в своем описании подчеркивает телесную слабость щуплого, непривлекательного юноши, каким был Карл: «Загадочная болезнь, начавшаяся в юности, часто вынуждала его ложиться в постель и унесла вскоре после того, как ему стукнет сорок. Физическая слабость сделала его скорее кабинетным человеком, нежели человеком действия» [9, с. 169].

Как мы знаем, живописцы и скульпторы этих времен получали от заказчиков подробный перечень требований, предъявляемых к своему визуальному образу [12, с. 203]. Карл Мудрый не был исключением.

Он не желал видеть себя в образе монарха-воина или короля-чудотворца, поскольку предпочитал собственную чистоту перед Господом мирскому поклонению [2, с. 54].

Визуальный портрет Карла V не единожды появляется на страницах манускриптов. В уже упомянутом манускрипте «Град Божий», хранящемся в Национальной библиотеке Франции, главная миниатюра представляет Карла Мудрого принимающего из рук Рауля де Пресля написанную тем книгу. В портретной трактовке лиц уже имеются черты реалистичности. На одной из миниатюр «Больших Французских хрониках» (Париж. Национальная библиотека Франции. Ms. Fr. 2813, fol. 474 v.) король Карл V изображен встречающим императора Священной Римской империи Карла IV. В уже упомянутом манускрипте «Град Божий» («La Cité de Dieu»), хранящемся в Национальной библиотеке Франции, главная миниатюра представляет Карла Мудрого принимающего из рук Рауля де Пресля написанную им книгу. В трактовке лиц персонажей прослеживается попытка изобразить индивидуальные черты.

В «Rational des divines offices», рукописи 1374 г., находящейся в Museum Meermannno-Westreenianum (Гаага), изображены король Карл Мудрый и Жанна де Бурбон, диктующие сидящему у их ног писцу. Миниатюры, украшающие этот манускрипт, созданы художником из Фландрии Яном ван Брюгге. В вопросе реалистичной передачи индивидуальных черт лиц портретируемых, работы этого мастера превосходят миниатюры «Града Божьего» [5, с. 432] и иллюстрации других манускриптов [16, с. 5-6; 17, с. 36].

Однако, главные достижения в портретном жанре XIV в. были сделаны в скульптурной пластике. Великолепное скульптурное изображение Карла Мудрого, созданное неизвестным ваятелем XIV в. для церкви Целестинцев, а ныне хранящееся в Лувре (Париж, Церковь Целестинцев, около 1370 г.), вполне можно представить себе по экфрасису Эдуарда Перруа: «хрупкое сложение, хилое и щедушное тело, так отличающее его от атлетичных великанов, какими были первые Валуа, и от красавцев – последних Капетингов. Тонкий и длинный нос, изможденное лицо, тяжелая и слегка склоненная голова на костлявых плечах» [9, с. 169].

После смерти Карла Мудрого в 1380 г. было установлено три скульптурных изображения короля для трех гробниц, в которых были захоронены его останки: в Париже, где было погребено тело монарха, в

Руане, где захоронено его сердце, и в Мобюссоне над погребением с его внутренностями.

Мраморное скульптурное изваяние, под которым хранится тело короля (Париж, Базилика Сен-Дени.), выполнено еще при жизни Карла V (ок. 1374 г.) по его непосредственному заказу. Его создателем был придворный скульптор – Андрэ Боневе, использовавший посмертную маску монарха для придания скульптуре портретного сходства.

Для гробницы монастыря цистерцианцев в Мобюссоне, в которой захоронены внутренности Карла Мудрого, в 1374 г. был создан еще один скульптурный образ короля, соответствующий его портретным характеристикам: «Тяжелое несколько обрюзгшее лицо с длинным носом, полным подбородком и небольшими, глубоко посаженными, открытыми глазами» [8, с. 100]. Лицо и руки французского монарха выполнены вполне реалистично.

Руанская статуя, созданная мастером Жаном из Льежа, представляет собой фигуру Карла V, держащего в руке собственное сердце.

К произведениям искусства, на которых присутствует образ Карла V Мудрого, относится Нарбоннская напрестольная пелена – Великопостное покрывало для алтаря собора в Нарбонне. Шелковый плат с изображенными на нем гримасами Страстями Господними (Предательство, Бичевание, Несение Креста, Плач и т.д.) и Воскресением создан неизвестным художником (названным Мастером нарбоннского парамана), вероятно, в первые годы правления этого короля [16, с. 5-6]. На двух узких полосах, отделяющих центральное изображение Распятия от других сцен Страстей, находятся донаторские портреты коленопреклоненных Карла V и его жены – Жанны Бурбоннской [17, с. 41-42]. Изготовленная в Париже, алтарная завеса Нарбоннского собора, впоследствии возвращенная во французскую столицу, хранится в Луврской коллекции [5, с. 430]. Еще одним изображением Карла V Мудрый на ткани является гобелен, созданный в XIV в. неизвестным мастером фламандской школы, который хранится в Музее времени в Безансоне.

Подводя итог, мы можем сказать, что скульптурные портреты Карла Мудрого являются самым достоверным свидетельством того, как выглядел этот французский король. Созданные лучшими ваятелями этого времени эти статуи уже имеют ярко выраженные индивидуальные черты. Андрэ Боневе, Жан из Льежа, неизвестный

мастер – автор скульптуры для церкви Целестинцев добились впечатляющей реалистичности в передаче внешности короля Карла V, предвосхищая достижения итальянских мастеров Кавтроченто [3, с. 11]. Достижения скульпторов, работавших при французском дворе в XIV в., не уступают успехам флорентийцев и сиенцев этого времени.

Литература:

1. Басовская Н.И. Диалог короля и сословий на закате средневековья: Карл V Мудрый // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2010. N 18. С. 76-83.
2. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
3. Вербовский А.В. Портретный жанр в средневековой Франции: устоявшийся стереотип и исторические реалии // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. № 2/2021. С.5-15.
4. Вербовский А.В., Бредихин А.В. Скульптурные портреты бургундского герцога Филиппа Храброго из династии Валуа // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции. Том 7: Исторические науки. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. С.13-15.
5. Верман К. История искусства всех времен и народов. Т. 2. Европейское искусство средних веков. СПб.: Просвещение, 1896. – 928 с.
6. Дрюон М. Когда король губит Францию / Морис Дрюон. Минск: Мастацкая літаратура, 1983. – 255 с.
7. Лионидас Зои, Вербовский А.В. Монаршие въезды в столицу глазами горожан (по «Дневнику горожанина Парижа») // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. с. 116-122.
8. Неволина, Е. В. Готическая скульптура в культовых интерьерах Франции / Екатерина Владимировна Неволina, Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2004. 244 с.

9. Перруа Э. Столетняя война / Эдуард Перруа. СПб.: Евразия, 2002. 480 с.
10. Фавье Ж. Столетняя война / Жан Фавье. СПб.: Евразия, 2009. 656 с.
11. Фаулер К. Эпоха Плантагенетов и Валуа. Борьба за власть (1328-1498) / Кеннет Фаулер. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002. 352 с.
12. Франкастель Пьер. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху кватроченто / Пьер Франкастель. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
13. Christine de Pisan *Le livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V*. éd. S. Solente, Paris, Champion, 1936-1940. 2 t. CIII, 249, 283 p.
14. Erlande-Brandenburg Alain. Jean de Thoiry, sculpteur de Charles V. In: *Journal des savants*, 1972, n° pp. 210-227;
15. Le Goff, Jacques. *The Birth of Europe* / Jacques Le Goff. Blackwell. 2005. 274.p.
16. *Les Grandes Chroniques de France. Chroniques des regnes de Jean II et de Charles V*. Publiee pour la societe de l'histoire de France par R. Delaghenal. Tome quatrieme. Miniatures du manuscrit de Charles V. A Paris societe de l'histoire de France. 46, Rue Jacob. M DCCCG XX.
17. Panofsky E. *Early Netherlandish painting its origins and characters* / Erwin Panofsky. Harvard university press. Cambridge. Massachusetts, 1966. 632 p.

УДК 94(47)“1917/1991”+323.1
DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.4

© **И.В. Демичев**

к. филос. н., ст. науч. сотр.
Россия, Уфа, ИСИ РБ

I.V. Demichev

senior research fellow

Russia, Ufa, Institute of Strategic Studies of RB

О КОНЦЕПТЕ «СОВЕТСКИЙ НАРОД»: ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

THE CONCEPT OF “SOVIET PEOPLE”: THE EXPERIENCE OF CONSTRUCTING A CIVIL NATION

Аннотация. В статье в тезисной форме представлена попытка осмысления советской идентичности на всем периоде существования СССР. Через определение термина «нация» автор анализирует структуру идентичности, ее трансформацию с течением времени и последующее разрушение. Делаются выводы о необходимых элементах любой «гражданской» идентичности.

Abstract. The article presents in a thesis form an attempt to comprehend the Soviet identity throughout the entire period of the existence of the USSR. Through the definition of the term “nation”, the author analyzes the structure of identity, its transformation over time and subsequent destruction. Conclusions are drawn about the necessary elements of any “civilian” identity.

Ключевые слова: советский народ, идентичность, конструирование идентичности, нация.

Keywords: soviet people, identity, identity construction, nation.

В определении понятия «нации» до сих пор сохраняются не только частные, но и концептуальные противоречия [см., напр., 1], однако с какой бы позиции не проходила рефлексия этого феномена, в нем выделяются, хотя и в различном порядке, основные признаки. К ним относятся: территориальное, культурное, политическое и экономическое единство, обеспечивающее общее универсальное

социокультурное пространство, которое и обозначается, как «нация». В отличие от нации, этнос не обладает универсальностью, представляя собой комплекс территориальных общин, сельских или городских, политическая, культурная и экономическая связь между которыми имеет вариативный и динамичный характер – причем, это характерно и для этнических сообществ современности [см., напр., 2]. Иными словами, «нация» – это специфический тип социокультурного сообщества, в котором прослеживается универсальное культурное пространство, соответствующее универсальному же пространству социально-экономическому, что обеспечивается политическими институтами, и прежде всего, государством. Именно этими «большими» институтами выражена солидарность (как наиболее яркий пример – статус «гражданина»), а национальная идентичность определяется позицией по отношению к культурному миру сообщества, так же фундированному государством (аналогично, «гражданство»). Возможность универсального социокультурного пространства определяется соответствующей социальной, экономической и политической инфраструктурой, обладающей «универсализирующим» характером: права и обязанности гражданина в системе законодательства, единая система законов и расчетная единица для экономики, централизованные каналы массовой коммуникации, транслирующие культуру (от школы до общегосударственных СМИ, национальная структура науки и т.п.). Внутри организованного по единым стандартам социокультурного пространства снижается «коммуникативное сопротивление», в то время как границы распространения этих стандартов резко такое сопротивление повышают – чем и обеспечивается преимущественная высокая плотность связей и отношений внутри национального сообщества. Формирование подобной универсальной инфраструктуры можно отсчитывать, начиная с перехода от аграрного к индустриальному типу общества, и в дальнейшем рост внутренней плотности коммуникации и инфраструктуры был завязан на процессы становления индустриального общества [см. 3]. В то же время, с середины XX века стоит отметить и особый процесс, обозначаемый, как глобализация: выход сложившихся в «ядрах» противоборствующих мировых систем национальных стандартов за пределы национальных границ и их распространение на зависимые и союзные национальные сообщества. Последние не теряли некоторой особенности в конкретике

политических систем или идентичности, однако универсализация их внутренних социокультурных пространств стала проходить на стандартах «ядер», снижая коммуникативное сопротивление на границах и последовательно инкорпорируя их в наднациональные проекты. Распад Советского Союза и завершение Холодной войны в этом отношении также представлял собой драматический и тяжелый переход из одного такого универсального пространства в другое – из советского социалистического в западное капиталистическое, обозначаемое, как «магистральный путь развития человечества» и т.п.

Если национальные сообщества на западе и на территории бывшего СССР после его распада в той или иной степени находятся в фокусе внимания исследователей, то тема национального строительства в советский период и рассмотрение феномена «новой исторической общности – советского народа», к сожалению, находится в «слепом пятне» и подвержена различного рода идеологическим искажениям. В то же время, она, во-первых, представляет собой факт успешного развития нашей страны в сложных условиях XX века, а также вариант успешного перехода от аграрного к индустриальному типу общества [см., напр., 4]. Кроме того, распад СССР – помимо политических своих аспектов – в исследовательском плане также представляет собой опыт распада социокультурной системы в рамках модернизационных изменений [см., напр., 5].

Рассматривая в этом ключе концепт «советского народа, как новой исторической общности», нельзя не отметить следующих ключевых аспектов.

Во-первых, концепт «советского народа» был [см., напр., 6] и остается сильной идентичностью [см., напр., 7], причем, как в положительном, так и в отрицательном смысле [см., напр., 8], которые отличаются друг от друга оценкой и акцентом.

Во-вторых, этот концепт был сложносоставным, реализуя вариант «многонационального народа», в рамках которого оформленные союзными республиками нации обретали объединяющий их «советский» аспект [см., напр., 9].

В-третьих, «советскость» в данном случае атрибутировала принадлежность ко всему социокультурному пространству советского общества, в рамках которого политико-идеологическая часть была соединена с культурной, хозяйственной, мессианской, что сообщало ей черты, сходные с идеократией [см., напр., 10].

В-четвертых, идентичность на основании концепта «советского народа» проводила сразу три типа границ в отношении внешнего мира – территориальные, структурные и этические, тесно связанные между собой. В то же время, они не были непроницаемыми, поскольку конечной целью советского проекта было преобразование человечества на собственных основаниях – т.е. предполагалось распространить советскую идентичность на все человечество.

В-пятых, изъятие идеологического содержания из концепта «советский народ», лишило его этической санкции и целевой функции, что повлекло за собой резкую негативную переоценку «советского» содержания, вслед за чем произошло размежевание составлявших «новую общность» национальных элементов, их политического оформления (республик), а также отказ от советского типа общества и образа жизни.

Исходя из этого опыта, можно отметить, что «гражданские» идентичности и, соответственно, нации, всегда должны иметь как относительно выраженное идеологическое содержание, придающее смысл всему концепту, так и привязку к социокультурным формам, выступающим выражением и воплощением этого содержания. Даже если в момент стабильного существования идеологическое содержание оказывается второстепенным, отказ от этической санкции вызывает распад всей системы идентичности. Чем больше компонентов предыдущих идентичностей и их этико-идеологического содержания включается в структуру идентичности актуальной – тем легче происходит трансляция и освоение последней, и тем меньше при этом возникает противоречий, при прочих равных условиях.

Литература:

1. Аршин К. Нация // Философская антропология 2018. Т. 4. № 2. С. 103-116
2. Рыбьякова А.В. К вопросу о понимании этнических общностей в современной этносоциологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponimanii-etnicheskih-obschnostey-v-sovremennoy-etnosotsiologii> (Дата обращения: 08.03.2022).
3. Э.Геллнер Нации и национализм. М., «Прогресс», 1991

4. Канарш Г.Ю. Советское общество как модернизационный проект // *Философская мысль*. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-obschestvo-kak-modernizatsionnyy-proekt>
5. Кирдина-Чэндлер С.Г. Несостоявшийся теоретический синтез – тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР) // *Социологические исследования*. 2021. № 12. С. 27-36.
6. Лавриненко А.А. Общность «советский народ» как универсальная политическая идентичность граждан СССР // *Грані*. 2019. Т. 22. № 11. С. 5-14.
7. Титов В.В. Роль советской символики в формировании национально-государственной идентичности россиян // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2021. Т. 27. № 3. С. 82-86.
8. Корнеев В.В. Фальсификация истории как способ разрушения советской идентичности в современной России // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2019. № 1 (834). С. 223-233.
9. Гончаров А.С., Ануприенко И.А. Императивы советской политики формирования национальной и гражданской идентичности в 1930-1980-е гг. // *История. Историки. Источники: электронный научный журнал*. 2021. № 1. С. 24-31.
10. Туркина В. Г., Антонова Е. Л. Советский город в пространстве советской повседневности // *Colloquium-journal*. №21(45). 2019.

УДК 94(47)

DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.5

© **К.Р. Капсалькова**
доцент, УрФУ, Екатеринбург

K.R. Kapsalykova
Associate Professor, UrFU, Ekaterinburg

«ВСПОМНИТЬ НАШИ ПРЕКРАСНЫЕ ГОДЫ УЧЕБЫ И ДРУЖБЫ»: ВСТРЕЧИ ВЫПУСКНИКОВ КАК ФАКТОР СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА М. Я. СЮЗЮМОВА)¹

“REMEMBER OUR BEAUTIFUL YEARS OF STUDY AND FRIENDSHIP”: CLASS REUNION AS A FACTOR OF SOVIET IDENTITY BY THE MATERIALS OF PERSONAL FUND OF M. JA. SJUZJUMOV

Аннотация. В статье впервые публикуются письма первых выпускников Камышловской школы фабрично-заводского ученичества А. М. Лорера и Д. Г. Попова из личного фонда известного историка М. Я. Сюзюмова (Государственный Архив Свердловской области, Ф. Р-802). Особое внимание уделено получению образования как фактору советской идентичности и встречам выпускников как аспекту социализации.

Abstract. The letters by A. M. Lorier and D. G. Popov, students of Kamyshlov professional technical school, in this article were published. Epistles were kept in fund of M. Ja. Sjujzjumov (State Archive of Sverdlovsk region, Fund R-802). The special attention was given to education as Soviet identity factor and class reunion as socialization aspect.

Ключевые слова: М. Я. Сюзюмов, А. М. Лорер, Д. Г. Попов, СССР, Камышлов, филателия, преподавание истории в школе.

Keywords: M. Ja. Sjujzjumov, A. M. Lorier, D. G. Popov, USSR, Kamyshlov, philately, History teaching in school.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01455, <https://rscf.ru/project/22-28-01455/>

Обязательным пунктом в листках по учету кадров и других официальных анкетах советского времени являлась графа об образовании. В 1920–1930-е гг. первое в мире социалистическое государство нуждалось в высококвалифицированных специалистах во всех отраслях народного хозяйства, науки и культуры. Для достижения этой цели в короткие сроки была создана эффективная система подготовки кадров в учебных заведениях различного уровня. В эти «золотые десятилетия» советской школы появлялись педагогические системы А. С. Макаренко, Л. С. Выготского, М. Я. Сюзюмова.

Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982), доктор исторических наук, профессор, один из крупнейших историков XX в., создатель теории диалектического континуитета (связи в историческом процессе). Фундамент его научно-педагогического опыта был заложен в Юрьевском университете. Преподавательская деятельность М. Я. Сюзюмова началась в 1916–1917 гг. в Ревельской мужской гимназии. С 1920 по 1929 гг. он был заведующим школой второй ступени в Златоусте. Здесь он создал, по сути, советскую гимназию, в которой каждый ученик являлся «исследователем в миниатюре». Такой подход предусматривал, помимо насыщенного учебного процесса, создание многочисленных ученических кружков. Именно в эти годы, М. Я. Сюзюмов впервые в мировой практике рассмотрел филателию как вспомогательную историческую дисциплину, а марку «как исторический документ», который можно использовать на уроках в качестве наглядного материала, заложил принципы тематического коллекционирования марок [7].

С 1930 по 1934 гг. М. Я. Сюзюмов – заведующий учебной частью в школе фабрично-заводского ученичества Пермской железной дороги в Камышлове [4]. В этом, только что открытом учебном заведении, профессиональному историку довелось преподавать специальные дисциплины будущим связистам. Соответствующий опыт у него имелся – в годы Гражданской войны М. Я. Сюзюмов служил в роте связи 79 стрелковой бригады 5 Армии РККА. Характерно, что в Камышлове, как и в Златоусте, им был создан филателистический кружок.

Педагогическое мастерство М. Я. Сюзюмова сплачивало ученический коллектив, укрепляло узы дружбы между ребятами и их наставником: «златоустовцы-второстепенцы» регулярно собирались на встречи выпускников более полувека (!), как и «курсанты-связисты» из

камышловского ФЗУ. Об этих встречах они сообщали своему учителю, который с 1955 по 1982 гг. являлся профессором кафедры всеобщей истории Уральского государственного университета.

В частности, в 1978 г. М. Я. Сюзюмов получил письмо от своего камышловского ученика Артура Матвеевича Лорера (1913 – после 1980). После окончания ФЗУ А. М. Лорер продолжил учебу в Пермском механическом техникуме. В 1937 г. он был арестован НКВД «за участие в троцкистской организации». Однако в 1939 г. следствие по его делу было прекращено [5, с. 27–38]. Впоследствии он долгие годы работал на железнодорожном транспорте. Со своими друзьями по училищу и М. Я. Сюзюмовым он поддерживал постоянную связь.

Письмо А. М. Лорера М. Я. Сюзюмову

Рукопись, подлинник [1, л. 1 – 1 об.]

Дорогой Михаил Яковлевич!

Всегда с доброй памятью вспоминаю Вас и привитое Вами мне пристрастие к истории и филателии! Вас помнят и любят многие камышловцы, знавшие Вас по 30-м годам.

В 1980 г. Камышловское ГПТУ № 16, основанное еще на базе школы Ф.З.У., будет отмечать 50-летие.

И вот ее первые учащиеся-выпускники, особенно группы «Связь № 1» уже теперь готовят фотомонтаж современных их лиц и их учителей. Они не забыли и Вас!

г. Камышлов продолжает оставаться тихим городком. Правда, за эти последние 2–3 года, в связи со строительством нового завода хромовых кож построили до 10 новых 5-этажных домов в восточной части города.

Построили новый железобетонный мост в черте города через р. Пышму.

В июне с/г снесли с лица земли быв. Александровскую церковь на базарной площади. Сейчас на ней новый кинотеатр и строят «Дом быта», узел связи. Около ж/д-вокзала очень медленно строят новый автовокзал.

Я по-прежнему страдаю болезнью глаз, а с остальным жить можно! Живу теперь только вдвоем с женой. Старший внук уже учится в летном училище на Украине, другой школьник, а самая маленькая еще в детсаде.

Теперь, бывая в г. Свердловске, постараюсь навестить Вас и своих родственников, которые живут в Вашем доме.

Всего Вам хорошего и Вашей супруге.

С уважением,

А. Лорер

Через два года М. Я. Сюзюмов получил пространное, талантливо написанное, изобилующее яркими деталями повседневной жизни (от проблемы поиска лакированных туфель до разговоров на юбилейном банкете!) письмо от другого камышловского ученика – Доната Григорьевича Попова (1913–2000).

Письмо Д. Г. Попова М. Я. Сюзюмову

Машинопись, подлинник [2, л. 1–3 об.]

Курган, 30 ноября 1980 г.

Здравствуй, Михаил Яковлевич!

Не удивляйся, что я пишу твое имя в тексте от руки. Дело в том, что мне нужно скорее информировать всех об этом пресловутом юбилее, написать нужно много и по существу одно и то же. Я сам приехал домой только в ночь на 30/XI и полон возмущения и негодования. Я обращаюсь к тебе: может быть ты напишешь куда-нибудь – в горком или в газету, насколько безобразно и безответственно был организован юбилей училища. Сам я, пожалуй, не смогу этого сделать, т. к., во-первых, никогда не писал в газеты, а во-вторых, в голове у меня сейчас такая сумятица, что боюсь, что тебе не смогу изложить все достаточно последовательно.

Но, началось все с того, что дату несколько раз переносили и это одно уже внесло свою сумятицу, сбilo нас с толку. А затем разослали приглашения так, что получали мы их, по существу, накануне.

В результате смогли приехать только те, кто живет более-менее не так далеко от Камышлова. Даже я едва-едва успел приехать, но был на волосок от того, что вообще не смог бы приехать. Дело в том, что на сборы у меня было очень мало времени, и в спешке я упал, содрал кожу на голени и сильно ушиб ногу, она у меня распухла. В общем, был очень близок к перелому ноги. Хорошо, что к моменту отъезда опухоль спала, хоть и болела моя нога довольно сильно и сейчас еще болит.

Ну, а если человек, зная, что юбилей будет в декабре, в ноябре отлучится из дома куда-нибудь? Вот так и случилось с Тамарой Елохиной (теперь Турыгиной). На обратном пути домой я поехал через Свердловск и зашел к ней узнать, почему она не была на торжестве? Я не знал, что она собиралась и очень хотела приехать – и вот на тебе – не приехала. Зашел к ней, а она ревет белугой готова, говорит, повеситься с досады. Целый месяц искала белые лакированные туфли, чтобы приличной выглядеть на юбилее, готовила роль (она всю жизнь участвовала в самодеятельности), выступление и вот на тебе – все пошло псу под хвост. А дело вышло так, что она, зная, что юбилей будет в декабре, уехала к дочери. Вернулась в Свердловск только утром 21 ноября и обнаружила в почтовом ящике приглашение. К 14 часам она при всем своем желании никак не могла попасть в Камышлов. Тамара была просто убита этой неудачей. Я и без того был весьма расстроен организацией юбилея, а эта история с Тамарой и вовсе меня выбила из колеи, так что я больше не стал и узнавать, почему не были остальные: Миша Галкин, Ольга Турыгина (сейчас Медведская).

Теперь о самой организации юбилея. Приглашения, хоть и с большим опозданием, были посланы. Но ведь если хороший хозяин приглашает кого в гости, он считает себя обязанным обеспечить и встречу, и крышу над головой. Хорошо, что у Кости Петухова есть брат в Камышлове, у Аркаши Сосновского друг – Паша Мерзляков, ну а у меня друзей и родственников – пол-Камышлова (только и было приезжих)! Ну а если бы приехал кто-либо, что давно не был в Камышлове? У кого не осталось связей, места, где бы можно было остановиться? (та же Тамара Елохина?) – что тогда? Об этом никто не позаботился.

Теперь о дне проведения юбилея. Обрати внимание – в 14.00 21 ноября – это же пятница – рабочий день. Ведь многие выпускники более поздних лет еще не на пенсии, работают. Значит они сознательно были лишены возможности присутствовать на торжестве. Мне в частной беседе говорили, что в училище было разногласие, когда проводить юбилей. Многие предлагали в субботу или в воскресенье. Но замполит настоял на пятнице (кстати, говорят, он вообще был против юбилея), – спрашивается, с какой целью? Чтобы меньше пришло?

О директоре училища, Иванове Сергее Ивановиче, мне сразу заявили в Камышловое, что это пустое место, отсиживается, тянет время до пенсии, а замполит, кому бы и карты в руки, в организации юбилея, против – вот и результат, что все прошло комом.

На торжественной части отметили и «вытянули» на сцену только «выдающихся»: Костю Петухова, как доцента ЛИИЖТа, некоего Агеева – выпускника уже послевоенных лет, но зато секретаря КПСС, председателя какого-то исполкома, такого же выпускника более позднего времени и т. д. и т. п. Упоминали и Елизарова, и Туранского и т. к. вся грудь в орденах, то тоже вытянули бы на сцену. Но черт с ней, со сценой, нам туда не очень-то и хотелось. Значительно хуже и поскудней получилось с банкетом. Туда были приглашены только те, кого «вытянули» на сцену. Я тоже был на банкете, но далеко не уверен, попал бы я туда, не окажись я между Костей Петуховым и Артуром Лорер в тот момент, когда их приглашали туда. Волей-неволей пришлось пригласить и меня. А вот Аркашу Сосновского, который приехал по приглашению и надеялся посидеть в кругу друзей, не пригласили. А ведь он тоже, по существу, не такая уж малая величина – зам. директора мебельного комбината (до пенсии). Ну взять хотя бы Павлика Мерзлякова. Он хотя и без большого ассортимента орденов и медалей, не «взлетел» очень высоко, но всю жизнь проработать на одном месте – это тоже заслуга немалая. У него в трудовой, наверное, только одна запись и есть, разве что война внесла туда кое-какие коррективы. В общем, из нашей группы на банкете присутствовали только Костя Петухов да я (по недоразумению).

Хочу пару слов написать еще об одном инциденте, происшедшем на банкете. Там перед микрофоном многие выступали с приветственными речами, в том числе и старейший преподаватель училища... Ныне он на пенсии, пишет историю училища: К. С. Фокин. И вот тов. Фокин в своем выступлении как-то между прочим сказал: «Виктор Васильевич Путинцев (II эл. Связь ФЗУ) очень много трудов положил в организацию юбилея». Я сейчас не помню, кто из наших друзей, не то Костя Петухов, не то Артур Лорер не выдержал, соскочил, вырвал у Кости Фокина (я так фамильярно его называю, потому что 8 лет проработал в училище вместе с ним и для меня он просто Костя Фокин) микрофон и сказал: «Донат Григорьевич Попов так же немало потрудились для юбилея. В течение трех лет он разыскивал выпускников первого выпуска. Донат Григорьевич,

встаньте!» Ну, я встал и поклонился. А так бы никто и не вспомнил обо мне. Но суть не в этом, я не настолько честолюбив, чтобы сетовать на недостаток внимания к своей особе. Мне кажется, не затей мы всю эту возню с юбилеем, я с фотографиями, другие с заметками в газету, то они, эти горе-руководители, так бы и отсиделись и никакого юбилея не отметили бы. Вот ведь в чем суть! Мне кажется, что и банкет они сделали, в основном, для себя. По слухам, с сотрудников училища было собрано по семь рублей. По существу, это был не банкет, а коллективная пьянка. На стол, за которым разместилось шесть человек, было поставлено 4 бутылки водки и бутылка шампанского. За нашим столом сидели три мужчины и три женщины, так что мы с трудом «высосали» две бутылки водки и шампанское, остальное сдали. Так что, как видите, напиться при желании можно было до зеленой сопли. Но ведь нам нужно было не это. Нам нужно было встретиться со своими бывшими одноклассниками, посидеть с ними, вспомнить молодость, наши прекрасные годы учебы и дружбы. А вот их-то никого и не было. Аркаша Сосновский уехал очень обиженный, да и я тоже, хоть и попал на этот банкет. В конце концов, если у них нет средств на проведение банкета, мы же не отказались бы вложить сколько требуется, только организуйте нас. Аркаша, например, взял с собой 80 рублей на встречу с друзьями, и я был не без денег, да и все остальные тоже, я думаю.

Вот так это все прошло в Камышлове. А 26 ноября я приехал в Свердловск и мне сообщили, что в этот день исполняется полгода со дня смерти Бориса Самсонова, и Наташа, его жена, просила прийти на поминки. Оказалось, что приехала и сестра Бориса, Ангелина (училась во II связи ФЗУ). Я спросил, было ли ей приглашение? Оказалось, что она ничего не знала и приглашения не получала. Спрашиваю: если бы знала и была приглашена, то поехала бы? Конечно! Я начал рассказывать Ангелине, как прошел юбилей, а рядом с нами сидела женщина и прислушивалась к моему рассказу. Мы с ней разговорились,

Оказалось, что она тоже училась в ФЗУ в 1934–1936 гг. в группе слесарей-паровозников. Я заинтересовался и просил подробнее рассказать о себе. И вот что я узнал. Она сирота из деревни Рогалевой, нужда заставила ее пойти домработницей к машинисту Сметанину, а затем к Быковым (около Шадринского моста). Быковы впоследствии и устроили Шуре (девичья фамилия Рогалева) в ФЗУ. Работала по

окончанию ФЗУ на ремонте паровозов в депо Камышлов, затем в 1939 году была направлена на курсы машинистов. Сначала ездила помощником машиниста, затем и *первой женщиной-машинистом* (курсив. – *авт.*) на Свердловской железной дороге. В настоящее время персональный пенсионер. Несколько лет назад ездила в Камышлов на слет комсомольцев 30-х годов – значит, о ее существовании знали в Камышлове и не пригласили на юбилей.

Александра Ивановна также весьма обижена этим. Вот обо всем этом, я считаю, и следовало бы написать, в Камышловский Райком и Обком партии г. Свердловска.

Моя Эльза, когда узнала обо всем этом, посоветовала написать всем вам, как была организована встреча выпускников военных лет Камышловского педучилища (Март 1980 г.). Приглашение всем было послано за 1,5 месяца до срока, причем были посланы анкеты, в которых спрашивалось, между прочим, придет ли она одна или с мужем. В Камышлове на вокзале всех людей встречали, объявляли по радио, что их ожидают в определенном месте. Сразу отвозили на квартиру. Всем без исключения, а не по выбору, были вручены памятные подарки, фотоальбомы об училище. Встреча прошла очень организовано и оставила самые приятные воспоминания. Люди были обеспечены питанием, вечером был банкет для всех без исключения. Сидели по курсам. Этот стол для одного курса, этот – для другого. На другой день всех возили по городу, на предприятия, посетили Обуховский дом отдыха, который, как и город, значительно вырос и превратился в Обуховский пансионат. Вот это действительно была встреча, организованная с душой и оставившая о себе неизгладимые воспоминания. А у нас что? Так, пустой выстрел. И тем еще досадней, что готовились мы к встрече три года, всех взбудоражили и все пустую.

Если будет не лень, сообщи мне открыткой, получил, мол, прочитал.

До свидания.

С приветом,

Попов Донат Григорьевич.

Этот подробный «отчет» был разослан Д. Г. Поповым первым выпускникам и преподавателям Камышловского ФЗУ, которые к 1980 г. стали известными и уважаемыми людьми. Так, в письме

упоминаются: Т. Н. Турыгина (урожд. Елохина), М. А. Галкин, О. П. Медведская (урожд. Турыгина), А. К. Сосновский. К. С. Фокин и В. В. Путинцев много лет отдали работе в училище. К. И. Петухов в 1956 г. стал кандидатом технических наук, доцентом Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта [8, л. 12]. Инженер-подполковник Василий Никифорович Елизаров и полковник Игорь Иосифович Туранский прошли Великую Отечественную войну, а затем служили в Советской Армии [3, 6].

Подводя итоги, отметим, что встречи выпускников являлись неотъемлемой частью самоидентификации советского человека. Они сопровождались дополнительными атрибутами – фотоальбомами, записями воспоминаний, памятными значками и медалями. Юбилейные даты, связанные с историей учебных заведений, также являются движущей силой подобных мероприятий.

Важным аспектом советской идентичности являлось обучение в среднем или высшем учебном заведении. По нашему мнению, неперменной составляющей успеха и популярности встреч выпускников являлось то, что все участники общались между собой на равных, не допуская «ярмарок тщеславий и парадов самомнений». Искусственное разделение людей на *personae gratae* и *personae non gratae*, само по себе глубоко аморальное, влекло бы за собой разрушение социальных связей.

Традиция встреч одноклассников и однокурсников стала «пленительной привычкой» для поколения, юность которого совпала с юностью Советской страны. Благоприятная социально-экономическая ситуация 1960–1970 гг., времени, когда на пенсию уходили школьники, «пионерские форпосты» и комсомольцы 1920–1930 гг., способствовала повсеместному распространению подобных меморативных практик.

Наряду с перепиской со знаменитыми советскими и зарубежными учеными, профессор М. Я. Сюзюмов сохранил в своем личном архиве письма учеников. Ему были одинаково интересны жизненные перипетии как златоустовского коммунара Михаила Первухина (наркома химической промышленности СССР), так и камышловского железнодорожника Артура Лорера.

Литература:

1. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 226.
2. ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 244.

3. Елизаров Василий Никифорович. См.: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer4967335/
4. Мохов А. С., Капсалькова К. Р. «Три Империи» Михаила Сюзюмова // Сюзюмов М. Я. Византийское государство и византийская культура в X–XI вв. Екатеринбург: ИЦ «Никея», 2018. С. 4–29.
5. Немцы в Прикамье. XX век: сборник документов и материалов. Пермь: Изд-во «Пушка», 2005. Т. 1. Кн. 2. 405 с.
6. Туранский Игорь Иосифович. См.: Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero95807738/> (дата обращения: 14.03.2022)
7. Что и как собирать (платформа Златоустовского кружка юных филателистов) // Советский коллекционер. 1925. № 5. С. 4–5.
8. Archives privées de Serge Vechnjakoff. F. Photo. № 12. Юбилейная фотография первого выпуска группы Связь-1.

УДК 94(47)

DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.6

© **Е.А. Круглов**

к. и. н., доцент

Россия, Уфа, БашГУ

E.A. Kruglov

c. of h. s., associate professor

Russia, Ufa, BSU

*Памяти Михаила Ивановича Куккуледи
и его учеников, крымских греков, посвящается*

ГРЕКИ-ПРОСВЕТИТЕЛИ И ВОИНЫ В ИСТОРИИ РОССИИ (К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

GREEK ENLIGHTENERS AND WARRIORS IN THE HISTORY OF RUSSIA (ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY)

Аннотация. Статья рассматривает основные этапы складывания греческого этноса и, прежде всего, формирование национального самосознания его восточной части – эллинов Понта. Автор анализирует роль представителей греческого этноса в истории России и приходит к выводу, что их активное участие в жизни российского государства и общества свидетельствует о том, что этнос продолжает жить и в XXI веке.

Annotation: The article considers the main stages in the formation of the Greek ethnos and, above all, the formation of the national identity of its eastern part - the Hellenes of Pontus. The author analyzes the role of representatives of the Greek ethnos in the history of Russia and comes to the conclusion that their active participation in the life of the Russian state and society indicates that the ethnos continues to live in the 21st century.

Ключевые слова: восточная часть эллиинства, Понт, Россия, депортация.

Keywords: eastern part of The Hellenes, Pontus, Russia, deportation.

История складывания этноса и вызревания его самоидентичности должна рассматриваться явно не в одной скромной по размерам статье, а в многотомных исследованиях, посвященных каждому народу в отдельности. Понтийские греки как органичная часть эллинизма в целом – не исключение. Можно, вероятно, обозначить лишь наиболее важные этапы в истории этноса. Так, к примеру, поступал Л.Н. Гумилев в своем исследовании «Этногенез и биосфера Земли», где 1200-летняя (в среднем) история каждого этноса на просторах Евразии уподоблена жизни человека: рождение, становление, пассионарный подъем (акмэ), старение («перегрев»), закат... В истории эллинов зарождение самосознания – эпоха греко-персидских войн V в. до н.э., когда разрозненно жившие по крохотным полисам греки перед лицом агрессии Персии впервые стали осознавать себя единым народом – эллинами Балкан.

Затем последовали полные внутренних противоречий эпохи битв с Римом, агрессии галлов и гуннов, вторжение на Балканы славян с севера и османов с востока. Это, видимо, становление, «перегрев» и начало заката эллинов Балканского полуострова. У восточной ветви этноса, эллинов-понтийцев, живущих вокруг Черного моря, основные этапы те же. Специфика определялась региональными факторами: на севере Крыма греческие соседи менялись часто – скифы, сарматы, готы, гунны, половцы, печенеги, турки Золотой орды. На юге и востоке – османы Высокой порты, обосновавшиеся всерьез и надолго. На западе – вечное море, точнее – моря: Средиземное, Мраморное и Черное (Понт), давшего название субэтносу – греки-понтийцы.

Вначале понтийцы формировались как часть основного этноса грекоязычной Византии. После 1453 г. они стали одним из народов окраины Османской империи. После 1783 г. при Екатерине II греки, жившие в Крыму, стали российскими подданными. И если до XVIII в. в истории России чаще звучали итальянские, немецкие и французские имена [26, с. 17-11; 22, с. 20], теперь рядом с ними появляются и греческие. Тогда как в более ранней истории русского государства они были редки.

В самом деле, еще до официального принятия христианства на Руси в 988 году свет Христа и грамоты понесли в русские земли два брата просветителя из города Салоники на севере Греции. На Руси их так и называли – «солунские братья»: Кирилл (Константин) (827-869) и Мефодий (815-885).

В XIV веке их дело продолжил наставник Андрея Рублева Феофан Грек (1340-1405), оставив после себя неповторимые фрески в храмах Москвы, Пскова и Новгорода, ведущих центров культуры этого времени [19, 157-162]. Чуть позднее вызванный из Святого Афона для исправления богослужебных книг Михаил Триволис (1475-1556), известный под именем Максим Грек, написал целый ряд серьезных работ как по богословию и философии древних, так и по фонетике и грамматике русского языка, чтобы вернуться домой, в Афон [18, 23].

Век спустя при правлении сестры Петра I Софьи Алексеевны на территории Троице-Сергиевой лавры начала свою деятельность Славяно-греко-латинская академия, первое высшее учебное заведение России. У ее истоков вновь стояли два брата-грека: Иоанникий (1633-1717) и Софроний (1652-1730) Лихуды [25]. Среди выпускников этой академии был и будущий великий ученый М.В. Ломоносов, большая часть кипучей деятельности которого будет проходить между Академией Наук и Московским университетом Первопрестольной.

Несомненно, достойны упоминания в XVIII-XIX вв. Евгений Булгарис (1715-1806) и Александр Ипсиланти (1792-1828). Первый под диктовку Екатерины II вел переписку с Вольтером в годы его работы над «Историей России эпохи Петра Великого». А когда в 1783 году Крым вошел в состав России, Булгарис стал его первым христианским епископом [4, с. 213]. Нельзя не вспомнить и ратные подвиги генерал-майора Ипсиланти, потерявшего руку в боях с Наполеоном. Пик его короткой и яркой деятельности пришелся на то время, когда он, уроженец Балкан, стал пионером борьбы своей родины за независимость от Османской Порты.

Действенную помощь по линии дипломатии ему оказывал земляк, граф И.А. Каподистрия (1776-1831), много лет возглавлявший Министерство иностранных дел России. Неслучайно поэтому грудь его украшали семь орденов стран Европы, а также орден Андрея Первозванного – высшая награда России [1].

Помимо А. Ипсиланти среди российских офицеров были и другие греки, сражавшиеся с Наполеоном, в том числе 6 генералов, чьи портреты украсили Военную галерею Зимнего дворца: А.П. Мелиссино, А.И. Балла(с), П.Е. Бенардос, Е.И. Властос, С.Х. Ставраков и Д.Д. Куругас [5, с. 87-89, 163-166; 24, с. 314-339]. А в баталиях Крымской войны сражались десятки греков, генералов армии и

адмиралов флота, родившихся на берегах Понта (в Крыму, на юге Украины, на западе Грузии) [21, с. 131].

Накануне войны с Японией Императорский двор скромно отмечал 50-летие окончания Крымской войны. Один из отцов отечественного кинематографа А.А. Ханжонков снимал на пленку доживших до 1905 года ветеранов боев за Севастополь и Крым в целом. И среди них, как оказалось, было несколько участников знаменитой Балаклавской битвы 13 октября 1854 года, единственного успешного для России сражения Крымской войны, в котором погибла элитная британская конница. За участие в этой битве 30 греков-понтийцев из Крыма получили ордена Св. Георгия [17, с. 38; 20]. Это и были земляки тех, из пригорода Севастополя, кто, по образному выражению дружившего с ними А.И. Куприна, с тех пор именовался «последними лестригонами».

За русско-японской войной последовали две балканские, затем и Первая мировая, а к 30 упомянутым георгиевским кавалерам история добавила еще пятерых их земляков [1].

В непростые годы Гражданской войны одни из них, как генерал-майор А.П. Греков (1875 – после 1956), в рядах «белых» ушли на запад. Другие, как Иракий Метакса, один из 26 бакинских комиссаров (1889-1918), преподаватель академии РККА В.К. Триандафилов (1894-1931) и будущий полярник И.Д. Папанин (Папаиоанидис) (1894-1986), твердо встали на сторону Советов [8, с. 211-214].

Греки-понтийцы активно участвовали в колхозном строительстве в Крыму, на Кубани и в западной Грузии в 20-30-е годы, когда на всю страну прогремело имя звеньевой женской бригады трактористок Паши (Прасковьи) Ангелиной (1912-1959), пока их мирный труд не прервала новая война – Великая Отечественная.

За годы Великой Отечественной войны порядка 16 греков-понтийцев стали героями Советского Союза. Данные эти разнятся, так как по распоряжению НКВД еще с середины 30-х годов детей, родившихся не в чисто греческих семьях, было принято записывать со славянской («коренной») национальностью. Поэтому из 16 героев СССР, по подсчетам А.Н. Коцониса [10, с. 17], «чистых» греков – 5-6, остальные – «славяне», а один даже «грузин», в чем видно влияние эпохи Любимого Вождя... По подсчетам Ю.Д. Кочериди [13, с. 18-36], героев из понтийских греков – 20, но и тут та же картина: половина из них из-за одного родителя – не считаются греками во всех официальных источниках (21 биография греков-героев СССР, в том

числе полугрек-полубелорус генерал Л. Доватор и наполовину грек, наполовину поволжский немец Н. Гастелло).

Еще более парадоксальна оказалась ситуация вокруг В.Д. Фисатиди (1921-1974), захватившего в годы войны 156 (!) «языков» из солдат и офицеров вермахта. По неписанным наградным нормативов этим заслугам соответствовало звание героя СССР [10, С. 81-83], к которому он дважды и рекомендовался. Но по причине нежелания записаться «русским Фисатовым» этот настоящий герой с 5 орденами и 6 медалями вместо звания героя получил... «путевку» на восток СССР вслед за депортированными 2 июня 1944 года родичами из Крыма «за коллаборационизм с немецкими оккупантами» [2, с. 34-38, 83-92; 6,7]. Эта первая волна депортантов вскоре пополнилась второй из греков западной Грузии с осени 1945 по 13 июня 1949 года «из числа текущих национальных групп» [27, с. 2]. Не потому ли в лагерях депортантов на востоке нашей страны 9 мая еще долго встречали буквально «со слезами на глазах»... Пока не последовала реабилитация невинно осужденных (чьи родственники были в партизанских отрядах Крыма в 1941-1944 годах) с двусмысленно-иезуитским разрешением для освобожденных из спецпоселений от Перми на севере до Казахстана на юге с 7 марта 1956 года жить в любой точке СССР за исключением Крымской области.

Не удивительно, что в подобных обстоятельствах вернуться домой оказалось практически невозможно, так как дома депортантов были давно заселены новыми хозяевами... Таким образом, значительная часть понтийских греков осталась на пермско-казахстанском меридиане. В Башкирии 5727 крымчан, половина из которых – армяне и болгары – в Благовещенском районе, а греки – в Нуримановском, переведенные оттуда по амнистии 1956 года на север Уфы, в Черниковск [15; 28, с. 75].

Здесь-то и узнали, что задолго до 1917 года на Юном Урале бывали их земляки, в том числе питерский меценат Д.Е. Бенардаки (1800-1870), а на рубеже XIX-XX веков осел в Уфе и преподавал в Землемерном училище Уфы вплоть до гибели в 1922 году истинный просветитель гимназистов города, тоже грек с юга России А.И. Родоканаки [3, с. 94-95; 9, с. 2; 16].

Просветительскую эстафету в середине XX века подхватил Михаил Иванович Кукулиди (1915-1983). В 1941-1944 годах он был заместителем начштаба Южного партизанского отряда,

действовавшего в районе Феодосия-Старый Крым, успешно помогая армии в освобождении Крыма от немецких оккупантов. Затем в числе прочих тысяч греков он был депортирован на восток, в т. н. Черниковск. Многие годы бывший партизан был директором и учителем рисования и черчения в школе № 62. Его мама сумела в начале хрущевской оттепели вернуться в Крым и даже обрести там крышу над головой, сам же Кукулиди, обзаведясь семьей из жителей Черниковска, остался здесь, просвещая и воспитывая в стенах школы на ул. Ульяновых и детей выходцев из Крыма, и уфимцев.

Значительная часть депортированных не смогла ни вернуться в родной Крым, ни – сверх всяких надежд – переехать в Москву. Тем не менее, были и исключения. Среди них – дирижер Тбилисского, а затем Московского Большого театра в 60-70-х годах О.А. Димитриади (1908-2005), активно участвовавший в музыкальном оформлении Московской олимпиады 1980 года. Из понтийцев, также перешагнувших 90-летний рубеж, отметим народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, автора многих кинолент и создателя телепередачи «В мире животных» А.М. Згуриди (1904-1998).

Велики заслуги в области истории и археологии Центральной Азии потомка трапезундских греков В.И. Сарияниди (1829-2013), который за 20 лет раскопок памятников бактрийско-маргианской цивилизации III-I тыс. до н.э. выявил порядка 30 тыс. золотых артефактов. Итоги раскопок в Узбекистане, Туркмении, северном Афганистане нашли отражение в его работах, опубликованных на 8 языках СССР и Европы, а грудь понтийца на склоне лет украшали высокие награды России, Туркмении и Афганистана.

В те же долгие годы нес воинскую службу на Черноморском флоте – адмирал М.Н. Хронополо (1933-2012).

Круг имен греков-понтийцев в России от генералов и политиков до ученых-академиков, деятелей искусства и спорта оказывается столь обширен, что Ю.Д. Кочериди издал 8 тематических справочников по биографиям земляков [11, 12], а среди них едва ли не самое свежее дополнение – имя летчика-космонавта Ф.Н. Юрчихина (р. 1959). Продолжая лучшие традиции летчиков, героев СССР Г.Я. Бахчиванджи и братьев В. И К. Коккинаки, Герой России грек-понтиец из Батуми 5 раз взмывал на ракете в небо, точнее – в Космос. И это по-своему символично, поскольку означает, что греческий этнос жив, и особенно – в семье народов России.

Литература:

1. Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России (1809-1822). СПб., 2004.
2. Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выслать греков». М., 1999.
3. Буравцов В.Н. Уфимские гимназии и средние специальные училища (первая половина XIX – первая четверть XX вв.). Уфа, 2013.
4. Век Екатерины II. Дела балканские / ред. В.Н. Виноградов. М., 2000.
5. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981.
6. ГАРФ. Ф.Р.-9401.Оп. 2. Д. 65. Л. 162-163 (депортация из Крыма);
7. ГАРФ. Ф.Р.-9401.Оп. 2. Д. 480. Л. 182 (депортация из Грузии);
8. Греки-адмиралы и генералы / сост. Ю.Д. Кочериди. М., 2017.
9. Кессиди И.Х. Дмитрий Бенардаки // ЭвксиносПонтос. 2011. № 1-2.
10. Коцонис А.Н. Лабиринт. М., 2000.
11. Кочериди Ю.Д. Греки-адмиралы и генералы. М., 2017. 248 с.
12. Кочериди Ю.Д. На благо Отечества. М., 2017. 196 с.
13. Кочериди Ю.Д. Греки в Великой Отечественной войне. М., 2020.
14. Круглов Е.А. Греки // Этносы и культуры в единой семье Башкортостана / ред. Р.М. Дуггал-Мухаметзянова. М., 2018. С. 386-391.
15. Круглов Е.А. Из Крыма – в Нуримановский район БАССР // Социально-экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI-XXI вв.). Уфа, 2017. С. 221-226.
16. Круглов Е.А. Греческий меценат-преподаватель уфимского Землемерного училища в начале XX в. // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Уфа, 2019. Т. 1. С. 65-67.
17. Круглов Е.А., Щebetовская Д.А. Присягнувшие России, или греки-понтийцы – георгиевские кавалеры // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6.
18. Максим Грек. Слова и поучения. СПб., 2007.
19. Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX-XVII вв. М., 1984.
20. Николопулос И. Греки в России (XVII-XX вв.). СПб., 2007.
21. Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII-XIX вв. СПб., 2008.
22. Синдаловский Н.А. Петербург. От дома к дому... СПб., 2002.
23. Синицкая Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.
24. Словарь русских генералов // Российский архив. Т. 7. М., 1996. С. 314-339.

25. Сменцовский Н.В. Братья Лихуды. Церковно-исторические материалы. СПб., 1889.
26. Художественная сокровищница Московского Кремля. М., 1988.
27. Ченкелидис В. День памяти депортации греков Причерноморья в Казахстан и Среднюю Азию // Эвксинос Понтос. 2018. № 6.
28. Шакурова Ф.А., Чегодаев Е.А. Спецпоселения на территории Башкортостана в 1930-1950 гг. // Вестник АН РБ. 2005. Т. 10. № 2.

© **Р.Н. Рахимов**
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, БашГУ

R.N. Rakhimov
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, BSU

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ РОССИИ

THE NAPOLEONIC WARS AND THE FORMATION OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Аннотация. В ходе наполеоновских войн в Российскую императорскую армию были направлены полки национальной конницы (башкирские, мишарские, калмыцкие, крымскотатарские). Наиболее массовым было участие башкир – 20 полков. В 1806–1814 гг. башкиры не только сражались с противником. Война интенсифицировала представления башкир об общей этнической идентичности, ее месте в структурах империи.

Abstract. During the Napoleonic wars, regiments of national cavalry (Bashkir, Mishar, Kalmyk, Crimean Tatar) were sent to the Russian Imperial Army. The most massive was the participation of the Bashkirs – 20 regiments. In 1806–1814 Bashkirs not only fought with the enemy. The war intensified the ideas of the Bashkirs about a common ethnic identity, its place in the structures of the empire.

Ключевые слова: наполеоновские войны, народы России, башкиры, национальные войска, этническая идентичность.

Keywords: Napoleonic wars, peoples of Russia, Bashkirs, national troops, ethnic identity.

Одним из крупнейших событий мировой истории начала XIX в. были наполеоновские войны. Они потребовали привлечения всех сил Российской империи, принявшей в них активное участие. Чтобы противостоять Великой армии Наполеона в армию императора

Александра I вошли ополчение и иррегулярные войска (казаки и национальная конница). В 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг. в составе вооруженных сил империи был представлен исторический максимум инородческих частей собранных на национальных окраинах и активно участвовавших в боевых действиях. В Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. боевую службу несли 20 башкирских, 4 крымско-татарских, 3 калмыцких, 2 мишарских, 2 тептярских конных полков. Многие представители национальных частей отличились в боях, получили награды (чины, ордена, знаки отличия).

Само использование национальной кавалерии в Заграничном походе 1813–1814 гг. представляло собой яркую демонстрацию мощи Российской империи, единства народов ее населяющих, живое присутствие в Европе русского Востока со своими культурными традициями, религиозными особенностями – исламом и буддизмом. Для Европы знакомство с представителями русского Востока происходило в представлениях идей Просвещения, формируя понятные образы и идеологемы которые приобрели реальность в виде «живой этнографии» (народы «дикие и просвещенные», варварство, прогресс) [5, с. 172–175; 9, с. 660–661, 673–674; 15, с. 82].

Необходимо отметить, что кроме феномена победы и завершения «Чудесного похода» 1812 г. в Париже в марте 1814 г., произошел важный перелом в общественном сознании подданных Российской империи – формировалась нация [3, с. 77]. Русские, пережив нашествие «дванадцать языков», осознали себя русскими. Одновременно война, вызвавшая массовое перемещение войск, привела к естественному знакомству русского населения центральных и западных губерний страны с теми народами, о которых возможно и имелись представления, но которые никогда не представлялись визуально. Так, газета «Северная Почта» сообщала о реакции жителей Верхнего Волочка, через который осенью 1812 г. в армию прошли 3-й, 4-й и 5-й башкирские полки. Жители, речь идет о православных русских горожанах впервые видевших представителей Азиатской России «вслед за сими воинами воссылали усердные молитвы ко всевышнему о даровании им победы над врагами нашими» [11, с. 37].

Представители российских элит, конечно, владели сведениями о народах, населяющих Россию. Серии картин К. Гейслера, Ж.-Б. Лепренса и ряда других художников-путешественников, издаваемых в

XVIII – начале XIX в. давали яркое представление о них [16, 17, 18, 19]. Россия читающая знакомилась со своей этнографией в публикациях академических путешествий И.И. Лепёхина, П.С. Палласа, И.П. Фалька, И.Г. Георги и через описания наместничеств и городов [7, 12, 13]. Но если признать, что русскую историю России подарил Н.М. Карамзин, то «живую географию России» – наполеоновские войны [3, с. 72–77; 8].

Как повлияло участие в наполеоновских войнах на нерусские народы России? Обратимся к башкирам, наиболее массово присутствовавшим в армии империи. В XVI в. башкиры, после падения Казани, добровольно приняли российское подданство. Этот процесс шел в течение второй половины XVI в., вплоть до начала XVII в. Каждый отдельный род или союз родов отправлял своих представителей к Ивану IV для принятия подданства и получения жалованных грамот. Суть подданства заключалась в том, что башкиры обязались платить прежний ясак русскому царю, нести за свой счет воинскую службу по охране огромной юго-восточной границы страны. За это за ними закреплялось вотчинное право на свои земли, сохранялись ислам и местное самоуправление. Таким образом, основной задачей башкир стала военная служба по охране границы.

Несмотря на то, что вхождение в состав России осуществлялось отдельными родами, башкиры уже со средневековья были консолидированы в один народ. Не случайно термин «Башкирия» («Башкирия») известен уже с XVI в. как обозначение территории, на которой живут башкиры. Он повторяется в Соборном Уложении 1649 г. и в других официальных документах XVII–XIX вв. [2, с. 12–13; 10, с. 302]. Для Российского государства башкиры являлись единым народом с общими условиями нахождения в составе государства. По мнению Б.А. Азнабаева необходимость охраны юго-восточной границы, существующую этничность не только сохранила, но и укрепила, поскольку возникла необходимость на ежегодных собраниях распределять участки границы, закрепленные за тем или иным родом [1, с. 12–18].

На формирование этнической идентичности влияли башкирские восстания XVII–XVIII вв. направленные на соблюдение империей государством условий вхождения башкир в состав государства. Через некоторое время вектор строительства империи привел в конце XVIII в. к уравниванию православия, ислама и буддизма как государственных

религий (включение конфессионального компонента в армейские штаты, создание Духовного Магометанского собрания в Уфе в 1788 г.).

Введение кантонной системы в крае в 1798 г. фактически консервировало башкирский народ, живший на территории Оренбургской, части Пермской и Вятской губерний в военно-служилом состоянии и сохраняло его. Появившаяся военно-административная элита (кантонные начальники), и башкирское дворянство сменили прежнюю родовую элиту и тарханов, наследие ордынской традиции. Новые элиты были нацелены на интеграцию Башкирии в институты империи. Нуждавшаяся в военном потенциале империя сама шла к ним навстречу в этом вопросе. Уже в 30-е гг. XIX в. дети башкирских и мишарских чиновников учились в Неплюевском военном училище, других учебных заведениях, часть административного состава Башкиро-мещеряжского войска проходила службу в чинах по Табели о рангах.

Этническую идентификацию башкир в эпоху наполеоновских войн замечательно демонстрирует башкирское народное творчество. Башкирами было создано значительное количество исторических песен, легенд, сказаний, связанных с походом против Наполеона. Наряду с темами патриотизма, защиты Родины в них прослеживается мир представлений башкир.

В башкирском фольклоре, связанном с наполеоновской эпохой четко выделяются общенародные святыни – Урал, гора Ирмель и некоторые географические объекты, имеющие локальную сакральность – Ирендык, Магаш, реки Агидель, Яик, Кизил [6, с. 10–13, 18–19, 26]. Герои, отправляющиеся на войну и провожающие их, рассуждают не в категориях родовых представлений о территории, а в категориях народных – «родина», «родная земля», «родимый край» [6, с. 10, 11].

В текстах башкиры вместе с русскими прогоняют Наполеона. При проходе через разные страны башкир спрашивают, что это за народ, и получают ответ «мы – башкиры». Так поступают австрийцы, французы [6, с. 30–31]. В бою «чужие» – французы «дрожат», «бегут» [6, с. 12]. Среди «своих» – М.И. Кутузов, или Кутдус, как его звали башкиры и Александр I, который вдруг «вспомнил о башкирах государь» (или ему напомнили) о том, что есть целый народ башкиры. К ним царь в разных произведениях обращается за помощью [6, с. 18, 27, 30].

Формированию башкирской идентичности способствовало то, что полки составлялись по кантонам, а не по родовым подразделениям.

Официально полки именовались «башкирские конные полки» и имели номера, что также способствовало идентификации служивших в них воинов в рамках этнонима. Башкиры понимали, что в русской армии они «башкиры», или по терминологии того времени «башкирцы».

На укрепление этнической идентичности влияло ношение национальной одежды, заменявшей до 1827 г. униформу. Отсутствие форменного обмундирования у национальной конницы (кроме тептярей и ставропольских калмык) имело основной причиной реализацию давнего тезиса военного строительства, иметь армию «числом поболее, ценой поменее».

Национальная одежда была своеобразным маркером. В 1837 г. наследник цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II), выполняя желание своего отца, осуществил путешествие по Европейской России и Сибири. В Оренбурге им был проведен смотр войск. И хотя Башкиро-мещерякское войско имело уже уставное обмундирование и в нем представлялось, одна сотня башкир была в национальных костюмах красного цвета и в «панцирях» [4, с. 66]. Интересно, что европейцы в 1813–1814 гг. по шапкам вполне уверенно различали башкир от калмыков.

Маркером этничности выступала и кухня. Во время визита Александра I в Оренбургский край в 1824 г. царь посетил башкирское кочевье, где пил кумыс и ел бишбармак из конины, заставив и свое окружение попробовать национальную кухню [14, с. 358–359]. Признавая национальную кухню и национальный костюм как элементы этнографии башкир царствующий дом Романовых тем самым легитимизировал представления о башкирской этничности. С другой стороны, все это укрепляло башкирскую идентичность, воспринимавшую себя как часть России.

В итоге, если рассматривать войну не просто как вооруженное противостояние, а как столкновение культурных практик, выделяющих этничность, то можно отметить, что она сыграла свою роль. И дальнейшее знакомство России с российским Востоком, народами Поволжья, Урала и Сибири должно было нарастать. Однако вновь вмешалась уже другая война, Кавказская, поглотившая из-за своей длительности и неявного результата интерес к нерусским народам России.

Кавказская война точно также представляла не только военные действия, но и проникновение в культурное пространство, ментальное

«освоение» этнического, культурного, языкового и географического ландшафтов, Кавказа, его народов, устойчиво закрепившегося в общественном сознании до 60-х гг. XIX в.

Литература:

1. Азнабаев Б.А. Защита границы как фактор мобилизации башкирского этноса в XVI–XVIII вв. // Башкиры в контексте междисциплинарных исследований тюркских народов Евразии. Материалы научной сессии по этнической истории и антропологии башкир (Уфа, 22–24 июля 2021 г.). Уфа, 2020. 656 с.
2. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. 504 с.
3. Буганов А.В. Самоидентификация. Национальные символы и образы // Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / отв. ред. А.В. Буганов. Тула, 2012. С. 71–77.
4. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1999. 184 с.
5. Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. Уфа, 2012. 488 с.
6. Галин С.А. Башкирские народные песни и легенды об Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1991. 47 с.
7. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1–4. СПб., 1799.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 томах. СПб., 1816–1829.
9. Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо / Пер. с франц. М., 2005. 736 с.
10. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирское восстание в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А. П. Чулошников. М.; Л., 1936. 631 с.
11. Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов / сост.: А.В. Предтеченский и др.; под ред. Е.В. Тарле и др. Л.; М., 1941. 198 с.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: В. 3 ч.: в 5 кн. СПб., 1773–1788.

13. Полное собрание ученых путешествий по России проф. Крашениникова, Лепёхина и Фалька. СПб., 1818–1825.
14. Тарасов Д.К. Воспоминания моей жизни, записки почетного лейб-хирурга Д.К. Тарасова, 1792–1866. // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 355–388.
15. Combe M. Memoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815. Paris, 1896.
16. Costumes, moeurs et coutumes des Russes, Dessinés à St. Pbg. par Ch. G.H. Geissler, dessinateur attache à M. de Pallas, décrits par M. le Dr. I.G. Gruber. Leipzig, 1801–1803.
17. Divers ajustements et Usages de Russie dedies a Monsieur Boucher / Dessins en Rissie d'apres Nature et Graves a l'Eau forte par J.B. le Prince. – Paris, 1765.
17. Sitten, Kleidungen und Gebraüche der Russen aus den niedern standen. Leipzig, 1805.
19. Spiele und Belustigungen der Russen aus den niedern Stände; von Geissler und I.G. Richter beschrieben. Leipzig, 1805. 12 p.

УДК 94(73)

DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.8

© **Р.Р. Тухватуллин**

к. и. н., доцент

Россия, Уфа, БашГУ

R.R. Tukhvatullin

c. of h. s., associate professor

Russia, Ufa, BSU

ДИСКУССИЯ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

DISCUSSION ABOUT AMERICAN IDENTITY

Аннотация. в статье анализируются современные дискуссии в США о сущности, перспективах эволюции американской идентичности. Показаны причины кризиса данной идентичности, политическая сущность дискуссий по данной проблеме и подходы к трансформации понимания американизма.

Abstract. the article analyzes the current discussions in the United States about the essence and prospects of the evolution of American identity. The reasons for the crisis of this identity, the political essence of discussions on this issue and approaches to the transformation of the understanding of Americanism are shown.

Ключевые слова: американская идентичность, нативизм, мультикультурализм, Американское Кредо, республиканцы, демократы.

Keywords: american identity, nativism, multiculturalism, American creed, republicans, democrats.

Экономические, социальные, международные процессы, протекающие в современном мире, актуализировали проблему национальной идентичности. Для американского общества – мультипрофессионального, полиэтничного, мультикультурного, перемены, происходящие в самой стране и мире, поставили вопрос о сохранении национального единства, определения границ американизма.

В 1990-х гг. к рассматриваемой проблеме обращались известнейшие историки, политологи и социологи, среди которых, прежде всего, необходимо выделить А. Шлезингера-мл. и С. Хантингтона. Первый из них в работе «Разъединение Америки: размышления о мультикультурном обществе» обратился к процессу формирования американской нации и возникновению «Американского кредо», совокупность идей, учреждений и привычек, разделяемых американцами. Он показал, какие опасности для национальной идентичности таит культ этничности, приводящий к фрагментации общества и сепаратизму. По мнению А. Шлезингера-мл., наиболее опасными проявлениями такой тенденции стали мультикультурализм, афроцентризм, билингвизм [2].

С. Хантингтон, в свою очередь, предложил концепцию, согласно которой главным фактором мировой политики станет столкновение цивилизаций [3]. Затем специально обратился к вопросу об отличительных характеристиках западной цивилизации. Он отверг тезис о том, что культура Запада является и должна быть культурой мира. По его мнению, будущее западной цивилизации в значительной степени зависит от её единства и от американского лидерства. Но, подчёркивает Хантингтон, Соединённые Штаты «растягивают» в трех направлениях: на юг, на запад и в европейском направлении. В первом случае это связывается, в основном, с миграцией латиноамериканцев и растущей численностью и влиятельностью испаноязычного населения [1]. Во втором, с растущим богатством и влиянием восточноазиатских обществ, попытками создания Тихоокеанского сообщества. Третье направление – европейское. Поддержание единства Запада, по мнению Хантингтона, требует сохранения западной культуры в западных странах, связано с контролем над иммиграцией из незападных обществ и обеспечением ассимиляции в западную культуру принятых иммигрантов [7].

В первые десятилетия XXI в. в США ученые, политики и публицисты вновь и вновь обращаются к проблеме американской идентичности. Колумнист «Вашингтон Пост» Г. Олсен обратился к проблеме американской идентичности, опираясь на книгу С. Голдмана «После национализма». В частности, Олсен отметил, что в американской литературе можно выделить несколько конкурирующих историй американской идентичности.

Самой старой является версия пуритан Новой Англии, которые считали, что Америка является ковенантом между богом и его народом. Пуританские общины предоставляли полное гражданство только верующим в их религиозные догматы. Позже произошла некоторая трансформация понимания идентичности: она связывалась в целом с наследием британского протестантизма, с верой богоизбранность новой нации по аналогии с библейскими евреями. Подобный подход к характеристике американской идентичности называют этно-религиозным. Соответственно, подвергалась сомнению возможность католиков, небелых стать американцами.

Второй нарратив сформировался в начале XX в. Новый взгляд на американизм был связан с теорией плавильного котла (тигля), которая исходила из того, что иммигранты полностью воспримут доминирующую культуру, т.е. англо-протестантскую. Примерно в середине XX в. по Голдману появился третий вариант понимания сущности Америки и американизма. Суть данного подхода в том, что Америка – это идеал, который определяется верой в права личности, записанные в Декларации независимости и гарантированные Конституцией. «Американское Кредо» (Символ веры), исходя из этого понимания, открыто для людей из разных стран и слоёв общества. Олсен отмечает, что при привлекательности такой трактовки американизма, тем не менее, возникли сложные вопросы. Например, в принципе можно не быть американским гражданином, но при этом верить в американские идеалы. В США также задаются вопросом: распространяется ли право на жизнь на нерожденных? В целом, по мнению Олсена, попытки возродить Новоанглийский ковенант либо в этно-религиозной форме, либо в секуляризированной, обречены на неудачу. Олсен призывает к созданию новой идентичности, которая способна объединить американцев при уважении их различий [8].

Интерес к рассматриваемой проблеме разделяют некоторые блогеры. Р. Гриффит задаётся вопросом: что значит быть американцем? Он подчёркивает, что американская нация основана на идеях, а не на единой культуре, ссылаясь на классический труд Г. Мюрдаля «Американская дилемма: негритянская проблема и современная демократия». Гриффит считает, что ситуация в стране к середине XXI в. изменится: США к 2045 г. станут страной, где большинство населения составляет бывшее меньшинство. Это произойдёт поскольку прото-типичный белый американец стареет,

граждане страны становятся менее религиозными и менее белыми. Поэтому, полагает Гриффит, пришло время принять новую американскую идентичность, которая будет всекультурной, охватывать людей разных религий, национальностей, идеологий и географических регионов. Но это потребует преодоления стереотипа о том, что американская идентичность связана с белой расовой идентификацией. По его мнению, деятельность таких лидеров как М.Л. Кинг-младший, Р. Кеннеди и А. Линкольн была направлена на искоренение превосходства белых [6].

В статье для «Форбе» Э. Симотюка подчёркнута мысль о том, что новые иммигранты постоянно меняют идентичность Америки, но и страна также страна также меняет идентичность иммигрантов. Симотюк отмечает, что для иммигрантов и США важны несколько вопросов. Можете ли вы жить в Америке, сохраняя ваше истинное «я», и при этом оставаться американцем? Является ли Америка той страной, которая ожидает, что вы измените свою личность, чтобы «вписаться» в нее? Приветствует ли Америка, когда речь заходит о разговоре на других языках, или Америка ожидает, что вы фактически забудете свой родной язык и будете просто говорить по-английски?

Он подчёркивает, что никогда эта разница во взглядах на Америку не была так очевидна, как во время президентства Дональда Трампа. Президент Трамп, по мнению Симотюка, проявлял враждебность к мексиканским и мусульманским иммигрантам и сочувствовал или проявлял терпимость к тем, кто хочет Белую Америку.

Заканчивает Симотюк статью утверждением, что «прошли дни страны с единой расой, единой религией и единой культурой. Они исчезли с окончанием Первой мировой войны и крахом великих империй, которые доминировали в мировой политике в то время». Поэтому Америка должна превратиться в многонациональную, многорасовую и разнообразную страну, которой она должна быть, чтобы играть ведущую роль в современном, многонациональном, многоязычном и светском мире. Т.е., надо вернуться к основополагающим принципам [9].

О кризисе американской идентичности пишет Б. Стоукс, исполнительный директор «Трансатлантической целевой группы: Вместе или в одиночку?». Стоукс считает, что современный темп демографических, социальных и экономических процессов угрожает

американской демократии и надежности Соединенных Штатов как союзника.

Объяснение этому строится, прежде всего, на социально-демографических аргументах. Доля небелых людей в Соединенных Штатах за последние полвека утроилась. Доля лиц, родившихся за рубежом, также утроилась. Удвоилась доля детей, проживающих в семьях с одним родителем. Число членов церковных общин сократилось на треть. Доля рабочей силы, занятой в обрабатывающей промышленности, сократилась на две трети.

Стоукс подчёркивает, что именно беспрецедентные темпы перемен в настоящее время деформируют структуру американского общества. Соответственно некоторые фундаментальные основы человеческой психологической идентичности (чувство семьи, этническая сплоченность, рабочее место, религия, отношения между полами) быстро разрушаются.

В частности, пожилые белые мужчины-работники обрабатывающей промышленности, воспитанные в убеждении, что они могут рассчитывать на комфортное существование среднего класса, работая на автомобильных заводах или сталелитейных заводах, столкнулись с ситуацией, когда их доходы в значительной степени стагнируют на протяжении большей части их взрослой жизни.

Более того, подчёркивает Стоукс, темпы перемен проявляются в политическом плане, т.к. для некоторых американцев нынешний уровень иммиграции является угрозой их чувству национальной идентичности.

Так восемь из десяти республиканцев считают, что Америка рискует потерять свою культуру и самобытность, в то время как только треть демократов разделяет эти опасения. 78% демократов считают, что растущее число вновь прибывших укрепляет американское общество, но только 31% республиканцев согласны с этим.

Вызовы личной и национальной идентичности находят также отклик в различных политических дебатах. Например, политически острыми являются вопросы, связанные с историей рабства чернокожих в условиях общего роста доли небелых граждан. Отвечая на вопрос, труднее ли быть чернокожим в Соединенных Штатах, чем белым, 74% демократов, среди которых велика доля меньшинств, согласны с этим. Только 9% республиканцев, партии, состоящей в основном из белых, согласны с этим.

Другим подобным примером являются однополые браки. Более четырех из десяти республиканцев выступают против однополых браков, в то время как менее двух из десяти демократов выступают против таких союзов. Причем наибольшая оппозиция наблюдается среди белых евангельских протестантов, которые были самыми сильными сторонниками Дональда Трампа.

Угроза национальной идентичности отразилась и на внешнеполитических вопросах. В соотношении три к одному республиканцы с большей вероятностью, чем демократы, скажут, что Соединенные Штаты слишком долго позволяли другим странам использовать себя в своих интересах.

Стоукс отмечает опасность, связанную с подрывом основ личной идентичности: всё больше и больше американцев самоизолируются в анклавов единомышленников. Республиканцы и демократы говорят социологам, что хотят жить в разных местах, в окружении людей, разделяющих их политические взгляды. В результате более шести из десяти последовательно консервативных американцев и примерно пять из десяти последовательно либеральных американцев говорят, что большинство их друзей разделяют их политические взгляды.

В целом, Б. Стоукс подчеркнул, что в прошлом США уже испытывали подобную партийную ангажированность и её пережили, но в этот раз ставки особенно велики [10].

Р. Даукинз в статье, опубликованной Центром изучения западной цивилизации имени Брюса Д. Бенсона, задаётся вопросом: есть ли у Америки особая идентичность? Он приводит известный тезис Г. Мюрдаля о том, что американская идентичность строится вокруг совокупности идеалов («Американское кредо»): индивидуализм, свобода, равенство, трудолюбие и верховенство закона.

Но Даукинз отмечает, что несмотря на то, что все американцы, в качестве американцев, разделяют одну и ту же национальную идентичность, на деле нормативное содержание этой идентичности может сильно различаться по группам. Автор статьи отталкивается от положения теории социальной идентичности, которая постулирует, что идентичности являются социальными по своей природе, а сила идентичности, в свою очередь, определяется степенью, в которой люди считают принадлежность к группе важной для их собственной самооценки.

Даукинз в качестве примера приводит работу Э. Тейсс-Морс [11], которая применила теорию социальной идентичности к американской идентичности и исследовала границы национальной идентичности. Тейсс-Морс утверждает, что прото-типичный американец исторически был старше, менее образованным, христианином и, прежде всего, белым. Это задало ограничительные границы вокруг понятия «истинный американец», стало своего рода основой этнокультурной концепции американской идентичности и корреспондирует с нативизмом и антииммигранскими настроениями.

Р. Даукинз подчёркивает, за последние два десятилетия страна претерпела глубокие демографические изменения, и доминирование прото-типного американца систематически оспаривается. Это связано с рядом глубоких процессов. Так, если средний белый американец продолжает стареть, «коричневая» и «черная» Америка становится моложе. Большинство американских детей в возрасте до пяти лет не являются белыми, что, кстати, и позволяет утверждать на основе оценок Бюро переписей США превращение белых к 2045 году в меньшинство населения. США становятся также менее религиозной страной.

Кроме того, в то время как страна становится менее белой, она также становится менее религиозной: только 36 % миллианалов причисляют себя к религиозным, по сравнению с 52% «поколения X» и 55 % «бэби-бумеров».

В новых условиях, считает Даукинз, для американцев становится характерной новая, более инклюзивная концепция американской идентичности. Она охватывает иммигрантское прошлое страны и как источник американской силы рассматривает разнообразие.

Существенным для Соединённых Штатов в этой ситуации стало то, что спор между концепциями американской идентичности, основанными на привязанности к европейским корням Америки и мультикультурности, совпадает с разделением политических пристрастий между двумя основными политическими партиями. Даукинз имеет в виду тенденцию роста социальной, идеологической и географической поляризации между демократами и республиканцами. Республиканская партия в основном состоит из белых, христианских, самоидентифицированных консерваторов, Демократическая партия – из цветных, нехристианских и самоидентифицированных либералов.

На основе собственных исследований и работ ряда авторов, Р. Даукинз делает вывод о том, что два конкурирующих взгляда на американскую национальную идентичность приняли партийный уклон и под общим лейблом «американец» скрываются разные значения [4].

В целом, современная дискуссия об американской идентичности стимулирована глубокими социально-демографическими переменами в американском обществе и прежде всего, изменением соотношения между белым и небелым населением страны. В связи с этим привычное понимание американизма подвергается сомнению. С одной стороны, предлагается трансформировать понимание национальной идентичности так, чтобы она охватывала всех граждан страны, учитывала её растущее разнообразие. С другой, раздаются призывы вернуться к первоосновам, олицетворяемых «Американским кредо». Но все авторы сходятся в том, что американская идентичность находится в состоянии кризиса. Особую тревогу вызывает то, что конкурирующие представления об американской идентичности приобрели своеобразную расовую и партийную привязку.

Литература:

1. Тухватуллин Р.Р. Гарипов Р.Ф. Запад и «не-Запад» в концепции С. Хантингтона // Государство и общество в Европе: проблемы становления и развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения медиевиста, ветерана Великой Отечественной войны Р.А. Маслова (1925-1996) / отв. ред. Хабибуллин Р.К., Уфа, 2015. С. 265-270.
2. Тухватуллин Р.Р. Проблема американской национальной идентичности в концепции А. Шлезингера-мл. // Актуальные проблемы истории стран Европы и Америки: сборник научных трудов памяти И.Д. Чигрина / отв. ред. Р.К. Хабибуллин. Уфа, 2016. С. 148-155.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? [Электронный ресурс] URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/H/1994-1-Huntington-Stolknovenie_civiliacij.pdf (дата обращения: 15.03.2022)
4. Dawkins R. One American Identity, Two Distinct Meanings <https://www.colorado.edu/center/benson/western-civilization/summer->

institute/summer-institute-essays/one-american-identity-two-distinct (дата обращения: 14.03.2022)

5. Goldman S. After Nationalism: Being American in an Age of Division. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021. 208 p.

6. Griffith R. What Is American Identity and Why Does It Matter? [Электронный ресурс] <https://thezebra.org/2021/11/12/research-what-is-american-identity-and-why-does-it-matter/> (дата обращения: 15.03.2022).

7. Huntington S.P. The West: Unique, not universal // Foreign Affairs; New York; Nov/Dec 1996.

8. Olsen H. A new American identity is needed, one that unites us even as it honors our differences [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/07/06/new-american-identity-is-needed-one-that-unites-us-even-it-honors-our-differences/> (дата обращения: 15.03.2022).

9. Semotiuk A.J. What Is The American Identity And How Should Immigrants Be Absorbed? [Электронный ресурс] <https://www.forbes.com/sites/andyjsemotiuk/2021/01/31/what-is-the-american-identity-and-how-should-immigrants-be-absorbed/?sh=6c33b3d5e877> (дата обращения: 15.03.2022).

10. Stokes B. America's Identity Crisis [Электронный ресурс] <https://www.gmfus.org/news/americas-identity-crisis> (дата обращения: 15.03.2022)

11. Theiss-Morse E. Who Counts as an American? The Boundaries of National Identity. Cambridge, Cambridge University press, 2009. 240 p.

© **А.О. Целищев**
к. и. н, доцент
Россия, Уфа, БашГУ

A.O. Tselishchev
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, BSU

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

THE GREAT FRENCH REVOLUTION AND THE EMERGENCE OF GERMAN NATIONALISM

Аннотация. В статье рассматриваются становление германского национализма в эпоху антинаполеоновского движения. Немецкий национализм рассматривается как одна из форм реакции на Великую Французскую революцию. Показан неоднозначный характер воздействия различных концепций национализма на будущее развитие немецкого национального государства.

Abstract. The article examines the formation of German nationalism in the era of the anti-Napoleonic movement. German nationalism is considered as one of the forms of reaction to the Great French Revolution. The ambiguous nature of the impact of various concepts of nationalism on the future development of the German nation-state is shown.

Ключевые слова: Великая Французская революция, национализм, либерализм, нация, народное сообщество, антинаполеоновское движение, империя.

Keywords: the Great French Revolution, nationalism, liberalism, nation, popular community, anti-Napoleonic movement, reich.

Складывание немецкого народа (термин стал употребляться только со второй половины XVIII в.) в германской историографии обычно связывают с Священной Римской империей, историю которой пытаются представить как «первый рейх». Под «немцами» первоначально понимали только правящую знать Священной Римской

империи, которая постепенно оформилась в т.н. в «имперскую нацию», представленную в форме имперского сейма (рейхстага) [2, с. 28]. В 1512 г. была официально установлена связь между «имперской нацией» и официальным наименованием государства «Священная Римская империя германской нации». Признание особой роли имперской нации не привело к национализации Священной Римской империи: она оставалась латинизированной, многоэтничной и не представляла собой национального государства. Попытки династии Габсбургов по централизации империи наталкивались на противостоящие центробежные тенденции в форме партикуляризма немецких князей, последовательно выступавших за сохранение своих привилегий. Конфессиональный раскол Священной Римской империи, вызвавший целую серию конфликтов, препятствовал складыванию национального государства и формированию национального движения. Вестфальский мир 1648 г. ввел международно-правовые гарантии самостоятельности немецких князей, существенно ограничил возможности центральной власти, создал весомые препоны на пути формирования национального государства. Священная Римская империя объединяла различные этносы, говорящих на разных языках, ее границы не совпадали с территорией проживания какого-либо этноса. Князья Священной Римской империи не были заинтересованы в создании национального государства.

Великая французская революция предложила новую модель национального строительства на основе гражданской идентичности. Французское просвещение выработала новое видение государственности, ядром которого призвана стать нация, представленная гражданами этого государства. Такая связь между государством и его гражданами была лишена этнического содержания. Аббат Сийес в своем знаменитом памфлете «Что такое третье сословие» описал нацию следующим образом: «Третье сословие обнимает все, что относится к нации, и все, что не заключается в третьем сословии, не может считаться частью нации... Устраните привилегированное сословие – и нация ничего только не потеряет, она еще и выиграет. Знать может быть лишь бременем для нации» [4]. Французская гражданская нация являлась источником и носителем государственного суверенитета. Понятие нации неразрывно связывалось с идеей прав человека и гражданина и принципом народного суверенитета (статья 2 и 3 «Декларация прав человека и

гражданина» [3]). Французская революция на практике предприняла попытку реализации теоретического потенциала Французского просвещения: право народа, состоящего из равноправных граждан, самостоятельно определять свое политическое будущее, создавать собственное национальное государство.

Модель гражданской нации первоначально вызвало положительный отклик в немецком обществе. Преобразование французской абсолютистской монархии в национальное государство рассматривалось с надеждой немецкими образованными кругами. Однако переход Франции к завоевательной и экспансионистской политике вызвал к жизни антинаполеоновское национальное движение. Священная Римская империя показала свою полную неспособность противостоять современному национальному государству. Ее ликвидация привела к утверждению «земельного патриотизма». Неслучайно поэтому, что формирование немецкого национализма стало проходить первоначально в неполитической сфере, в качестве «нации культуры».

Манифестом немецкого национализма стали «Речи к немецкой нации» философа Иоганна Готлиба Фихте, прочитанные в Берлине зимой 1807-1808 гг. [6] Символическое значение призыва Фихте отражает тот факт, что актовый зал Берлинского университета до конца Второй мировой войны украшала фреска, олицетворявшая обращение Фихте к немецкой нации. Фихте обращался ко всем немцам, «отбрасывая все разделяющие различия, которые были созданы в единой нации злосчастными событиями в течение столетий» [6, с. 52]. Фихте признал крах всех прежних форм утверждения немецкой нации: «Нация, опустившаяся до состояния зависимости, не может подняться из него с помощью обычных и употреблявшихся до сих пор средств» [6, с. 59-60]. Инструментом сохранения связи внутри немецкого сообщества Фихте видел в национальном воспитании: «Мы намерены посредством нового воспитания образовать немцев к новой общности, которая во всех своих частях будет движима и одним и тем же единым настроем» [6, с. 63, 66].

Фихте предложил новую интерпретацию нации ни как сообщества граждан, а как этнического сообщества, связанного происхождением («немцы есть в первую очередь племя германцев») и немецким языком. Таким образом, отношение к немецкой нации становится объективным фактором, который не могут изменить никакие политические

отношения и связи: «Все то, что говорит на одном языке... связано с друг другом множеством невидимых нитей... оно принадлежит друг другу и есть естественно Одно и неразрывное целое. Народ другого происхождения и языка не может принять в себя такое» [6, с. 289]. Подобная трактовка нации лишала ее демократического содержания (как альтернативного монархии варианта формирования государственной воли) с одной стороны, с другой стороны, позволяла вести националистическую агитацию во всех немецких государствах, не опасаясь преследований. Под народом Фихте понимал «совокупность людей, живущих вместе в обществе и непрерывно воспроизводящих себя из себя природно и духовно, находящаяся в целом под действием определенного особенного закона развития божественного из него... Это закон полностью определяет и завершает то, что назвали национальным характером народа» [6, с.193, 194].

Ради любви к Отечеству (под ним понимает Фихте «общее Отечество немецкой нации») Фихте считал целесообразным ограничение естественных свобод человека «единообразными правилами». Гуманность, либеральность, популярность в интерпретации Фихте предстают как сонливость и недостойное поведение [6, с.58]. Немец не противопоставляет себя естественным формам существования народа – обществу и государству. Для немца жизнь просто как жизнь не имеет ценности, его жизнь возможна только при сохранении его нации [6, с. 195]. На место «гражданской любви к Конституции», что Фихте приписывал романским народам, немец призван поставить «высшую любовь к Отечеству». Фактически любое национальное государство немец должен принять как высшую ценность, само по себе. Фихте полагал, что национальное воспитание смогут обеспечить отдельные немецкие государства, соревнуясь между собой в вопросе формирования «народного сообщества». С самого начала в немецкий национализм внедрялась идея о сотрудничестве общества и немецких монархов как условия формирования немецкого народного сообщества.

Кроме того, Фихте приписывал только немцам способность к оригинальному культурному творчеству, которого лишены все прочие народы. Естественности немцев он противопоставлял искусственность зарубежья: «Все, что верит в духовность и свободу этой духовности хочет вечного развития этой духовности посредством свободы – все это нашего рода, принадлежит нам и превратит себя в нас. Все, что

верит в застои, возврат и танцы по кругу или ставит у руля мироправления мертвую природу – все это не немецкое и чуждо нам, и чем раньше это отделится от нас, тем лучше... Только немец имеет народ и может по праву рассчитывать на него и только он способен на подлинную и соразмерную разуму любовь к своей нации» [6, с. 185, 189]. Единому немецкому государству Фихте предрекал совершенно особую роль в истории: «Если бы она [нация] осталась объединенной в Одну общую волю и Одну общую силу, пусть все даже остальные европейцы продолжали убивать друг друга...посреди Европы их бы отделял друг от друга вал немцев, здесь сохранялся бы мир немцы бы обеспечили у себя, а заодно бы и у части остальных европейских народов покой и благополучие» [6, с.293-294].

Именно зарубежью Фихте приписывал злокозненные мероприятия по расколу немецкого народа: «Иностранная хитрость легко победила немецкую непосредственность и простодушие. Зарубежье воспользовалось расколом душ в Германии..., чтобы искусственно разделить эту малую модель совокупной христианской Европы... на обособленные и существующие сами по себе части» [6, с. 294]. Именно зарубежье натравливало немецкие государства друг на друга, провоцировало войны, сеяло раздоры.

Не случайно, что английский философ Бертран Рассел описывал Фихте и Гегеля как «философских глашатаев Пруссии», подготовившими почву для отождествления немецкого патриотизма с преклонением перед Пруссией [5, с. 474].

Любовь к Отчеству тесно переплеталась у Фихте с преклонением перед государственностью: «Эта любовь к Отчеству должна сначала вдохновить немецкое государство, повсюду, где живут немцы... В первую очередь мы немцы смотрим на государство» [6, с. 252].

Освободительная война 1813 г. проходила под лозунгом «За короля и отчество»: на первый план снова вышел монархизм и земельный патриотизм, под отчеством понималась только конкретное немецкое государство. Именно в рамках отдельных государств буржуазные элементы выдвигали требования о конституционном устройстве, утверждении гражданских прав и свобод. Отдельные черты гражданской нации проявлялись только на уровне отдельных немецких государств.

Вместе с тем, среди немцев глубоко распространились идеи создания единого немецкого государства. Поэт Эрнст Моритц Арндт,

продолжая линию Фихте, в песне «Что такое немецкое отечество?» на вопрос о границах немецкого Отечества отвечал: «Повсюду, где звучит немецкая речь и поет песни Богу на небесах, там ему и быть». Подобная трактовка нации органично включала в себя наличие внешнего врага: «Тут каждый француз – это враг, а каждый немец – друг» [7].

Венский конгресс 1814-1815 гг. практически восстановил прежнюю Священную Римскую империю в несколько отредактированной форме Германского союза. Границы нового конфедеративного образования в основном совпадали с границами империи. Политическая система Германского союза фактически восстанавливала «имперскую нацию», поставив во главу угла суверенитет монархов и вольных городов [1].

Таким образом, Великая Французская революция, эпоха наполеоновских войн и антинаполеоновское движение дали толчок формированию немецкого национализма. Немцы впервые стали воспринимать себя как единый народ. Но этот народ воспринимался как культурное сообщество, не выдвигая идеи гражданской нации и претензии на политическое переустройство немецкого общества. Национальная война против внешнего врага стала цементом, скреплявшим различные круги немецкого общества в новое немецкое национальное сообщество. Наследие Освободительной войны для решения немецкого национального вопроса носило неоднозначный характер, порождая будущие линии разломы в немецкой истории. Фактически итогом Освободительной войны стало сосуществование нескольких интерпретаций немецкого национализма: концепта «имперской нации», представленной суверенными монархиями Германского союза (подтвержденный затем при провозглашении Германии империи в 1871 г.), концепта «земельного национализма», отстаивающего интересы отдельных немецких государств, и концепта «культурного национализма» на базе немецкого языка и немецкой крови. Уже в это время были заложены три фундаментальные идеи, ставшие роковыми для немецкого общества: 1) идея о том, немецкая нация основана на союзе монархов и народа (постепенно она утвердилась как системообразующий элемент немецкого национализма); 2) представление о наличии смертельного внешнего врага как постоянной угрозы для немецкого народного сообщества; 3) готовность отказаться от программы демократического переустройства

общего ради образования единого немецкого национального государства.

Литература:

1. Акт Венского конгресса 1815 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=18869> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770-1990. М.: Наука, 2003. 470 с.
3. Декларация прав человека и гражданина [Электронный ресурс]. URL: <http://cuf.spbu.ru/PDF/2016/doc2.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Сийес Э.Ж. Что такое третье сословие? / Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/28691/sieyes_que-un-tel-troisieme-etat.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
5. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. М.: Академический проект, 2000.
6. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. М.: Наука, 2009. 349 с.
7. Was ist des Deutschen Vaterland? [Электронный ресурс]. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/was-ist-des-deutschen-vaterland-%D0%B3%D0%B4%D0%B5-%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B0.html> (дата обращения: 04.03.2022).

УДК 94(5)+323.1

DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.10

© **Е.С. Чекунова**

к. и. н., преподаватель
Россия, УрФУ, г. Екатеринбург

E.S. Chekunkova
c. of h. s., lecturer
Russia, UrFU, Ekaterinburg

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЙНОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

THE SHAPING OF AINU IDENTITY IN CONTEMPORARY JAPANESE SOCIETY

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов, оказывающих влияние на формирование этнической идентичности коренного народа Японии – айнов. Данная тематика представляется актуальной в связи с тем, что долгое время самосознание народа развивалось в условиях распространения идеи гомогенности японского общества. Тем не менее, айны смогли сохранить уникальное самосознание и в последние несколько десятилетий предпринимают активную деятельность, направленную на укрепление своего духовного единства.

Abstract. The article is devoted to the analysis of factors influencing the shaping of identity of the indigenous people of Japan - the Ainu. For a long time, the identity of the Ainu has been developing under the conditions of spreading the myth of Japan as an ethnically homogeneous nation. Nevertheless, the Ainu have managed to preserve their unique sense of identity and in the last few decades have undertaken activities aimed at strengthening their spiritual unity.

Ключевые слова: японское общество, айны, коренной народ, этническая идентичность.

Keywords: Japanese society, the Ainu, indigenous people, ethnic identity.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01705, <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

В современном мире этнические процессы оказывают значительное влияние на социокультурное развитие общества. Взрыв этнонационализма, который произошел во второй половине XX в., коснулся в том числе тех государств, которые традиционно считаются моноэтническими, например, Японии. Однородность японского общества рассматривается как «миф» некоторыми зарубежными и отечественными исследователями (Ж. М. Баженова, М. Вайнер, С. Мёрфи-Сигэмацу, К. Берджесс² и др.), в последнее время все больше внимания уделяется проблематике этнокультурного разнообразия страны. В данном контексте важно обратиться к вопросу формирования идентичности³ коренного народа Японии – айнов.

Существует множество факторов, воздействующих на этническое самосознание⁴ того или иного народа. Среди них исследователи выделяют занимаемую территорию, культурное наследие, мифы, язык, образы из прошлого [6, с. 175], среду проживания (моноэтническая, иноэтническая), мировоззрение, этническую принадлежность родителей [3], религию, социальную деятельность [9, с. 95] и пр. Среди факторов, влияющих на сохранение идентичности в мультикультурной среде, отмечаются внутрисемейные отношения, используемый в семье язык,

---

² Баженова Ж. М. Этническая история рюкюсцев. – Владивосток: Дальнаука, 2009. 247 с.; Japan's minorities: the illusion of homogeneity/ ed. by M. Weiner. – London: Routledge, 2008, 234 p.; Murphy-Shigematsu S. Multiethnic Japan and the Monoethnic Myth // Asian Perspectives. 2013. Vol. 18. № 4. P. 63-80.; Burgess C. The “Illusion” of Homogeneous Japan and National Character: Discourse as a Tool to Transcend the “Myth” vs. “Reality” Binary // The Asia-Pacific Journal. 2010. Vol. 8. Iss. 9. № 1.

³ Этническая идентичность в данной статье рассматривается как осознание себя представителем определенного этноса, переживание своего тождества с определенной группой других людей в отличие от других групп (Определение по: Кузнецова Е. В. Этническая идентичность личности как объект исследования современного гуманитарного знания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4. С. 121.).

⁴ Термин «этническое самосознание» используется в данной статье как синоним «этнической идентичности». Однако некоторые исследователи разделяют эти два термина и дают следующее определение этнического самосознания: это - представления об общности исторических судеб и общности культуры, возникшие как результат солидарности и соотнесения собственных ценностных ориентаций с групповыми ценностями. (Ерохина Е. А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С 72.).

общественные связи, этническая гордость, образование, участие в культурных мероприятиях [7, с. 563] и др.

В процессе формирования идентичности айнов большую роль сыграли следующие обстоятельства: историческая память о том, что в прошлом Хоккайдо был независимой от Японии территорией; политика принудительной ассимиляции, проводившаяся после присоединения острова в 1869 г.; дискриминация и осознание себя меньшинством в этнически гомогенном обществе; неоднородность айнского населения, наличие локальных сообществ и чувство принадлежности к ним; диспаритет в социально-экономическом положении айнов и японцев; признание айнов коренным народом Японии в 2008 г.

Первые три пункта сближают айнов с представителями другого японского этнического меньшинства – рюкюсцами. На самосознание жителей Окинавы также имеют воздействие историческая память о существовании собственного независимого Королевства Рюкю, дискриминационная политика после включения в состав Японии [1, с. 191] и ощущение своей отличительности в культурном плане от японского большинства. Во второй половине XX в. как среди айнов, так и рюкюсцев возникли национальные движения. Однако, айнское движение получило гораздо больший размах и поддержку со стороны международных организаций, что позволило айнам добиться статуса коренного народа. На сегодняшний день айны остаются единственным официально признанным коренным народом Японии.

Жесткая ассимиляционная политика японского правительства и распространение идеи гомогенности общества привели к утрате части культурного наследия айнов. В настоящее время осуществляется деятельность по восстановлению утраченных традиций и изучению айнского языка, которая поддерживается государством. Однако деградация культуры и многолетняя дискриминация негативным образом отразились на самосознании народа. Многие айны до сих пор скрывают свое этническое происхождение, игнорируя социологические исследования, проводимые правительством. Кроме того, айнский язык находится под угрозой вымирания, так как носителей практически не осталось. Для большинства айнов японский является языком повседневного общения.

Этническая идентичность тесно связана с исторической памятью, осознанием общей исторической судьбы. В памяти народа, как

правило, сохраняются события, которые выступают спланивающим фактором, они также «разделяют» его с другими народами [2, с. 94]. Среди важнейших исторических событий, указанных на сайте крупнейшей организации, представляющей интересы коренного народа – Ассоциации айнов Хоккайдо, многие касаются сопротивления японской экспансии. В частности, многократно упоминается о борьбе аборигенов Хоккайдо в XVI–XVII вв. против власти княжества Мацумаэ [10]. В это время нередкими были вооруженные выступления против вмешательства японцев в жизнь местного населения, эксплуатации природных ресурсов острова [5, с. 169]. Вождь Сякусяин, возглавивший восстание в 1669 г., почитается некоторыми айнами как народный герой. В 1970 г. в городе Сидзунай местной волонтерской группой ему был установлен памятник [11]. Многие из указанных на сайте главных исторических событий народа связаны с колонизацией Хоккайдо и насильственным изменением уклада жизни айнского населения в период Мэйдзи. Большое внимание уделено учреждению Ассоциации айнов Хоккайдо в 1946 г. и дальнейшему развитию движения айнов [10]. Можно сделать вывод о том, что сопротивление внешнему влиянию и противопоставление себя японскому обществу является одной из характеристик айнской идентичности.

Разница между айнским и японским населением становится заметной в связи с диспаратом в социально-экономическом положении двух этносов. Несмотря на меры по улучшению благосостояния, айны занимают более низкую социальную и экономическую позицию по сравнению с японцами, что подчеркивается исследователями и подтверждается результатами нескольких социологических опросов [12].

Кроме того, стоит упомянуть о проблеме этнической дискриминации в отношении айнов. С одной стороны, это оказывает негативное влияние на отношения айнов и японцев, а также способствует снижению уровня жизни коренного народа. Однако, с другой стороны, дискриминация вызывала у айнов желание сопротивляться политике ассимиляции, она может рассматриваться в качестве одного из факторов сохранения их самосознания.

Одним из способов проявления этнической идентичности айнов является чувство их принадлежности к локальной общине. Многие современные представители народа проживают в общинах и идентифицируют себя и друг друга в соответствии с районом

проживания. Можно сказать, что местные сообщества-общины, число которых доходит до 200, являются своеобразным ключом к сохранению самосознания народа. Наиболее влиятельные общины располагаются в Нибутани, Сираои, Асахикава, районе озера Акан и пр. В этих же местностях находятся известные музеи, природные парки и туристические объекты, имеющие отношение к истории и культуре коренного народа.

Многие общины активно отстаивают права на распоряжение природными ресурсами и землями, которые принадлежали предкам айнов. Самосознание айнов, как и других коренных народов, в значительной степени зависит от природного ландшафта, который является неотъемлемой частью их культуры. Традиционный ареал расселения народа был разделён границами Японии и России. Несколько столетий назад он простирался с северо-восточных земель Хонсю до южной части Сахалина, Курильских остров, Нижнего Приамурья, южной части Камчатки. Эти земли (особенно остров Хоккайдо, где сейчас проживает большинство айнов) представители народа называют «Айну Мосири» (Земля айнов). Данный термин получил широкое распространение, начиная с 1970-х гг. Кроме обозначения физического пространства, он используется и в переносном смысле, олицетворяя то время, когда айны жили «независимой и счастливой жизнью в гармонии с природой до завоевания японцами» [8, с. 221].

Деятельность по изучению языка и сохранению культуры коренного народа, развернувшаяся с 1970-х гг., также в значительной степени способствует поддержанию его духовного и морального единства. Во многом благодаря интеллектуальной и творческой элите народа произошло культурное «пробуждение» айнов после длительного периода деградации. В конце XX – начале XXI вв. на Хоккайдо и за его пределами строятся музеи и исследовательские центры, создаются курсы айнского языка, организуются мероприятия по культурному обмену, которые проводятся совместно с маори, саамами, рюкюсцами и другими народами. Эта деятельность начинает поддерживаться молодым поколением. Становится популярна музыка айнских поп- и рок- групп, в репертуаре которых используются традиционные мотивы и музыкальные инструменты. Среди таких музыкальных коллективов можно выделить Ainu Art Project, Oki Dub Ainu Band и др.

Таким образом, этническое самосознание айнов – это сложный, многокомпонентный феномен. На его развитие оказали влияние многие факторы, среди которых большое влияние оказала иноэтничная среда проживания и распространение идеи гомогенности японского общества. Современные айны значительно отличаются от тех, которые проживали на Японских островах несколько столетий назад. Вследствие ассимиляционной политики была утрачена часть традиций, айнский язык перестал использоваться в повседневной жизни. Тем не менее, современные айны продолжают сохранять свое самосознание. Несмотря на то, что многие из них проживают в сельской местности и ощущают свою принадлежность к местным общинам, нельзя сказать, что айны занимают изолированное положение в японском обществе. Они являются его частью, но стремятся сохранить свою культурную специфику. Развитие традиционной и неотрадиционной культуры играет исключительную роль в укреплении идентичности народа. Большое значение в этом процессе сыграл также тот факт, что уникальность айнской культуры признается сегодня как международными организациями, так и японским правительством. В современной Японии постепенно складываются благоприятные условия для возрождения утерянных традиций, принимаются меры по сохранению природного ландшафта и изучения истории народа.

Литература:

1. Баженова Ж. М. Этническая история рюкюсцев. Владивосток: Дальнаука, 2009. 247 с.;
2. Ерохина Е. А. Историческая память этнической общности в динамике социокультурных трансформаций // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Том 6, Выпуск 1. С. 92–97.
3. Иванова З. И. Проблемы этнической идентичности в условиях мегаполиса. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgsu.ru/organizations/RealizDogovorov/realizatsiya-2009/2009-4-polnye/11.4.1.14-predotvr-etn-konf-polnaya.pdf> (дата обращения: 12. 02. 2021).
4. Кузнецова Е. В. Этническая идентичность личности как объект исследования современного гуманитарного знания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4. С. 121–128.

5. Лим С. Ч. История айнского сопротивления японской экспансии в 1669–1789 годах в Эдзо // Вестник Сахалинского музея. 2011. № 17. С. 169–194.
6. Протасеня Е. А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016, № 2 (42), с. 175–180.
7. Maryam D. Contextual Factors Contributing to Ethnic Identity Development of Second-Generation Iranian American Adolescents // Journal of Adolescent Research. 2011. Vol. 26(5). P 543–569.
8. Richard M. Siddle. Race, Resistance and the Ainu of Japan. London, 1996. P. 221.
9. Xu J., Shim S., Lotz Sh., Almeida D. Ethnic identity, socialization factors, and culture-specific consumption behavior // Psychology & Marketing. 2004. Vol. 21(2). P. 93–112.
10. 主な沿革 [Основная история] // Ассоциация айнов Хоккайдо: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/ainupeople/past.html> (дата обращения: 20.07.2022).
11. シャクシャイン新象建立プロジェクト[Проект строительства новой статуи Сякусяин] // The Ainu Association of Hokkaido: official website. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/news/files/2727ea4cd04e27e784b6500166d852d5c1aafe85.pdf> (дата обращения: 12. 02. 2021).
12. 平成 29 年北海道アイヌ生活実態調査報告書 [Исследование реальных условий жизни айнов Хоккайдо 2017 г.] // Правительство префектуры Хоккайдо: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pref.hokkaido.lg.jp/ks/ass/H29_ainu_living_conditions_survey.pdf (дата обращения: 14.03.2019).

УДК 32+323.1

DOI: 10.33184/iskffei-2022-03-17.11

© **Ф.Ф. Шаяхметов**

к. и. н., доцент

Россия, г. Уфа, БашГУ

F.F. Shayakhmetov

c. of h. s., associate professor

Russia, Ufa, BSU

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ИНТЕГРАЦИЯ, КРИЗИС, ЛОКАЛИЗМ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

GLOBALIZATION AND NATIONALISM: INTEGRATION, CRISIS, LOCALISM. WHAT'S NEXT?

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соотношения глобализации и национализма, в последнее время наиболее активизировавшегося во всем мире. Утверждается, что негативные проявления глобализации стали причинами пробуждения и подъема национализма в разных регионах мира, включая и Европу.

Abstract. The article deals with the problems of the correlation between globalization and nationalism, which has recently become more active all over the world. It is argued that the negative manifestations of globalization have caused the awakening and rise of nationalism in different regions of the world, including Europe.

Ключевые слова: глобализация, коллективный Запад, идентичность, мультикультурализм, национализм.

Keywords: globalization, collective West, identity, multiculturalism, nationalism.

Эпоха «холодной войны» завершилась в начале 1990-х гг. распадом СССР и социалистического блока. Это эпохальное событие тут же было представлено в качестве убедительной победы США и всего «коллективного Запада», основанного на принципах и идеологии либерализма: представительной демократии, рыночном капитализме, свободах человека и суверенитете государства. Одним из ведущих апологетов подобного дискурса стал американский философ и

политолог Фрэнсис Фукуяма, изложив свои взгляды в мировом бестселлере «Конец истории и последний человек» [7].

Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза стали символами не только победы Запада, но и повсеместного распространения глобализации, объединившей страны и народы мира в единое торгово-экономическое, социально-культурное и иное пространство на основе общих, казалось бы, политических и экономических доктрин и международных институтов [1, с. 138]. Однако события последних 10-15 лет (после событий грузино-южноосетинского конфликта 2008 г., мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., мировой пандемии коронавируса 2020-2022 гг., в особенности после евромайдана на Украине в 2014 г. и начала эскалации политики США и НАТО против России) показывают, что западно-центристская модель глобализации, представляющая собой раздел мира на «цивилизованные» страны во главе с США и страны остального мира, фактически обслуживающие своими ресурсами, рабочей силой, экономикой привилегированную группу стран, переживает самый настоящий кризис. Геополитические конфликты и противостояния, протекционизм, торгово-экономические противостояния Китая и США, России и коллективного Запада стали реальными и объективными признаками кризиса современной модели глобализации. Весь мир начал активно обсуждать перспективы формирования новой модели мира – «нового миропорядка» без гегемонии США и господства доллара, миропорядка, основанного на реальной полицентричности мира и соблюдении международного права.

Между тем, среди аналитиков и политиков нет единства об оценке самого явления глобализации. Многие считают несмотря на то, что глобализация относительно новый термин, существующий около трех десятилетий, как явление этот процесс уже не новый и стал активно развиваться еще со второй половины XIX в. Так, например, в докладе Всемирного банка «Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики» отмечено, что «первая волна глобализации с 1870 по 1914 г. стала возможной благодаря комбинации двух факторов: удешевлению транспорта (произошедшему за счет перехода к паровому флоту) и снижению тарифных барьеров» [3, с. 31]. В дополнение к доводам известного экономиста можно включить фактор «золотого стандарта», в течение

почти всего XIX и начала XX вв. составлявшего финансово-экономическую основу развивавшегося процесса глобализации. Эпоха золотого стандарта началась вскоре после окончания наполеоновских войн, когда Британская империя ввела конвертацию фунта стерлингов в золото. Чуть позже США также ввели золотое обеспечение американского доллара.

Период с 1914 по 1945 г. стал в истории периодом возвращения к национализму и отказа от глобализации. С началом Первой мировой войны, кризисом системы золотого стандарта произошло возвращение к национализму и протекционизму. Вторая мировая война внесла дальнейший вклад в дезинтеграцию всего мира, включая раскол на сторонников США и СССР, а также формирование разных стратегий социально-экономического развития стран мира.

Тем не менее, быстрые темпы послевоенного восстановления стран Европы, роль США в этом процессе (план Маршалла и др. программы), экономические результаты развития СССР и его союзников, начало процессов деколонизации в странах незападного мира привели к формированию условий для начала нового этапа процессов глобализации. Активно проводимая развитыми странами в этот период политика либерализации, создания условий для ряда стран в совершении «экономического чуда», снижение барьеров для торговли, международного трансфера финансов, развитие систем мировой торгово-экономической коммуникации внесла значительный вклад в повышение открытости их национальных экономик. Эти процессы положили начало, с точки зрения специалистов Всемирного банка, второй волне глобализации. В упомянутом докладе Всемирного банка утверждается, что «снижение торговых барьеров сопровождалось снижением цен на транспорт, с 1950 до конца 1970-х гг. стоимость морских перевозок упала еще на одну треть, примерно восстановив уровень первой волны глобализации» [3, с. 36]. «Третья волна глобализации, по мнению специалистов Всемирного банка, начавшаяся с 1980 г. и продолжающаяся по сей день, явилась результатом развития транспортных и коммуникационных технологий, а также того, что крупные развивающиеся страны сделали свой выбор в пользу улучшения инвестиционного климата и открытия доступа для внешней торговли и инвестиций» [3, с. 5].

В дискуссиях о глобализации основное место занимает проблема верификации (подтверждения) различных версий: глобализация была с

древности или она продукт нового или новейшего времени. Большинство исследователей придерживается той точки зрения, что глобализация является продуктом современной эпохи, приведя к стремительному ускорению экономической, финансовой, информационной, научно-образовательной, социально-культурной и иной интеграции стран всего мира.

Изначально глобализация представлялась как процесс вовлечения всех стран и регионов мира в общепланетарный процесс экономического и социально-политического прогресса, получения доступа к новым знаниям и технологиям, развития человеческого капитала, всеобщего повышения уровня экономического благосостояния людей. Однако де-факто глобализация создает также и огромные вызовы и риски для всего человечества: глубокий раскол мира, навязывание странами коллективного Запада западно-центристской модели развития остальному миру, присвоение, монополизация и продвижение по миру в качестве эталонных образцов и норм социально-политического, финансово-экономического, социально-культурного, морально-этического, нравственного и иного развития и поведения. Иными негативными сторонами глобализации стали ее перманентные «спутники» – глобальные проблемы: безработица, инфляция, голод, экологические проблемы, угроза ядерной войны, терроризм, коррупция, отсутствие доступа к чистой питьевой воде и к услугам здравоохранения, неуправляемые миграции и др., каждая из которых обладают таким конфликтогенным потенциалом, способным привести к множеству локальных и крупных конфликтов, войн, нарастающего хаоса в мире.

Самый глобальный вызов современного глобализма – противоречие между процессами универсализации мира по западным стандартам (неолиберальная экономика, права человека, демократия, западные ценности, вестернизация, прежде всего, в виде «американизации» и т.д.) и стремлением представителей не-западного мира к сохранению своих цивилизационной, культурной, этнонациональной, ментальной и иной идентичностей. В этой связи вслед за новыми вызовами в эпоху глобализма новую актуальность приобретает национализм, развивающийся во всем мире – и на Западе, и, в особенности, в странах не-западного мира. Современный национализм – это реакция на глобализацию, идеологию и политику

неолиберализма и связанные с этим культурные, этнические, религиозные и иные трансформации.

Наибольшую активность по пути создания глобального миропорядка проявляют страны коллективного Запада, рассматривающие современную глобализацию своим совместным коллективным проектом. Западные страны, установив фактически монопольный контроль над мировой экономикой (ТНК, ВТО и др.), финансовой системой (МВФ, ВБ, ЕБРР), системой международных организаций (ООН), используют современную архитектуру мировой политики, экономики и международных отношений в качестве мощного инструмента сохранения своего контроля над текущими процессами глобализации.

Одним из важных элементов социума «коллективный Запад» является Европа – в условиях послевоенного экономического бума в 1957 г. был подписан Римский договор – международный договор, подписанный ФРГ, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом о ликвидации всех преград на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала. Можно сказать, с этого события берет начало не только создание ЕС, но и началась вторая волна современной глобализации. Мощными стимулами для ускорения процессов глобализации стали развитие НТР, прежде всего, автоматизация, быстрое развитие цифровых технологий и др., рост противоречий в 1960-1970-е гг. между центрами мирового капитализма – США, Западной Европой и Японией, последующий кризис и коллапс Бреттон-Вудской системы валютного регулирования, мировые энергетические кризисы 1973 и 1979 гг., стимулировавшие переход ведущих стран мира к постиндустриальной экономике с экспортом капиталов, производств и технологий в страны третьего мира. Глобализация стимулировала создание наднациональных организаций и утверждения неолиберальных подходов в политике, экономике, а также культуре.

Обратной стороной глобализации стала реновация этнического и культурного нативизма, традиционализма и национализма во всем мире, начиная со стран не-западного мира и завершая странами самого Запада. В наибольшей степени национализм стал развиваться в не-западном мире в виде ментальной реакции на возникшие вызовы и угрозы, уходящие своими корнями в историю.

Во время колонизации мира в XVI-XIX вв. страны Запада навязывали свои ценности колонизованным и порабощенным странам и народам. Инструментами той политики были войны, завоевания, уничтожение элит колонизованных стран или превращение их в опору своего влияния и политики. Ответной реакцией населения зависимых стран стали зарождение и развитие идеологии освобождения, сформировавшейся в виде своеобразного синтеза западных идей национализма и не-западных донациональных форм идентичности – трайбализма, этнического национализма, традиционализма, фундаментализма, «джихада» и др. На рубеже XX-XXI вв. глобализация привела к формированию явлений антиглобализма, взрыва различных видов национализма, глокализма и др.

Вопреки концепциям в осмыслении процессов модернизации и глобализации, превозносящим потенциал только западного мира, страны Востока – Китай, Индия, Япония, «драконы» и «тигры» Азии, арабо-мусульманские страны – глубоко интегрированы в структуры мировой экономики, системы торгово-логистических цепочек, в другие институты глобализованного мира. Эти страны оказывают все более возрастающее влияние на формирование повестки мировой политики и развитие глобальной экономики, они стали центрами мирового промышленного производства, аккумуляции гигантских капиталов и развития современных технологий. Разработка и принятие на вооружение ядерного оружия выдвинуло Китай, Индию и Пакистан в число мировых держав, высокий международный статус которых поддерживается не только обладанием ядерным арсеналом, но и высокими темпами экономического роста и технологического развития.

По словам известного востоковеда В.Я. Белокреницкого, «и в дальнейшем... международно-политическое значение восточных государств будет постепенно увеличиваться, опираясь на растущий в целом демографический, экономический, военно- и научно-технический потенциал» [2, с. 87]. «Мировая история возвращается на круги своя, к своему первичному центру – Азии, – убежденно и утверждает, и пророчествует социолог, политолог и экономист А.Г. Франк. – В XIX в. «гегемония» сместилась в западном направлении – в Европу и Северную Америку, в XXI в. она, похоже, вернется к исходной точке, обогнув Земной шар» [4, с. 202].

Успешно экономически и технологически развивающиеся страны Востока демонстрируют потенциал не-западного мира к модернизации политических, экономических и социальных институтов при сохранении уникальной цивилизационной основы. Однако западно-центристская глобализация представляет процесс расширяющейся политики установления все более эффективного и даже жесткого контроля над странами не-западного мира. Что, естественно, вызывает отторжение, неприятие, сопротивление такой политике со стороны не только государств и правительств стран ареала не-Запада, но и их населения.

К началу XXI в. накопились негативные последствия современной глобализации, ставшие плодотворной почвой для активизации различных групп и направлений национализма в различных странах и регионах мира. Общим базисом идеологии европейских националистов стали выступления в защиту христианских ценностей, противостояние эмиграции, исламизму, глобализму, демографической угрозе, защита традиционной семьи и жизни на всех её этапах (то есть запрет аборт, эвтаназии и др.), оппонирование политике наднациональных структур типа ЕС или ВТО и стремлению США подчинить Европу. Европейские националисты выступают против агрессивной неосекюляризации, пропаганды гендерных свобод, моральной дегенерации, общества потребления, упадка традиционных и религиозных ценностей, пропаганды политкорректности, ответственными за что они считают антинациональные элиты, от имени своих народов присвоившие право на управление как своими странами, так и почти всей Европой через бюрократические институты ЕС, Совета Европы и других структур.

Безусловно, европейские националисты находятся в меньшинстве, их партии и лидеры не могут претендовать на установление контроля над властью в Европе. Однако они и их сторонники остро критикуют недостатки современной европейской интеграции – политику мультикультурализма, ограничения суверенитета в пользу Брюсселя и Вашингтона, наднациональный характер европейской бюрократии и недемократичную систему органов власти Европейского Союза и Совета Европы. Даже лидеры Великобритании, Германии, Франции, Испании и ряда других стран в 2011-2016 гг. были вынуждены были признать провал политики мультикультурализма в интеграции мигрантов в европейское общество.

Миграционный кризис 2014-2015 гг., связанный с массовым притоком в Европу нелегальных мигрантов из стран Африки, Ближнего и Среднего Востока, а также других территорий Азии, привел к новому росту европейского национализма. Европу охватили протестные настроения против мигрантов, которые выражались в националистических лозунгах, в требованиях перекрыть для мигрантов границы если не ЕС, то национальные границы, защитить рынок труда от мигрантов, отказаться от политики мультикультурализма как от дискредитировавшей себя доктрины. Собственно говоря, трансграничная наднациональная стратегия евробюрократии и евроэлиты, выступающих главными бенефициарами от политики ЕС, подпитывает политические движения и идеологии, использующие патриотизм и национализм в качестве фундаментальной основы своей политики.

В последние годы происходит мощный подъем культурного самоосознания не только в странах третьего мира, Восточной Европы и постсоветского пространства, но и в западных странах. В них все острее становятся не только проблемы этнонационализма мигрантских групп и этнорелигиозных меньшинств, но и национализма коренного населения, недовольного последствиями неолиберальной глобализации, неуправляемой миграции, инфляции, роста цен, общей деградации социально-экономической ситуации в странах Запада. Политический референдум по Brexit в Великобритании, рейтинги партий Национальное объединение (до 2018 г. – Национальный фронт) Марин Ле Пен во Франции, «Альтернатива для Германии» в ФРГ, каталонские, шотландские, корсиканские и другие группы и течения националистов во всех концах Европы являются вескими доводами в пользу превращения политического национализма в серьезный фактор в развитии стран Запада.

Как бы ни хотелось неолиберальным политикам и идеологам ускорить и углубить процессы глобализации, она не только не уничтожает и нивелирует локальные культурные, религиозные и иные групповые идентичности, а, напротив, стимулирует их укрепление, мотивирует пробуждение и подъем экономического и государственного национализмов в качестве ответной реакции на угрозы существенного ослабления и даже окончательной утраты собственных «корней», ассимиляции и аккультурации. Даже в рамках коллективного Запада сохраняются и развиваются довольно

популярные националистические идеологии и движения, выступающие против вестернизации в англо-саксонском варианте. Подобный политический дискурс присущ для указанных чуть выше националистических политических партий и сил Европы.

Глобализация мира подталкивает националистических сил к протестам против распространения общих «обезличенных» культурных стандартов, символов и знаков, заставляя выступать за сохранение традиции в виде мифосимволической истории, языка и культуры. Националистов пугают образы космополитического гражданина мира, страшит фантом общемирового государства без территорий и границ, в котором будут господствовать вестернизированные, прежде всего, американизированные социальные институты и ценности: английский язык, западные права человека и политические институты, либеральные модели экономики, культурные ценности и разноплановая продукция, по заказам и технологиям произведенная в Китае и странах третьего мира.

Выступления и лозунги против глобализма можно услышать повсюду, где сильно движение за культурное самоосознание, где этническая/культурная идентичность создает конкуренцию процессу становления мирового космополитизма. Национализм, являющийся идеологией в защиту «своей» нации и ее культуры, выступает против стандартизированных и универсальных форм культуры; национализм и глобализм – явления, пожалуй, трудно совместимые, а, может быть, параллельно существующие и развивающиеся.

Феномен современного национализма и его неприятия политики и предварительных итогов глобализма еще предстоит осмыслить, поскольку носителями антиглобалистских лозунгов стали не только радикальные националисты и традиционалисты, но и космополитично настроенные группы населения из многих развитых стран Европы. Сама конфигурация этого вавилонского движения представляет противоположность выдвигаемым лозунгам в защиту локализма и культурной самобытности, вотчинами которых могут стать не только «окраинные» страны мировой ойкумены, но и экономически развитые страны западного мира.

Недавние утверждения глобалистов о кризисе идеи нации, о скором конце национального государства и близкой победе универсальных ценностей и стандартов глобального миропорядка подвергаются существенной коррозии картинами «объективного

контроля», т.е. среза общественных настроений в разных регионах мира. Вместо позитивных сценариев дальнейшего развития глобализации и разносторонней интеграции на наших глазах происходит радикализация националистических движений, ужесточение лозунгов политической нетерпимости, проводится политика демонизации отдельных стран и превращения их в государства-изгои.

Таким образом, глобальная политика и политика глобализма в настоящее время переживают самый настоящий кризис, вызванный продолжением политики стран коллективного Запада навязывать остальному миру свои волю и интересы, использовать экономики и ресурсы не-западного мира в интересах удовлетворения гипергедонистического эгоизма и сохранения собственного политико-идеологического и экономического господства над остальным миром. В ответ на это страны не-западного мира в последнее время от политики интеграции глубоко качнулись в сторону нативизма и национализма, выступающих в качестве защитной реакции на вызовы и угрозы современной глобализации. В самих странах Запада национализм и националистическая политика становятся все более влиятельными направлениями общественного дискурса.

Критикуемая в недавнем прошлом концепция С. Хантингтона об угрозе столкновения цивилизаций приобретает новую актуальность [6] – сегодня мир столкнулся с беспрецедентными конфронтацией, противостоянием и конфликтностью, способными вылиться в полномасштабную мировую войну. Важнейшей задачей человечества сегодня – задачей выживания – становится осознание необходимости стремления и движения к миру, компромиссу и отказу какой-либо страны или группы стран от попыток навязывания остальным своим ценностей и сценариев мирового развития.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / под. ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Белокрыцкий В.Я. Восток на рубеже веков: некоторые итоги и перспективы развития // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 5. С. 66-88.
3. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики: пер. с англ. Москва: Издательство «Весь Мир», 2004. 216 с.

4. Франк А.Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / под ред. А.О. Чубарьяна. Москва: Наука, 2002. С. 192-203.
5. Фролов, К. А. Понятие дискурса в работе Саида «ориентализм» / К. А. Фролов, И. В. Фролова // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 12 марта 2021 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 322-326.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; пер. с англ. Москва: Издательство АСТ, 2003. 603 с.
7. Francis Fukuyama. The end of history and the last man. New York: Free Press, 1992. 418 p.

РЕВОЛЮЦИИ XVIII-XIX ВВ. И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

УДК 94(4)''15/19''

© С.Д. Воскривенко

аспирант УрФУ, г. Екатеринбург

Научный руководитель – д. и. н., профессор В. Н. Земцов

S.D. Voskrivenko

Postgraduate Student, UrFU, Yekaterinburg

Scientific supervisor – d. of h. s., professor V. N. Zemtsov

ФОРМИРОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ НАПОЛЕОНА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА

THE FORMATION OF THE FRENCH NATIONAL STATE IN THE ERA OF THE FIRST EMPIRE: REPRESENTATION OF THE POWER OF NAPOLEON AND STATE PROPAGANDA

Аннотация. В статье рассматривается, какое влияние оказывали репрезентация власти и пропаганда Наполеона на формирование национального государства во Франции. Автор исследует, насколько успешно реформы Наполеона были подкреплены усилиями по созданию позитивного имиджа политического режима и имперской власти. Кроме того, анализируется, как это отразилось в оценках и воспоминаниях современников.

Abstract. The article examines the influence of Napoleon's representation of power and propaganda on the formation of a nation state in France. The author also examines how successfully Napoleon's reforms were supported by efforts to create a positive image of the political regime and imperial power. In addition, it analyzes how this was reflected in the assessments and memoirs of contemporaries.

Ключевые слова: Французская революция, Наполеон, Первая империя, пропаганда, репрезентация власти, национальное

государство, революционное наследие, монархическое наследие, имперский культ.

Keywords: French Revolution, Napoleon, First Empire, propaganda, representation of power, nation state, revolutionary heritage, monarchical heritage, imperial cult.

Формирование французского национального государства – сложный комплексный процесс, затронувший все сферы жизни страны. Одним из его ключевых моментов был приход к власти Наполеона и создание Первой империи. Однако начало этому процессу было положено в эпоху Французской революции. После свержения монархии в обществе появилась благодатная почва для реализации идей просветителей, где центральное место отводилось новой роли человека – изначально свободного, обладающего неотъемлемыми правами. Именно эта идея способствовала появлению французского национального самосознания. Ключевым элементом отражения этой идеи явилась Французская конституция 1791 года. Именно в ней впервые прозвучали идеи об индивидуальной свободе человека, о его естественных и неотчуждаемых правах. Именно в ней впервые громко зазвучало само слово «нация» («nation»), как ключевой субъект политических отношений в стране. Была также сделана попытка чётко прописать особенности государственного устройства (в рамках монархии), где нация управляет страной через своих представителей. Но эта политика потерпела неудачу [1]. Несмотря на это, позитивные тенденции были довольно слабо закреплены в обществе, и многим эта эпоха запомнилась как время беззакония и политических смут. «Чем ужаснее были политические судороги, столь долго потрясавшие Францию, тем живее чувствовало сердце каждого необходимость присоединиться к тому, кто представлял собой могущество и спокойствие. Прежние чувства постепенно возрождались. Мы были сильно оглушены, но тем более желали успокоения; и чем глубже беспорядок расстроил нас, тем пламеннее желали мы благоустройства в нравах, законах, общественном быту», – пишет герцогиня д'Абрантес об этом времени [2, с. 581].

Когда Наполеон пришёл к власти, перед ним встало несколько важных задач, самой главной из которых была политическая стабилизация страны, примирение различных слоёв общества. Кроме того, перед Наполеоном стояла проблема и религиозного кризиса,

сотрясавшим Францию в революционный период. Люди Революции поняли, что невозможно упразднить католицизм, не заменив его другой религией. Один за другим сменяли друг друга культ Разума, затем культ Высшего Существа и, наконец, теофилантропия. Империя предложила имперский культ [3, р. 132]. Основной задачей имперского культа было примирение революционного и монархического наследия, его переплавка в репрезентацию власти совершенно нового режима, который, как отмечает А. В. Ревякин, был доселе невиданным. Соединив принцип единовластия и прогрессивную идею революционной диктатуры, Наполеон I создал авторитарную монархию, предвосхитившую будущие тоталитарные режимы XX века [4, с. 500].

Государственный переворот 18 брюмера, как признают многие историки, стал закономерным финалом развития Французской революции, её наивысшей точкой. Из хаоса революции постепенно появилась фигура, которая, с одной стороны, её остановила, с другой, продолжила её ключевые линии развития, но уже более упорядоченно, в рамках твёрдого государственного управления. Наметившиеся во время революции тенденции к централизации страны, переформатированию социальной и политических структур, секуляризации духовной жизни страны были во многом продолжены Наполеоном. Основание лицеев, введение ордена Почётного легиона, создание Гражданского кодекса, учреждение Банка Франции - всё это способствовало тому, что нация постепенно объединялась, и новый политический режим стремился удовлетворить её чаяния.

Безусловно, все эти меры способствовали росту популярности Наполеона и укреплению его режима. Но Наполеон немало внимания уделял и собственно репрезентации власти и пропаганде. Если различные реформы способствовали созданию материальных основ того, что призвано было поддерживать режим, то активные усилия по его пропаганде усиливали этот эффект, закрывали людям глаза на недостатки режима и определённым образом пробуждали национальные чувства. Как отмечают многие историки, Наполеон весьма в этом преуспел. По мнению Оливье Будона, Наполеон при жизни ничего не упустил, чтобы подчеркнуть свои положительные качества, упрочить свои завоевания или превознести свои успехи на внутренней политике. Пропаганда стала одним из главнейших инструментов наполеоновской политики [3, р. 135].

Этот имперский культ создавался во многом с опорой на наследие римской Античности и Карла Великого. Историки отмечают, что поиск основы для него был долгим и непростым, и в конечном итоге был создан некий синтез, где акценты во многом расставлялись в зависимости от ситуации [5]. О постепенном переходе от республики к монархии и попытке синтезировать эти две традиции пишет Антуан-Клер Тибодо: «1 вандемьера IX года, годовщина основания республики, был одним из национальных праздников, которые сохранялись до тех пор, пока все они не были запрещены. Когда во Франции было учреждено Консульство, в Париже состоялись пышные торжества. Останки Тюренна были переданы в Дом Инвалидов [6, р. 38].

Театр, живопись, музыка – всё было охвачено сферой государственной пропаганды. Во славу Наполеона создаются многочисленные произведения художников, композиторов, театральных деятелей. Госпожа де Ремюза, супруга сюринтенданта театров Поля Ремюза, отмечает, что деятели искусства заняли приятное место в обществе и получили доступ к роскоши. Наполеон им оказывал большое покровительство [7, с. 394-395]. С одной стороны, власть активно поддерживает культурную жизнь в империи, с другой стороны, транслирует через неё свои идеи, и художественные произведения часто были ответом на то или иное событие в империи. Подтверждением этому стало множество примеров, дошедших до наших дней [8, 9].

Общественное сознание в целом благоприятно восприняло новый режим, и все попытки Наполеона укрепить свою власть. В «Мемуарах» госпожи де Ремюза, умной и образованной женщины содержится немало суждений о том, как французская нация в целом воспринимала первые годы правления Наполеона. «...Люди, утомлённые революционными бурями, испуганные той свободой, которую так долго связывали со смертью, увидели возможность отдыха под сенью власти искусного властелина, которому притом благоприятствовала сама судьба; они видели перст судьбы в его возвышении и льстили себя надеждой найти мир в неизбежном. Я решаюсь сказать, что вполне искренни были те, кто думал, что Бонапарт, сделавшись консулом или императором, станет противиться всей силой своей власти различным предприятиям со стороны партий, и мы будем спасены от опасностей бесконечной анархии» По мнению,

мемуаристки, Наполеон был истинным продуктом неизбежной революции. Он не был связан с её разрушениями и до смерти герцога Энгиенского, как казалось госпоже Ремюза, сохранял возможность узаконить свою власть благодеяниями, которые вызвали вечную благодарность нации. «Его увлекло его деспотическое честолюбие, но, повторяю, не он один заблуждался. <...> Честные люди, казалось, желали от Бонапарта только покоя, не очень смущаясь формой, в которой он его даст» [7, с. 186].

Позитивно отзываясь об этом времени герцогиня д'Абрантес: «Благосклонность народа окружала не только Наполеона, но и правительство его. <...> Франция, оплакиваемая и несчастная, кинулась в объятия генерала Бонапарта со всею преданностью страдальцы наконец поверившей в окончание своих бедствий. Тогда думали и, конечно, справедливо, что самый храбрый солдат, самый знаменитый воин, должен быть и самым справедливым правителем, который возвратит нам уважение других народов» [2, с. 581].

Таким образом, можно утверждать, что правление Наполеона стало завершающей стадией формирования французского национального государства. Именно в эпоху Консулата, а затем и Первой империи, централизация Франции достигла своего завершения. Французская революция разрушила старые устои, сдерживавшие развитие новых социальных, политических, экономических и отчасти культурных тенденций, но тем самым она вывела страну из равновесия, погрузив в хаос. Нация нуждалась в стабилизации и порядке, и поэтому приход к власти Наполеона в обществе в целом был воспринят спокойно и с надеждой. Меры, направленные на развитие страны, были в целом восприняты положительно, и часть из наполеоновского наследия жива по сей день.

Пропаганда и репрезентация власти Наполеона в немалой степени поддерживали и укрепляли реформ, которые он проводил. Теперь пропаганда охватывала гораздо большее число людей, чем это было ранее, и её формы взаимодействия были более искусны и разнообразны, чем в предшествовавший период. Умелое сочетание революционных и монархических инструментов, а также сама личность Наполеона позволили решительным образом за короткий промежуток времени сплотить нацию, и, даже несмотря на последующее падение, эта историческая эпоха осталась в народной памяти как время побед и благополучия.

Литература:

1. Constitution de 1791. [Электронный ресурс] URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791> (дата обращения: 07.03.2022)
2. Герцогиня Абрантес. Записки, или Исторические воспоминания о Наполеоне. Т. II. / Лаура Жюно, герцогиня Абрантес. / Пер. с фр. К. Полевого. М.: «Захаров», 2013. 830 с.
3. Монархи Европы: Судьбы династий. / Ред. сост. Н. В. Попов. М.: ТЕРРА, 1997. 624 с.
4. Boudon J.-O. Grand homme ou demi-dieu ? La mise en place d'une religion napoléonienne // *Romantisme*, 1998, №100. Le Grand Homme. PP. 131-141; doi : <https://doi.org/10.3406/roman.1998.3295>
5. Thibaudeau De, Antoine-Clair. Mémoires. - Paris: Librairie Plon, troisième édition, 1913. – 562 pp. / Archive.org [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/mmoiresdeacthi00thibuoft> (дата обращения: 27.02.2022)
6. Dousset-Seiden C. La nation française et l'Antiquité à l'époque napoléonienne. // *Anabases*, 2005, n°1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://anabases.revues.org/1288> (дата обращения: 10.06.2020)
7. Госпожа Ремюза. Мемуары. / Пер. с фр. О. И. Рудченко; пред. П. Ремюза. М.: «Захаров», 2017. 592 с.
8. Cantate sur la naissance de S. M. le Roi de Rome // Notice bibliographique. Catalogue general. Bibliotheque national de France. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb39627986s> (дата обращения: 10.06.2020).

УДК 94(4)''15/19''

© **А.В. Надршин**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

A.V. Nadrshin

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tuhvatullin

ФОРМИРОВАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ НАЦИИ В УСЛОВИЯХ РИСОРДЖИМЕНТО

THE FORMATION OF THE ITALIAN NATION IN THE CONDITIONS OF THE RISORGIMENTO

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки и условия формирования итальянской идентичности в ходе национально-освободительного движения и объединения итальянских государств и регионов в единое государство. Показана роль революционных и либеральных кругов в достижении единства страны.

Abstract. The article examines the prerequisites and conditions for the formation of Italian identity during the national liberation movement and the unification of Italian states and regions into a single state. The role of revolutionary and liberal circles in achieving the unity of the country is shown.

Ключевые слова: Рисорджименто, национальная идентичность, Италия, объединение, культура.

Keywords: Risorgimento, national identity, Italy, unification, culture.

Рисорджименто [1, с. 1–13] – историографический термин, обозначающий растянувшийся на более чем 30 лет процесс объединения раздробленной Италии в единое государство, борьбе итальянского народа против иноземного господства за независимость. Данный аспект станет главным лейтмотивом всего национально-освободительного движения Италии.

Актуальность исследования заключается в необходимости изучения процесса формирования итальянской национальной идентичности в условиях развернувшегося в середине XIX в.

национально-освободительного движения, итоги которого прямо повлияли на дальнейшее течение развитие национального самосознания итальянского народа. Целью данной работы является изучение влияния эпохи Рисорджименто на формирование национальной идентичности итальянского народа, определение политических, социально-экономических и ментальных причин национально освободительной борьбы итальянского народа.

В исторических исследованиях выделяют ряд причин резкого роста национально-освободительного движения [2, с. 4] в Италии. К ним относят, прежде всего, то, что жители итальянских государств говорили на одном языке, имели общую культуру, ощущали себя частью чего-то большего, что повлияло в конкретных условиях на рост национального самосознания.

К экономическим предпосылкам объединения можно отнести упрочнение капиталистических отношений, бурный рост промышленного производства. Но препятствием развитию стала невозможность эффективно развивать экономику ввиду таможенных пошлин, сложности в строительстве железных дорог и т.д. К этому следует добавить сохранение неравномерности социально-экономического развития государств – относительно развитый промышленный Север полуострова противопоставлялся преимущественно землевладельческому и патриархальному бедному Югу.

Государства Апеннинского полуострова много лет являлись зависимыми от влияния и господства великих держав, что вкупе с озвученными выше процессами повлияло на национально-освободительную борьбу итальянского народа.

Важную роль в формировании национального самосознания у итальянцев играла культура. Культурная идентичность Италии являлась одним из главных факторов, повлиявшим на последующие события по объединению государства [7, с. 1–10]. Итальянская многослойная культура, берущая своё начало со времен древнего Рима, за время раздробленности страны стала мощной связующей силой, которая тесно связывала между собой итальянские государства. Путешественники XIX в. представляли территорию Апеннинского полуострова как нечто единое, целое, просто разделенное разными государствами [7, с. 4]. Большая проблема заключается в том, что хоть данные процессы определения своей культурной идентичности и были

распространены на всей территории Италии, это в большей степени было характерно для северных государств, югу страны не была характерна столь развитые процессы упрочнения национального самосознания на основе культурной идентичности. Раздробленность Италии в какой-то степени, способствовали развитию итальянской культуры. Рисорджименто выступило как раз катализатором объединения и формирования общей культуры, осознания итальянцами своего места в мире, истории, национальной идентичности.

В среде общественно-политических сил Италии существовали две основные концепции будущего объединенной страны [89 с. 4–6], её форме государственного и социально-экономического устройства. Первое – это течение умеренных либералов, которые видели будущее Италии в развитии капиталистической экономики, росте свободных рыночных отношений, конституционной монархии в качестве формы правления. Лидером данного либерально-буржуазного течения являлся премьер-министр Сардинского королевства граф Камилло Кавур. Другое течение – революционеров-республиканцев – опиралось на идеи Джузеппе Мадзини, выступавшего за революционные действия.

По своей сути это было противостояние развитого Севера и отстающего сельскохозяйственного Юга в лице крестьян Неаполитанского королевства недовольных многолетним гнетом землевладельцев [2, с. 6].

Демократический взгляд на будущее Италии потерпел крах во многом благодаря опасениям республиканцев по поводу крестьянской революции и возможному изъятию земель у политических элит. Исходя из данного фактора многие демократы отказались от своих идей и встали на сторону умеренных либералов Сардинской монархии во главе с Камилло Кавуром.

Параллельно данным событиям началась освободительная война Сардинского королевства против Австрии, вместе с выступившей на стороне Пьемонта Франции, которая вступила в войну благодаря дипломатическим качествам графа Кавура. Таким образом, на территории Апеннинского полуострова разгорелась борьба между двумя великими европейскими державами [4, с. 91]. Франция намеревалась сыграть на национальном самосознании и патриотических чувствах итальянцев, но и добиться подчинения их государства своей власти. Наполеон III явно недооценил происходящие в Италии освободительные процессы, патриотический подъём

итальянцев и спешно заключил мир. В этих условиях государства центральной Италии опасались попасть в зависимость от Франции или Австрии. Результатом данных опасений стала твердая решимость центрально-итальянских государств не допустить на свою территорию иностранные войска. В итоге, были образованы Объединенные провинции Италии, которые затем вошли в состав Сардинского королевства.

Итогом противостояния республиканцев-демократов и умеренных либералов и войны стал поворотный момент, когда практически весь север полуострова был объединен под властью Сардинского королевства, а на юге в Неаполитанском государстве по результатам революции диктатором стал убежденный республиканец, национальный герой Италии, участвовавший во всех военных кампаниях национального освобождения итальянского народа Джузеппе Гарибальди.

Данное событие стало коренным переломом всего процесса Рисорджименто. Но вместе с тем проявилось и столкновение Севера и Юга Италии, которое продолжается даже в наши дни [6, с. 2–8]. По своей сути обе стороны использовали объединение итальянской нации в своих интересах: для Севера нация являлась неким конструктом, который обеспечил бы упрочнение положение Сардинской буржуазии, а Юг Италии, где победила народная революция, не имел четкой программы устранения социальных проблем, существовавших в Неаполитанском государстве.

Объединение Италии в единое государство было в интересах практически всех слоев населения. Но были на территории полуострова силы, в интересы которых не входило образование Итальянского королевства. Данной силой был Папский престол [4, с. 1–5].

В начале первой итальянской революции Папа Римский выступал на стороне национально освободительного движения, на него делали ставку многие заинтересованные группы. Предполагалось даже, что вся Италия будет объединена под властью понтифика, однако данная идея потерпела свой крах с поражением революции. После данного события Святой престол занял реакционную позицию, опасаясь потери своего влияния, земель, статуса весомого актора международной политики, что в итоге и произошло, Папа Римский направил все свои усилия чтоб не допустить захвата своих земель, однако это лишь

позволило выиграть время. Летом 1871 года столицей Итальянского королевства вместо Турина стал Рим.

Таким образом, на основании проанализированной литературы удалось прийти к следующим выводам. Определение нации как некоего социального конструкта является характерной чертой для действий итальянских государств по объединению в единое государство, Сардинское королевство воспользовалось моментом и использовало настроения, царившие в то время, для осуществления своей политики, однако это было выгодно не только для политических и экономических элит, но и для самого итальянского народа.

Несмотря на то, что формирование Италии кажется волей случая, это был закономерный процесс, связанный с формированием итальянской идентичности. В Италии он шел давно, благодаря развитой, многослойной культуре, а на момент начала Рисорджименто получил свое развитие.

Великие державы в середине XIX в. своими действиями сыграли решающую роль, определив судьбу итальянцев как нации, сколько Италии как государства, способного конкурировать с другими государствами Европы, вести независимую политику.

Несмотря на то, что население итальянских государств все же имело некоторые языковые различия и отличия в образе жизни, большинство жителей Апеннинского полуострова уже воспринимали себя как итальянцев, а искусство северных провинций – как общеитальянскую культуру и уже не видели будущее народа в жизни в отдельных государствах. Рисорджименто оказало гигантское влияние на складывание государства, поставив точку в долгом процессе осознания итальянцев себя как нации.

Литература:

1. Андреев, С. А. Рисорджименто с позиции философии Макиавелли: историко-философский анализ / С. А. Андреев, К. М. Бабкова // Симбирский научный вестник. 2013. № 1(11). С. 151-153. [Электронный ресурс]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20921649> (дата обращения: 13.03.22).
2. Борисова Д.С. "Конструирование национальной идентичности в Италии: от итальянцев к италийцам" // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры, № 3 (40). С. 16-21. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie->

natsionalnoy-identichnosti-v-italii-ot-italyantsev-k-italiystsam (дата обращения: 15.03.22).

3. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.

4. Гарильо, Б. Католическая церковь от анафемы до реабилитации Рисорджименто / Б. Гарильо // *Studia Culturae*. 2012. № 14. С. 127-152. [Электронный ресурс]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20462154> (дата обращения: 13.03.22).

5. Дичковская Е.А. К вопросу об итальянской идентичности // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VII международной научно-теоретической конференции, Минск, 21 января 2014 г. / Белорус. гос. педагогический университет имени Максима Танка; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГПТК полиграфии, 2014. С. 87–88. [Электронный ресурс]: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/97899> (дата обращения: 13.03.22).

6. Егорова, М. А. Борьба за объединение Италии и становление итальянской государственности (социально-политический и культурно-лингвистический аспекты) / М. А. Егорова, А. А. Егоров // Искусство, дизайн и современное образование: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 23–24 мая 2016 года / Российская государственная специализированная академия искусств; Институт изобразительных искусств Чжэнчжоуского университета; Международный научно-культурный центр академических контактов. Москва: Издательский дом "Научная библиотека", 2016. С. 473-485. [Электронный ресурс]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27555858> (дата обращения: 13.03.22).

7. Социально-политические и культурно-лингвистические аспекты образования Италии / М. А. Егорова, А. А. Егоров, Ю. С. Медведев, Т. Г. Орлова // *Казачество*. 2021. № 56(6). С. 53-62. [Электронный ресурс]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48029472> (дата обращения: 13.03.22).

8. Кайгородова, Н. А. Рисорджименто - окончанный процесс? История и современные оценки / Н. А. Кайгородова // *Studia Culturae*. 2012. №14. С. 224-236. [Электронный ресурс]:

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20462159> (дата обращения: 13.03.22).

9. Мамажонов, А. Итальянский период Рисорджименто / А. Мамажонов, Н. Саттаров // *Мировая наука*. 2021. No 7(52). P. 55-58. [Электронный ресурс]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46411856> (дата обращения: 13.03.22).

УДК 94(7/8)+39(4/9)

© **В.В. Родионова**

студент КубГУ г. Краснодар

Научный руководитель: к. и. н. доцент Е. Н. Кумпан

V.V. Rodionova

student of KubSU Krasnodar

Scientific supervisor: Ph.D. associate professor E. N. Kumpan

ОФОРМЛЕНИЕ НОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НА ПОЛЯХ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

THE FORMATION OF A NEW NATIONAL IDENTITY ON THE FIELDS OF THE AMERICAN REVOLUTION

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования национального самосознания у колонистов Северной Америки. По мнению автора, ключевым событием в данном процессе является Американская революция и ее итоги. Анализируются общие настроения общества колонистов до и во время революции, наличие у них задатков собственных национальных культурных элементов.

Abstract. The article examines the process of formation of national identity among the colonists of North America. According to the author, the key event in this process is the American Revolution and its results. The general sentiments of the colonists' society before and during the revolution are analyzed, as well as the presence of the makings of their own national cultural elements.

Ключевые слова: американская нация, колонисты Северной Америки, пуритане, Американская революция, Война за Независимость, Декларация Независимости.

Keywords: American nation, colonists of North America, Puritans, American Revolution, War of Independence, Declaration of Independence.

Принято считать, что американская нация представляет собой своеобразный сплав этносов и культур народов. По мнению ряда авторов у американцев не было собственной культурных и духовных черт, которые позволили бы им презентовать себя как отдельную уникальную нацию. Это мнение обосновывается тем фактом, что культура, закон и даже язык был заимствован американцами у Великобритании – родиной колонистов, сформировавших основу американского общества. Однако нельзя отрицать тот факт, что этот «плавильный котел», которым зачастую именуют Соединенные Штаты, имел еще более сложную систему формирования общего национального самосознания и собственную культуру, с ее отличительным характером и признаками.

За основу в данной статье взято событие, которое привела к созданию Соединенных Штатов Америки как независимого государства – Американская революция. Именно данное событие закрепило и оформило те национальные идеи и настроения, которые были колониальном обществе Северной Америки. Говоря об Американской революции в целом и Войне за независимость в частности, мы можем вспомнить слова одного из отцов-основателей Патрика Генри: «Различия между вирджинцами, пенсильванцами, нью-йоркцами и жителями Новой Англии более не существуют. Я теперь не вирджинец, а американец». Здесь мы видим оформившиеся представления об американской нации и самовосприятии людей ее представителями. [2, с. 9]

Именно с этого времени бывшие колонисты Северной Америки проецируют себя не как подданных Британской империи, а как представителей американской нации.

Эти элементы национального самосознания начали свое формирование задолго до самой Американской революции. Сейчас же им необходимо было укрепиться, оформиться в доктрины и сформировать собственный американский культурный пласт из языка, литературы, искусства и т.д. [1, с. 26]

Как уже отмечалось ранее, многие историки склонны придерживаться мнения о несуществовании у американцев собственных национальных элементов и обычаев. Которые в тех же европейских государствах несут еще и важную мобилизующую функцию в период острых кризисов. В опровержение данного мнения весьма точно высказывается К. С. Гаджиев: «В действительности же романтизированные устные и письменные предания о переезде первых пилигримов через океан, идиллические картины жизни первых поселенцев в диком окружении, мифологизированные фигуры капитана Джона Смита и спасшей его индейской принцессы прекрасной Покахонтас, пуритане, призывавшие создать в Америке «град на холме» в пример всем другим народам, «день благодарения» и многое другое стали к тому времени прочно укоренившимися национальными символами и мифами, почитаемыми всеми американцами». [2, с. 6]

Эта же история прибытия отцов – пилигримов в Северную Америку нашла отражение в официальном национальном празднике США – «День праотцов». А известное соглашение на «Мэйфлаузере» стало своеобразной основой будущего гражданской организации среди колонистов. Уже в этом первом договоре отражаются буржуазно-демократические настроения и идеи независимости и самоуправления. По мнению авторов именно с такими настроениями на данную территорию и прибывали все новые волны иммигрантов, ищущих свободы и лучшей жизни. [3, с. 23] Но если в начале миграционные потоки шли из Англии и Шотландии, то через некоторое время в североамериканских колониях уже можно было встретить выходцев из Германии, Ирландии и Скандинавских стран. Так «плавильный котел» впервые начинает свою работу, но что особенного было во всем этом разношерстном обществе, которое стало основой американской нации? Все их объединяло стремление к реализации собственного потенциала вдали от европейских государств с их ограничивающими законами и идеологиями.

Географические, климатические и социокультурные особенности окружающей среды и общества позволяли колонистам быстро осваивать рыночные отношения, торговлю и производство.

В этой среде начинает формироваться собственное народное творчество со своими историями и героями. В религиозном плане большую роль сыграли пуритане, которые и привнесли к общему

национальному американскому портрету такие черты как: целеустремленность, экономность и прагматизм. Когда же начинается процесс отделение колоний от английской метрополии, начинает формироваться качество, ставшее стержнем национального американского характера – индивидуализм. [4, с. 59]

С появлением и обострением спорных моментов в экономике и политике между колониями и Британской империей, у местного населения уже начинает формироваться собственное национальное сознание. Причины конфликта были прежде всего в экономическом давлении англичан. Притеснение на рынке, чрезмерные пошлины, запрет на торговлю с другими государствами – все это ущемляло интересы колонистов, которые все больше проникаются идеей самоуправления своих колоний.

Известные «The Pennsylvania Chronicle and Universal Advertiser» («Пенсильванские хроники») – американская колониальная газета становится своеобразным народным воплощением недовольства властью англичан. Газета стала главным средством выражение антибританских настроений в колониях. [2, с. 16]

Все это подводит колонистов к идее национального единства, которая приобрела наивысшую точку своего воплощения в ходе Американской революции.

Нельзя сказать, что все население колоний было столь сплоченным в общей борьбе за независимость. История не может отрицать факта раскола общества на так называемых «патриотов» и «лоялистов». В ходе данного конфликта наметились и первые очаги конфронтации Севера и Юга. Однако наступление англичан и затягивание военных действий побудили изменить характер самого выступления. И если изначально главной задачей было получение автономии для колоний, то теперь она переросла в идею полной независимости. Принятие Декларации Независимости полноправно можно считать окончательным оформлением основных идей национальной свободы, даже пусть данное обстоятельство было продиктовано необходимостью получения французской помощи. [3, с. 34]

Декларация Независимости и Конституция США 1787 года, ставшие своеобразным краеугольным камнем в образовании будущего государства, дали возможность колонистам определять себя как представителей новой американской нации. Сама Декларация стала правовой базой для американского народа, основой образования

Соединенных Штатов, воплотив в себе, ко всему прочему, и основные ценностные ориентиры общества. [2, с. 38]

Подведение итогов войны, заключение Парижского мира и признание европейскими странами, в том числе и Великобританией, США независимым государством говорят о создании не просто новой страны, но целой нации.

Подводя итог, следует обратить внимание, что американская нация не сформировалась сразу в период революции. Это был процесс, тянувшийся с начала колониальной истории Северной Америки до Гражданской войны в Америке, которая нашла весомое отражение на американском самосознании. И тем не менее именно Американская революция дала существенный толчок в развитии национальных идей и привела к возникновению нового национального государства.

Литература:

1. Бурстин А. Американцы: колониальный опыт. М.: Наука, 1993. 589 с
2. Гаджиев. К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М. 1990.
3. Иванян Э. А. История США. М.: Дрофа, 2004. 576 с.
4. Кушнарёва, Е. С. К вопросу о формировании Американской нации / Е. С. Кушнарёва // Молодой ученый. – 2010. – № 12 (23). – Т. 2. – С. 56-60. – URL: <https://moluch.ru/archive/23/2350/> (дата обращения: 31.03.2022).

УДК 94(4)''15/19''

© **Е.О. Филиппов**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент А.О. Целищев

E.O. Filippov

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor A. O. Tselishchev

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. НА ФРАНЦУЗСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

INFLUENCE OF THE REVOLUTIONS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY ON THE FRENCH IDENTITY

Аннотация. События революции 1848-1849 гг. стали значительной вехой в истории не только Франции, но и всей Европы. В данной статье рассматривается влияние революций первой половины XIX в. на формирование французской национальной идентичности.

Abstract. Events of the revolution of 1848-1849. became a significant milestone in the history of not only France, but throughout Europe. This article examines the impact of the revolutions of the first half of the 19th century. to the formation of French national identity.

Ключевые слова: Франция, революция, национальная идентичность, либерализм.

Key words: France, revolution, national identity, liberalism.

Тема исследования занимает важное место в зарубежной и отечественной историографии, и несмотря на то, что в полной мере была выявлена специфика развития революционного процесса, его предпосылки и последствия, в современном мире наиболее актуальным остается вопрос о влиянии революции на рост национального самосознания, формирование идентичности и подъем национально-освободительной борьбы.

Во Франции XVIII века слово «нация», прежде всего, использовалось для обозначения земляков, уроженцев одной и той же местности. В период Великой французской революции это слово обрело известную популярность в значении политического

объединения граждан страны. Нацию как совокупность полноправных и ответственных граждан стали противопоставлять сословиям и королевской власти. Идеи гражданского, национального самосознания, выдвинутые Французской революцией, и последовавшая затем внешняя политика революционной Франции стали важным фактором развития национализма в Европе. [2, с. 8].

В это время идея нации, общенационального государства широко развивалась французским аббатом Эммануэлем-Жозефом Сийесом. В брошюре «Что такое третье сословие?», он представил свое видение будущего устройства Генеральных штатов. Его работа обрела значительный успех, благодаря четко выраженным идеям, совпадавшим с интересами огромной части французского населения. На главный вопрос «что такое третье сословие» он отвечает: «Все». Тем самым показывает, что духовенство и дворянство отделены от основной части населения и не несут какой-либо пользы для общества. Поскольку под нацией, Сийес подразумевает общество людей, живущих по одним законам, то привилегированные сословия, стоящие вне общего порядка, не могут считаться нацией. Генеральные штаты могли бы открыть возможности для улучшения положения третьего сословия, но при том условии, что оно будет представлено собственными депутатами, способными излагать его нужды и защищать его интересы.

Получив значительное влияние и поддержку в Генеральных штатах, представители третьего сословия образовали Национальное собрание, которое должно было выражать интересы всей нации. Результатом деятельности Национального собрания стала первая французская конституция 1791 г. [3, с. 112-113], по которой источником суверенитета и власти в стране является нация. Все граждане получали право участвовать лично или через своих представителей в формировании закона, что открывало доступ к государственной власти для третьего сословия, ввиду всеобщего равенства перед законом. Однако введение имущественного ценза, противоречившего конституции, значительно ограничило круг людей, обладавших избирательным.

Данная конституция послужила примером для многих европейских конституций, поскольку считалась образцом выражения народного суверенитета, но долго она не просуществовала, с

падением монархии, ее сменила республиканская конституция, более радикальная по своему содержанию.

Французская республика бросила вызов абсолютистской Европе, а сменившая республику Империя Наполеона продолжила оказывать на европейские народы то же влияние - ускоряла разложение старых, основанных на легитимизме социально-политических воззрений и институтов. Революционная и постреволюционная Франция оказала огромное воздействие на ускорение процесса формирования национальных государств. [4, с. 143].

После краха наполеоновской армии резко меняются национальные задачи, выдвигаемые патриотически настроенными французами. Теперь Франция, по их мнению, остается последним оплотом либерализма и демократии во всем мире. Стремление народов Европы к приобретению национальной государственности в XIX в. сопровождалось повсеместно требованиями проведения в своих странах либеральных преобразований. Поэтому обретение народами национальной государственности ассоциировалось с торжеством идей либерализма. [2, с. 13].

Французский политический деятель Ф. Гизо считал, что процесс складывания наций из множества войн и конфликтов является характерной чертой для всей Европы. Он отверг идею Сийеса о том, что нацией является исключительно третье сословие, поскольку несмотря на множество различий между сословия, существовал единый французский народ, объединенный общими чувствами. По его мнению, главным толчком для складывания нации являются многочисленные войны и конфликты, а данный процесс является характерной чертой для всей Европы. Занимая пост министра иностранных дел, во внешней политике он придерживался принципа невмешательства, опасаясь распространения революционного движения. В действительности Франция не раз отходила от данного принципа, ее главной задачей было не допустить объединения Германии. Создание сильного единого германского государства, по мнению французского правительства, не только бы уменьшило влияние Франции в Европе, но и создало серьезную угрозу ее позициям на Рейне, в Эльзасе и Лотарингии. Поэтому важно было поддерживать небольшие германские государства, которые бы могли противостоять Австрии и Пруссии.

Революция 1848 г. во Франции уничтожила июльскую монархию и восстановила республиканский строй [1, с. 88]. Появилась необходимость успокоить европейские державы, боявшиеся распространения революционных идей. С этой целью, министр временного правительства А. де Ламартин издает манифест, в котором излагает основные принципы политики Франции. В нем утверждалось, что новая французская республика основана в соответствии с «естественным и национальным правом», что она является воплощением «воли великого народа» и поэтому не нуждается в признании другими державами, тем не менее, «поскольку Французская республика желает войти в семью законных правительств как полноправное государство, а не как возмутителем европейского порядка», скорейшее ее признание другими правительствами было бы весьма желательно. [2, с. 30].

Важнейшей задачей для нового правительства стал пересмотр договоров 1815 г. Однако полный отказ от соблюдения данных обязательств непременно бы обострил отношения с европейскими государствами. Франция заявила о готовности поддерживать угнетенные народы Европы, следствием чего стал наплыв дипломатических делегаций, откликнувшихся на слова поддержки. В действительности чужие проблемы в меньшей степени заботили временное правительство. На многочисленных встречах Ламартина с представителями Польши, Ирландии, Бельгии и других стран, рассчитывавших на получение реальной помощи в освободительной войне, министр иностранных дел Франции отвечал отказом, объясняя это тем, что Франция может оказать поддержку лишь в том случае, если произойдет вмешательство в независимость страны.

Последующие недели скоротечного времени революции не внесли ясности в политику временного правительства по отношению угнетенным национальностям. С одной стороны, Ламартин, встречаясь с делегациями иностранных революционеров и эмигрантов, был как всегда красноречив и убедителен в отстаивании принципов этой политики. С другой стороны, он не желал, да и не мог подкрепить никакими обязательствами и гарантиями те обещания, которые щедро раздавал своим слушателям. [2, с. 34].

Избранный президентом республики Луи Наполеон Бонапарт принимал более решительные действия во внешней политике, в основе которой стал лежать «принцип национальности», то есть право на

самоопределение. Такая внешнеполитическая программа была лишь прикрытием для пересмотра договоров 1815 г. и установление новых европейских границ. Оказывая помощь в удовлетворении национальных требований итальянцев, немцев, поляков, Наполеон III в первую очередь стремился не допустить возникновения сильных государств, которые бы могли оспаривать первенство Франции в Европе.

В результате революций первой половине XIX в. во Франции широко распространились национальные идеи. Как одна из ведущих держав Европы Франция ставила перед собой цель оказывать поддержку в национально-освободительной борьбе всем угнетенным народом. Но в действительности кроме обещаний она не предпринимала никаких серьезных действий по осуществлению данной политики. Возникшие противоречия между освободительными принципами внешней политики, за которыми скрывались далеко идущие захватнические цели в конечном итоге не привели к желаемым результатам. Попытки помешать созданию единых европейских держав закончились развалом Второй империи.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шахметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Виноградов В. Н. Европейские революции 1848 года. Принцип национальности в политике и идеологии. [Текст] / В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2001. 454 с.
3. Документы истории Великой французской революции. В 2-х т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Адо. М.: Изд-во Моск. ун-та Москва, 1990. 528 с.
4. Классовый аспект национального самосознания: от аббата Сийеса до Иосифа Сталина / В. Ш. Сургуладзе; Российский институт стратегических исследований // Свободная Мысль. 2015. № 5 (1653). С. 139-150.
5. Фармонов Р. Развитие французской общественно-политической мысли в годы Второй республики (1848-1851). М., 1992. 311 с.
6. Фролова, И. В. Этническая и надэтническая идентичность через призму индивидуального и коллективного: философско-политологический анализ / И. В. Фролова // Этнос и формирование

гражданской нации: диалектика российской национальной политики: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 09 декабря 2014 года / Рекомендовано к изданию Научным советом БАГСУ. Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, 2014. С. 12-16.

ГРУППОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ VS НАЦИОНАЛИЗМ

УДК 94(4/7)

© **И.Ю. Алексеева**

студент БашГУ, г. Уфа

научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

I.Y. Alekseeva

student, BSU, Ufa

scientific supervisor - c. of h. s., associate professor F.F. Shayahmetov

АДМИНИСТРАЦИЯ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В АМЕРИКЕ

THE ADMINISTRATION OF DONALD TRUMP AND THE EVOLUTION OF THE CIVIL AND ETHNO-CULTURAL IDENTITY OF THE INDIAN DIASPORA IN AMERICA

Аннотация. В статье речь идет о процессе эволюции гражданской и этнокультурной идентичности представителей индийской диаспоры в США в период президентства Дональда Трампа. На основании анализа различных, прежде всего, политических и социально-культурных факторов, утверждается, что американцы индийского происхождения помнят о своем происхождении и этнокультурных корнях, однако проявляют политическую лояльность к своей новой родине.

Abstract. The article examines the process of evolution of the civil and ethno-cultural identity of representatives of the Indian diaspora in the United States during the presidency of Donald Trump. Based on the analysis of various, primarily political and socio-cultural factors, it is argued that Americans of Indian origin remember their origin and ethno-cultural roots, but show political loyalty to their new homeland.

Ключевые слова: Индия, США, диаспора, американизация, кастовая система, политика, мягкая сила, Никки Хейли, Бобби Джиндал.

Keywords: India, USA, diaspora, americanization, caste system, politics, soft power, Nikki Haley, Bobby Jindal.

Одной из активных этнокультурных диаспорных групп США, в последнее время энергично наращивающих свое влияние в американском обществе и в связи с данным вызывающих внимание у исследователей, является индийская община. Интенсивное продвижение ее представителей практически во все сферы жизни Америки подталкивает аналитиков к мысли, что американцам индийского происхождения удастся приобрести такое же влияние в общественной жизни США, как это удалось еврейской общине. А у элит и правительства Индии появились надежды на использование индийской диаспоры как инструмента «мягкой силы», с помощью которого «самая большая демократия в мире», какой является Индия, сможет оказывать влияние на внешнеполитическую стратегию США.

Будучи по всем характеристикам региональной державой, Индия использует собственные вероятные способности и выдающиеся качества – геостратегическое месторасположение в центре Южной Азии с выходом к крупному океану и вероятностью проведения собственной геополитики буквально по всем направлениям, присутствие природно-сырьевых ресурсов, проворно увеличивающуюся экономику, боевой потенциал, а еще способности культурно-цивилизационного воздействия – для увеличения собственного геополитического статуса и покорения статуса вселенской сверхдержавы. Одним из ключевых инструментов в достижении указанных амбициозных целей правительство Индии считает стратегию «мягкой силы», что означает внедрение индийской диаспоры в Америке [3].

Как показывает этнополитическая картина в современных США, американцы с индийскими корнями сегодня все заметнее увеличивают свое представительство во всех сферах жизни американского общества. Американцы индийской диаспоры в последние годы занимают весомое место в сферах науки и образования, в особенности в сфере IT-технологий, медицине, культуре и искусстве. Все больше американцев с индийскими корнями пополняют ряды высшей государственно-политической элиты США. Так, в 2016 г. в состав Сената США была избрана Камала Харрис, а в 2020 г. она в тандеме с Джо Байденом стала первой женщиной – вице-президентом, а также первой американской с индийскими корнями на вершине политического

олимпиа США. Однако политика – далеко не единственная сфера, в которой индийская диаспора приобрела значительное влияние за последние несколько десятилетий.

Исторически сложилось так, что в США американские индийцы заняты в медицине, науке и технике, инженерии и математике. Почти треть всех стартапов в Силиконовой долине принадлежит американцам индийского происхождения. Им принадлежат около 8% всех высокотехнологичных фирм, основанных в США. Показательным является то, что индийцы в США возглавляют крупнейшие IT-компании из списка Fortune-500 – Microsoft, Alphabet, Adobe, IBM и MasterCard и др. [5, с. 40].

Определяющим моментом успеха или неуспеха индийской диаспоры в USA считается уровень их интегрированности в американское общество и принятие американских ценностей и актуальных установок. Для заслуги успеха в политической сфере всякому американцу индийского происхождения приходится быть в большей степени американцем, чем индийцем, что вынуждает деятельных и вероятных политических деятелей отстраняться от собственной диаспоры.

Бобби Джиндал – один из заметных американских политиков-республиканцев, имеющий индийское происхождение. Он появился на свет в 1971 г. в семье индийских выходцев в г. Батон-Руж в штате Луизиана. Ещё в подростковом возрасте данное при рождении имя Пиюш (англ. Piyush Jindal) заменил на «Бобби», а вслед за тем принял католичество. Ещё в юном возрасте стал заниматься политикой, симпатизировал республиканцам, а вслед за тем вступил в ряды данной партии. В 2003 г. начал политическую деятельность, предприняв попытку баллотироваться на место губернатора Луизианы. В 2005-2008 гг. был депутатом Конгресса США от этого штата, а в 2008-2016 гг. – 2 срока – губернатором штата Луизиана. В 2016 г. стал членом команды республиканцев, претендовавших на пост президента США. На политические взгляды Джиндала, сделавшего конструктивную переоценку собственной национально-культурной идентичности, воздействовал состав избирателей Луизианы, где среди населения уверенно доминируют католики и избиратели с ультраправыми взглядами.

Никки (Нимрата Рандхава) Хейли так же была выращена в американских традициях, отрелась от своей родной конфессии,

сикхизма, в пользу христианства, но при этом никогда не смущалась своего индийского происхождения и сообщала, что не намеривается от него отречься. При этом Никки Хейли на посту Постоянного Представителя США при Совете Безопасности ООН ни разу не была замечена в проявлении особо благожелательной позиции по отношению к Индии. Она отвечает только перед правительством Соединенных Штатов, что делает невозможным какие-либо поправки по отношению к Индии [7, с. 95-130].

Это разъясняется «двойной лояльностью» индийской диаспоры, что значит одновременную преданность стране присутствия и собственной родине. Данное обстоятельство в условиях американского общества вынуждает индийцев беречь только собственную культурную идентичность, политическая же активность предопределена для тех американцев, которые готовы опираться на американские идеи, что и обосновывают образы Бобби Джиндала и Никки Хейли [2].

Калифорнийский департамент по равным вероятностям подал иск о трудящийся дискриминации к телекоммуникационному гиганту Cisco. Департамент давал интересы анонимного «индийского далита, принадлежащего к группе, знакомой раньше как неприкасаемые», – одной из более угнетаемых в многолетней кастовой системе Индии. Имя истца не именовалось, потому что в неприятном случае он имел возможность подвергнуться травле, выжить или же дискриминации, обусловленной его кастовой приспособленностью. Это первый судебный иск такого семейства. Истец винит двух индийских сослуживцев из высочайшей касты в дискриминации методом изоляции и препятствовании в продвижении по службе. И ни разу прежде индийские кастовые разборки не становились предметом разбирательства в южноамериканском суде.

Спустя время после подачи иска организация Equality Labs, базирующаяся в 2015 г. со штаб-квартирой в Сан-Франциско, стала агитировать иных далитов делиться собственными ситуациями. Представители организации позиционируют себя в качестве активистской компании современного типа, занимающейся исследовательскими работами, образовательной и культурно-политической работой, направленной на искоренение кастового апартеида, исламофобии и религиозной нетерпимости.

За луна с ними связались больше 250 далитов из основных технологических фирм Кремниевой равнины, которые поведали о запугивании, остракизме, домогательствах и иной дискриминации со стороны коллег-индийцев из высочайших каст.

Иск к Cisco оперирует довольно старыми цифрами (2003 года): 90% брахманов и всего 1,5% далитов. За последние годы количество далитов вправду значительно увеличилось, но не так. При этом больше пятидесяти процентов далитов боятся общественного остракизма, 40% их детей сталкивались с буллингом в школе (среди брахманов 3%), 70% подверглись дискриминации на работе [8].

Преобладание брахманов в науках, инженерных специальностях и в руководстве свертехнологичного раздела свойственно и для самой Индии. Но в простой коммерции доминируют торговцы вайшья. 50% индийских миллиардеров из перечня Forbes (и практически все топ-менеджеры) принадлежат к одной касте – банья. Их меньше 1% населения Индии, в ведущем это северо-западные штаты на границе с Пакистаном: Раджастан и приморский Гуджарат. А вот их доля в государственном доходе государства оценивается в 24 [9].

Американский свертехнологичный бизнес уже критически находится в зависимости от притока квалифицированной индийской рабочей силы. Отлично это или же дурно – отдельный вопрос. Но при всякой попытке администрации взять под контроль очень быстро возрастающий иммиграционный поток подымается недовольство. По статистике, на любую бизнес-визу, выданную индийскому стартапу, в Америке формируется до 40 пространств со средней заработной платой \$175 тыс. в год. Но ещё значимее визы для промышленности. В июне 2020 г. Трамп законсервировал H-1B – их выдают в пределах 200 тыс. в год, и 70% от их получают индийцы. Это при том, что с 2015 по 2019 г. количество отказов по свежим визам и без такого подросло с 6% до 32%, а отказов по продлению – с 3% до 18% [8].

Надо иметь в виду, что еще сто лет назад Бхимрао Рамджи Амбедкар прозорливо предупреждал: «Если индийцы разъедутся по миру, касты станут проблемой всего мира» [4].

Значительное влияние на формирование гражданско-политической идентичности американцев индийского происхождения оказывают не только факторы внутренней политики в США, но и основные тенденции геополитики современности. В период президентства Д. Трампа международная ситуация продолжала

ухудшаться из-за противостояния с Россией вокруг надуманной проблемы с вмешательством Москвы в выборы в США, событий на Украине, фактора Крыма и Донбасса, а также ситуации в Сирии и ряде стран ближнего Востока и в Афганистане [1, с. 141]. В этой ситуации индийцы в Америке были фактически поставлены перед необходимостью проявлять политическую лояльность своей новой родине, демонстрируя свою приверженность «американизму», его идеалам и ценностям.

В итоге все надежды правительства Индии в отношении своей диаспоры в США как действенного политического инструмента влияния на политику американских властей упираются в насущную необходимость «американизации» индийцев, проживающих в США. Представители индийской диаспоры помнят о своём происхождении и вправду продвигают положительный образ Индии в США, но не готовы на использование своего положения для формирования внешнеполитической стратегии Вашингтона в выгодном для своей исторической роли ключе. Сколько бы не гласили о том, что «плавильный котёл» давным-давно перевоплотился в «салатницу», адептам даже такой древней цивилизации, как Индия, приходится отрешиваться от предыдущих форм идентичности ради более успешной интеграции в американское социально-политическое пространство.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / под. ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Выдвижение Камалы Харрис – признание заслуг индийской диаспоры в США // ИА «Красная весна» [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/9fff77cb> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Индийская диаспора как инструмент мягкой силы Индии и ее влияние на политику США [Электронный ресурс]. URL: <https://internationalstudies.ru/indijskaya-diaspora-kak-instrument-myagkoj-sily-indii-i-ee-vliyanie-na-politiku-ssha/> (дата обращения: 20.03.2020).
4. Почему индийские «неприкасаемые» подвергаются дискриминации в Кремниевой долине [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/abroad/pochemu-indijskie-neprikasaemye-podvergayutsya-diskriminacii-v-kremnievoj-doline-401048/> (дата обращения: 20.03.2020).

5. Привалова А.Ю. Роль индийской диаспоры в американо-индийских отношениях // Управленческое консультирование. 2016. №2 (86). С. 39-44.
6. India's engineers have thrived in Silicon Valley. So has its caste system. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inquirer.com/business/indian-caste-system-silicon-valley-microsoft-apple-oracle-facebook-20201029.html> (дата обращения: 20.03.2020).
7. Sahay A. Indian Diaspora in the United States: brain drain or gain? Plymouth: Lexington Books, 2009. 262 p.
8. Sharma A., Indian Lobbying and its Influence in US Decision-Making: Post-Cold War. New Delhi: SAGE Publications India Pvt Ltd, 2017. 332 p
9. Silicon Valley Has a Caste Discrimination Problem [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vice.com/en/article/3azjp5/silicon-valley-has-a-caste-discrimination-problem> (дата обращения: 20.03.2020).

УДК 94(5)''1917/...''

© **Р.Х. Гаскаров**

магистрант БашГУ, г.Уфа

научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

R.H. Gaskarov

master student, Bashkir State University, Ufa

scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shayakhmetov

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЯПОНИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

NATIONAL IDENTITY OF JAPAN IN THE POST-WAR PERIOD

Аннотация. В данной статье рассматриваются процессы успешной реновации национальной идентичности Японии после Второй мировой войны, несмотря на поражение и безоговорочную капитуляцию сумевшей сохранить свою государственную независимость и национальную культуру. Утверждается, что после войны в Японии была выстроена современная система политической власти и определены приоритеты национального развития, позволившие стране

в 1950-1960-е гг. совершить «экономическое чудо» и стать одной из ведущих экономик мира.

Annotation. This article examines the processes of the successful renovation of the national identity of Japan after the Second World War, despite the defeat and unconditional surrender of which managed to preserve its state independence and national culture. It is shown that after the war in Japan, a modern system of political power was built and priorities for national development were determined, which allowed the country in the 1950-1960s to perform an «economic miracle» and become one of the leading economies in the world.

Ключевые слова: Япония, США, американская оккупация, государство, национальная идентичность, послевоенный период, трансформация, японская нация.

Keywords: Japan, USA, American occupation, state, national identity, post-war period, transformation, Japanese nation.

Понятие «идентичность», введенное Э.Эриксоном в рамках созданной им психоаналитической теории идентичности, на сегодняшний день широко используется представителями других социально-гуманитарных наук. Социологи рассуждают о групповой или социальной идентичности, психологи – индивидуальной или личностной, этнологи – этнической или национальной и т.п. [6; 12Ъ. Трансформация послевоенной национальной идентичности была тесно связана с осмыслением в Японии итогов Второй мировой войны, в которой страна потерпела сокрушительное поражение, и над которой было установлено внешнее управление в форме американского оккупационного режима. Несмотря на мощное давление американцев, японцы сумели сохранить многие базисные элементы собственной цивилизации: институт императорской власти, правда, десакрализованной – лишенной реальной власти и превращенной в только символ японской государственности, религию синтоизм, коллективную память и другие атрибуты национальной культуры.

Несмотря на охватившие социально-психологический упадок, общенациональный стресс и депрессию, японское общество после войны сумело сделать фактическую «реновацию» национальной идентичности – восстановление государства, принятие конституции 1947 г., и, пройдя через проведение масштабной кампании демилитаризации, демонополизации и демократизации, воссоздать

национальную государственность и заложить основы для быстрого восстановления экономики и общего развития страны.

Огромную роль в послевоенной трансформации Японии, помимо активной политики США в этом процессе, сыграло собственное национальное государство, став одним из главных организаторов и идеологов его восстановления на том сложном этапе развития. Как утверждают М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе в своей совместной статье, «роль государства как центрального элемента националистической идеологии в Японии особенно значима. Японцы убеждены, что именно государство защищает нацию и национальную культуру. Государство в Японии оказалось способным даже в наиболее неблагоприятных для этого исторических условиях послевоенной американской оккупации (1945-1951 гг.) сохранить культурную идентичность нации, ее коллективную память и отечество, этническое прошлое и национальное единство» [3, с. 209].

Государство способствовало формированию на уровне массового сознания сложной этико-философской конструкции, с одной стороны, состоявшей из отрицательного отношения к периоду милитаризма, с другой стороны, – совмещавшегося с психологическим комплексом виктимности, т.е. чувством своей жертвенности [2, с. 168].

Комплекс жертвенности устойчиво воспроизводился в послевоенных поколениях японцев благодаря трудам консервативных авторов, а также деятельности органов власти, направлявших усилия на «патриотическое воспитание» населения. В японском обществе выработалось социальное суждение о том, что история страны преподносится «в безобразном свете» под влиянием некоторых политиков и ученых, что не соответствует исторической действительности [4, с. 108]. Патриотически настроенные японские ученые и политики объясняли экспансию Японии в странах Азии в 1930-е годы тем, что они сражались, якобы, за правое дело – освобождение азиатских стран и народов от западных колонизаторов. Таким образом, националистические круги Японии в попытках оправдать экспансионистскую политику Токио накануне и во время Второй мировой войны фактически повторяли идеологические догмы японского милитаризма того периода, направленные на политико-идеологическое обоснование японской экспансии в странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

«Рейнкарнация» японской национальной идентичности в послевоенный период подпитывалась доводами о том, что во время Второй мировой войны Япония сама понесла колоссальные жертвы, а ее население было подвергнуто невыразимым страданиям. Для таких утверждений действительно есть веские основания – во время войны Япония из 74 млн. населения потеряла примерно 3 млн. человек, из которых примерно 800 тыс. принадлежали к гражданскому населению. Только в результате атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. погибло несколько сотен тысяч мирных жителей. Также японцы хорошо помнят ковровые бомбардировки Японии американцами весной-летом 1945 г. В результате бомбовых ударов по Токио 10 марта 1945 г. погибло около 100 тыс. жителей [2, с. 168-172].

Особое внимание уделялось несправедливому отношению к Японии со стороны стран антигитлеровской коалиции, включая изначально необъективные постановления Токийского трибунала, ставшего, якобы, «судом победителей». Широкое распространение получила версия о том, что осужденные и казненные по решению трибунала военные преступники уже «искупили грехи» нации [5, с. 1].

Особую роль в послевоенной трансформации национального менталитета сыграла японская элита, сумевшая избежать масштабных политических чисток, которые были сравнительно умеренными по сравнению с Германией. Под контролем США Япония подверглась самой радикальной модернизации со времен реставрации Мэйдзи: демилитаризации (отказу от курса и идеологии милитаризма), демократизации (принятию конституции 1947 г. и восстановлению системы парламентской демократии), демонополизации (ропуску дзайбацу и созданию более мелких компаний). Американцы провели относительно умеренную демилитаризацию государственного аппарата, существенно отличавшуюся по масштабам и глубине от германской модели, что было связано с нараставшей угрозой распространения коммунизма в Восточной и Юго-Восточной Азии после победы коммунистической революции во Вьетнаме и Китае, создания КНДР и начала Корейской войны [1, с. 173].

Американская администрация фактически пошла на компромисс с японской политической элитой, после перехода к «обратному курсу» целиком или частично освободив основную ее часть от ответственности за разную степень коллаборации с милитаристским режимом. Достаточно терпимыми к Японии были и условия Сан-

Францисского мирного договора, по которым страна почти целиком была освобождена от выплаты репараций.

Относительно быстрой трансформации национальной идентичности японцев способствовало также и то, что в большинстве стран Восточной и Юго-Восточной Азии, ставших жертвами японской агрессии, в условиях нарастания противостояния между СССР и США в начальной части «холодной войны» доминировали убеждения о политической нерациональности привлечения лишнего интереса к преступлениям японского милитаризма. Само японское государство стремилось как можно быстрее наладить отношения со странами региона, чему изрядно способствовало подписание Сан-Францисского договора, де-юре завершившего состояние войны Японии со своими бывшими странами-жертвами.

Серьезным негативным фактором в формировании послевоенной японской национальной идентичности стали непростые, если не сказать, недружественные отношения с ближайшими соседями – Китаем и двумя корейскими государствами (Южной Кореей и КНДР), – вызванные памятью в этих странах о китайско-японской войне 1937-1945 гг. и колониальном режиме в Корее в период 1910-1945 гг.

Дипломатические отношения с Южной Кореей были установлены лишь в 1965 г., причем, возможно, мощным позитивным сигналом для Сеула стало намерение Японии оказать Сеулу «финансовую помощь» на 500 млн. долл., которую корейцы рассматривали скорее, как помощь, а не репарации. Корейские политики, историки и просто обычные граждане должны были забыть преступления японской военщины в Корее, женщины были вынуждены скрывать из-за стыда и позора свои страдания в «станциях утешения», устраиваемых для солдат японской армии в годы войны. Все это делалось для нормализации экономических отношений с Японией, в которой в это время шел бурный экономический рост, и которая из стремления еще более ускорить его темпы стремилась к развитию любых отношений со своими ближайшими соседями в регионе.

В 1972 г. состоялись переговоры Японии с КНР, завершившиеся установлением дипломатических отношений 29 сентября 1972 г., а 12 августа 1978 г. в Пекине был подписан Договор о мире и дружбе между двумя странами. Нормализация отношений между двумя странами, в течение более века находившихся в состоянии перманентного конфликта и противостояния, способствовало

снижению напряженности в регионе Восточной Азии и укреплению национальных суверенитетов обеих стран.

Благоприятным фактором в становлении японской идентичности в послевоенный период стал вполне либеральный подход вначале американской оккупационной администрации, а затем и правительства США на «исторические грехи» Японии. Частично это было связано с тем, что фокус официальной американской историографии был направлен на Тихоокеанской войне – на операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана. А военные действия Японии в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по существу, оказывались на периферии внимания исследователей. В представлении американцев особое место в «вине» Японии в Тихоокеанской войне занимала атака на Пёрл-Харбор, перетягивая действия японского милитаризма на континенте. Американцы также обращали внимание на нарушения японцами норм международного права по отношению к военнопленным американцам и их союзникам [4, с. 233].

Кроме этого, в период оккупации американская администрация помогала японскому обществу преодолеть чувства страха перед победителями, демонстрируя корректное отношение к населению и политическим лидерам. Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, способствовало разграничить «красную линию» между милитаризмом и страдавшим от его политики населением. Разведение по разные стороны баррикад милитаристского государства и японской нации логически подвело к выводу о том, что основная часть японцев не может нести ответственность за преступления своих лидеров.

Особое место в послевоенной трансформации японского национализма занимали отношения с Советским Союзом. Японцы были психологически травмированы не только выходом Москвы из Пакта о нейтралитете 1941 г. и участием СССР в завершающей части войны с Японией, но в первую очередь потерей Курильских островов. Япония была убеждена, что яптинские соглашения, определившие судьбу Курил, были заключены за ее спиной, а потому именно она оказывается пострадавшей стороной в территориальном споре с Москвой.

После завершения оккупационного периода среди японцев стали расти пацифистские и антиамериканские настроения, вызванные не только ролью США в разгроме Японии, но и активными ядерными испытаниями американских военных в акватории Тихого океана. После

начала стремительного экономического роста в середине 1950-х годов Япония стала все энергичнее демонстрировать себя как государство не только регионального, но и глобального уровня. Проявлениями этого вектора японской политики стали призывы «подвести результаты» послевоенной политики, изменить конституцию, навязанную Японии американской администрацией, восстановить полноценную армию и стать «нормальным государством». Японцы стали выделять свою «особость», проявляющуюся в специфике менталитета, стиля жизни, традиций, культуры, языка, пищевой диеты и иных аспектов национального колорита, которые представлялись уникальными, но отнюдь не имеющими превосходство над другими нациями [5, с. 3].

Таким образом, после Второй мировой войны в национальной идентичности японцев произошли кардинальные трансформации. Поражение во Второй мировой войне и подписание Акта о безоговорочной капитуляции, установление американского оккупационного режима, масштабные реформы, включая переформатирование государства, принятие конституции 1947 г., десакрализацию императорской власти, внедрение западной модели экономики, западных ценностей, прежде всего, индивидуализма, рационализма, потребительства, и стали мощными основаниями для формирования национальной идентичности японцев в послевоенный период. Несмотря на абсолютно новые условия развития Японии после войны, как японская нация, так и обновленное государство проявили исключительную волю к самосохранению, способность к еще одной модернизации, формированию новой модели национальной идентичности. Новая японская национальная идентичность теперь уже была основана на синтезе уникальных национальной культуры и традициях и ценностей западной, прежде всего, американской цивилизации, глубокая интеграция которых позволила Японии начать стремительное восхождение в ранг одного из центров мировой экономики и центров силы глобального миропорядка.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / под. ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. История Японии: Учебник для студентов вузов / Под ред. Д.В. Стрельцова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 592 с.

3. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Япония: идеология государственного национализма // История и современность. 2010. Вып. № 2 (12). С. 185-215.
4. Стрельцов В.Д. «Система 1955 года»: внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны / Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; Ин-т востоковедения РАН. Москва: Институт восточной литературы, 2019. 239 с.
5. Стрельцов Д.В. Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945-1991 гг.) // Ежегодник Японии. 2016. Т. 45. С. 333-348.
6. Фролова, И. В. Этническая и надэтническая идентичность через призму индивидуального и коллективного: философско-политологический анализ / И. В. Фролова // Этносы и формирование гражданской нации: диалектика российской национальной политики: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 09 декабря 2014 года / Рекомендовано к изданию Научным советом БАГСУ. Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, 2014. – С. 12-16.

УДК 39(4/9)

© **А.Н. Даминова**

студентка БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., старший преподаватель Ю. С. Усова

A.N. Daminova

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor - c. of h. s., senior lecturer Y. S. Usova

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВАЛИЙСКОГО НАРОДА В СОСТАВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ETHNIC IDENTIFICATION OF THE WELSH PEOPLE IN THE UK

Аннотация. В связи с процессом глобализации современного общества происходит процесс по увеличению национальных и

этнических движений малых народов мира. В статье раскрывается процесс становления этнической идентификации валлийского народа в составе Соединенного Королевства. Языковые, культурные и политические составляющие – факторы, которые помогают понять процессы национализма в Уэльсе в последние 100 лет.

Abstract. In connection with the process of globalization of modern society, there is a process of increasing national and ethnic movements of small peoples of the world. The article reveals the process of formation of the ethnic identification of the Welsh people as part of the United Kingdom. Linguistic, cultural and political components are factors that help to understand the processes of nationalism in Wales in the last 100 years.

Ключевые слова: Уэльс, валлийская идентичность, национализм, культура, язык.

Keywords: Wales, Welsh identity, nationalism, culture, language.

На протяжении всего XX в. проходили процессы интеркультуризации и глобализации мирового сообщества. В результате этих процессов происходит трансформация национальной и этнической идентичности внутри множества государств мира. Эти процессы вызвали особый интерес исследователей к изучению различных аспектов культур многонациональных и полиэтнических государств. В частности, при анализе процессов возрождения этнической идентичности малых народов Британских островов в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее - Великобритания) акцент исследователями делается на анализ аспектов национальной и этнической идентичности ирландцев, шотландцев и валлийцев [2].

Эти процессы затронули не только культурную составляющую взаимодействия Англии и национальных окраин, но и политическую – был запущен процесс деволуции, а также начали раздаваться призывы к проведению референдума о независимости Уэльса. Именно эти сложные политические процессы выявляют особую актуальность представленного исследования.

В связи с мировыми трендами глобализации и регионализации с начала XX в. происходит зарождение и развитие валлийского этнического национализма [2]. Разворачивается этот процесс из-за продолжительного, многовекового притеснения со стороны английской культуры и языка. Проявление данной сферы региональной

политики Великобритании подразумевает борьбу за сохранение и возрождение традиций, а в особенности, отличного от английского, языка коренных жителей региона Уэльса.

Одними из наиболее ярких представителей сторонников формирования и развития валлийского национализма является партия «Plaid Cymru» основанная в 1925 г. Значительный интерес со стороны исследователей вызывает вопрос о том, как, вопреки потере независимости своих территорий, Уэльс смог сохранить свою культуру и не дать внешним факторам себя поработить.

В середине XIX в. начинается интерес среди населения к кельтской культуре и последующий стимул к изучению валлийской истории. Данный фактор способствовал развитию национального движения валлийцев. Различные писатели и деятели истории и культуры смогли переосмыслить исторические источники, помимо этого раскрыть системы влияния кельтского элемента в жизнь британского народа. Благодаря проделанной работе и активной пропаганде со стороны исследователей это смогло значительно структурировать мышления нации и способствовать самоидентификации. В период XIX в. происходит возрождение валлийских праздников: музыкальный праздник – Eisteddfod, собрание друидов – Gorsedd и др. В 1856 г. происходит первое исполнение будущего гимна Уэльса – «Земля моих отцов». Известный британский историк упоминает в своей работе, что проведенная академическая деятельность была первым этапом валлийского национализма [5, с. 404].

На фоне развития национализма начинают разворачивать свою деятельность многочисленные патриотические организации, знаменитым считается «Cymru Fydd» (с вал. Молодой Уэльс, прим. авт.), на одном уровне с ним также находится «Общество Святого Давида».

Идеей «Молодого Уэльса» понятия о национальности являлось обращение к исконной валлийской культуре, литературе и пр.. В последующем появилось требование о создании самостоятельного органа управления: «Законодательное собрание, которое было бы символом нашего национального единства, – это средство достижение наших социальных идеалов и наших национальных интересов...» [5].

В 1998 г. была создана Национальная Ассамблея, которая не является суверенным органом власти и парламент Великобритании вправе его распустить. Однако это является одним из факторов

признания валлийского народа со стороны центральных органов государственного управления и подтверждения национального единства и государственности народа региона.

Одним из главных маркеров идентичности валлийского народа является язык. На протяжении долгого времени среди английского населения проводилась дискриминационная политика по отношению к валлийскому языку, поскольку он являлся периферийным. Вопреки реформированию английского правительства языковой области в образовании, валлийский народ смог сохранить свою особенность благодаря храмам и часовням как социокультурным центрам, а также пространствами, где смог сохраниться валлийский язык. Субъектами политизации языка выступали писатели, ученые и священнослужители.

Этническая мобилизация в Уэльсе приходится на период 60-х гг. уже XX в. В указанную эпоху начинается «мода» на валлийский язык. Увеличивается количество школ, в которых преподавались уроки на родном для региона языке или преподавался он на одном уровне с другими предметами [4].

Данная тенденция характерна для Уэльса и в современном обществе. В 1993 г. был принят закон, согласно которому валлийский язык в пределах региона получает равнозначный статус английскому. Благодаря переписи 2001 г. можно отметить, что увеличивается количество людей, владеющих валлийским языком. Нельзя не отметить, что люди говорящие по-валлийски чаще идентифицируют себя валлийцами, нежели те жители региона, которые не говорят на этом языке.

На сегодняшний день валлийская национальная принадлежность чаще встречается у молодых людей нежели у старшего поколения. Данный факт связывается с тем, что родители, не знающие язык отдают предпочтение школам, в которых преподают на валлийском. Существуют различные мотивы родителей указанному явлению.

Помимо внедрения языка в школы в вышеуказанный период после речи Сондера Льюиса «*Tyngedyg Laith*» – (с вал. Судьба языка) создается Товарищество валлийского языка. Они в свою очередь проводят ряд акций, с помощью которых добивались дублирования дорожных указателей в регионе на валлийском языке [3]. Помимо указанного, товарищество выступали за распространения и использования языка в СМИ, судах и органах самоуправления. Активная пропаганда способствовала официальному признанию валлийского языка в региональном пространстве. Эти действия облегчило укрепление валлийской общественности в составе Великобритании.

Во второй половине XX в. Уэльс добивается того, что в 1982 г. создается первый валлийский телеканал [8]. В связи с подъемом национальной самоидентификации населения на сегодняшний день и для поддержания языковой среды в регионе на валлийском языке также публикуются различные СМИ (пресса, ТВ, радио), вдобавок различные интернет-сайты. Вышеуказанные факторы подтверждают идею того, что с помощью языка поддерживается национальное и этническое самосознание.

Главным результатом можно считать принятие закона британским парламентом в 1993 г. о валлийском языке. Благодаря ему на данный сегодняшний день валлийский встал на один уровень с английским. Каждая сфера деятельности валлийца непосредственно сопровождается его родным языком, начиная от кассовых чеков и заканчивая государственными органами, которые выдают ответы на запросы на валлийском языке [7]. Отмечается, что Уэльс провел более масштабную и результативную политику в области языка в отличие от других региона Соединенного Королевства.

На период 2014 г. по переписи населения ок. 1,8 млн. человек в Уэльсе идентифицировали себя как валлийцы (58% населения) и 21800 человек как представители валлийской и британской нации (7%). Перепись позволяет рассмотреть вопрос о национальной самоидентичности во взаимосвязи с другими аспектами [6].

С момента передачи власти правительству Уэльса оно стремилось поддержать общую национальную идентичность своего народа [1]. Однако не стоит забывать, что она сложна и более многогранна, чем принято полагать в политических дебатах.

Литература:

1. Борисова Н. В. Борьба за язык и институционализация языковой преференциальной политики в Уэльсе // Пермский Государственный Университет – Современная Европа. – 2019. – № 2. С. 84-89.
2. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / Н. А. Бессилин, Р. Ф. Гарипов, Е. А. Круглов [и др.]; Башкирский государственный университет; ответственный редактор Ф. Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
3. Нечаева А. А. Национализм в Уэльсе в конце XIX- начале XX веков как фактор сохранения валлийской идентичности // Вестник Удмуртского Университета. Т. 29, вып. 1. 2019.

4. Федорова Д. Н. Проблема национальной идентичности в идеологии Британской национальной партии / Д. Н. Федорова // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 161-171/
5. Davies J. *History of Wales*. London – Penguin Books, 1993. 736 p.
6. *Home rule for Wales: What does it mean?* London, 1890. 8 p.
7. Jones D., Martin-Jones M. *Bilingual Education and Language Revitalization in Wales: Past Achievements and Current Issues* // Tollefson J., Tsui A. *Medium of Instruction Policies: Which Agenda? Whose agenda?* London - Taylor & Francis e-Library, 2008. 356 p.
8. *Who identifies as Welsh? National identities and ethnicity in Wales*. Manchester, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/code/briefings/dynamicsofdiversity/code-census-briefing-national-identity-wales.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).

УДК 94(4)

© С.С. Комаров

студент РГПУ им. А.И. Герцена, СПб

Научный руководитель - к. и. н., доцент В. А. Райкова

S.S. Komarov

student, Herzen University, St. Petersburg

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor V. A. Raikova

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СЛОВАЦКОГО НАРОДА

THE FEATURES OF HISTORIC SELF-AWARENESS OF SLOVAK NATION

Аннотация. в настоящей статье рассматриваются ключевые особенности исторического сознания словаков. Представлена история формирования словацкой историографии, оценки современным словацким обществом событий национальной истории.

Abstract. on this article had been treated the features of historic self-awareness of Slovaks. Also had been considered the history of forming Slovakian historiography and estimations on modern Slovak society of national history events.

Ключевые слова: Словакия, историческое сознание, словацкая историография, чехословакизм, бархатная революция.

Keywords: Slovakia, historic self-awareness, Slovakian historiography, Czechoslovakism, Gentle Revolution.

Историческое самосознание народа является одним из важных элементов национальной идентичности. Его можно сравнить со своеобразной системой координат, определяющей основы самоидентификации этноса в окружающем мире. Но что делать, если сама «генеральная линия» исторического развития народа не определена, если сам подход к определению национальной истории до конца не выработан? Эта проблема существует, например, в современной Словакии, привлекая внимание историков, политологов и этнологов.

Неопределённость национальной исторической концепции Словакии объясняется тем фактом, что собственное независимое государство возникло здесь всего тридцать лет назад. На протяжении длительного времени словацкий народ развивался в рамках многонациональных государств – Венгерского королевства, Австрийской империи, Австро-Венгерской империи, Чехословакии. Это обстоятельство полностью исключает возможность проследить национальную историю в рамках собственной государственности, как у большинства других европейских народов. При этом в современной Словакии отчётливо угадывается стремление государства к «демадьяризации» и «дебогемизации» национальной истории, к «вычленению» истории Словакии из прошлого других стран. Такая государственная политика вполне закономерна: руководство страны стремится сформировать национально-идеологический фундамент государства, воздействуя для этого на историческое самосознание народа. С другой стороны, подобная политика неизбежно приводит к различным историческим спекуляциям, особенно в отношении древней истории и событий недавнего прошлого.

К наиболее оригинальным кульбитам процесса формирования исторического самосознания словаков можно отнести «миф о Великой Моравии». Несмотря на почти тысячелетний промежуток, отделяющий

Словацкую республику от Великой Моравии (833 – 907 гг.), между ними на уровне Конституции провозглашается историческая преемственность. Подобным образом была закреплена и связь молодого государства с «духовным наследием Кирилла и Мефодия» [4, с. 1]. Пригласивший Солунских братьев моравский князь Святополк также был объявлен национальным героем – в 2010 г. в центре Братиславы ему был установлен памятник. Вокруг этого монумента развернулась широкая дискуссия, была даже предпринята попытка демонтировать статую, однако в конечном счёте Святополк так и остался стоять на площади. Впрочем, большого отклика со стороны населения политика отождествления Словакии с Великой Моравией не нашла – так, например, в конкурсе «Великий словак», проводившемся в 2019 г., князь Святополк занял 64-е место [1, с. 14 - 16].

К периоду нахождения страны в составе Венгрии (907 – 1918 гг.) у словаков отношение двоякое. С одной стороны, чётко прослеживается антивенгерский настрой, проводится идея векового сопротивления словацкого народа завоевателям. С другой стороны, существует и концепция истории Словакии как специфической территории в составе Венгрии, пребывание в составе которой и определило национальный облик словаков. Ярким примером здесь может служить концепция основоположника словацкого историописания Вячизослава Сасинка (1830 – 1914). Сасинек считал Словакию удельным княжеством в составе Венгерского королевства. Большое внимание он уделял периоду феодальной раздробленности в XIII – XIV вв., во время которой на территории Словакии существовало несколько магнатских «держав». Отдельного упоминания здесь заслуживает Матуш Чак (1260 – 1321 гг.) – венгерский феодал, контролировавший большую часть Словакии и проводивший достаточно независимую политику. Вячизослав Сасинек видел в Матуше Чаке именно правителя Словакии, акцентировал внимание на его якобы словацком происхождении и вообще воспринимал как национального героя словаков. Крестьянское восстание братриков в XV в. Сасинек также рассматривал как попытку обретения Словакией независимости [2, с. 374 - 375].

Большой популярностью также пользуются деятели словацкого национального возрождения XIX в. Среди них особенно выделяется поэт Людовит Велислав Штур (1815 - 1856). В честь Людовита Штура названы несколько улиц в разных городах Словакии, а его дом в Модре

внесён в список памятников национального достояние. Орден Людовита Штура является одной из наиболее значимых государственных наград Словакии [1, с. 11].

Большое значение для исторического самосознания словаков имеет чехословацкий период истории страны. Объясняется это не только тем, что со времени распада Чехословакии прошло всего тридцать лет, но и важностью этого временного промежутка для развития национальной историографии. Перед возникшей в 1918 г. Чехословакией остро стояла проблема формирования гражданской идентичности, страна нуждалась в идеологическом оформлении единства. Главным идеологом т.н. «чехословакизма» стал первый президент республики Томаш Масарик. Было бы неправильным считать его основателем чехословакизма – корни этой идеологии уходят в середину XIX в., во времена национального подъема чехов и словаков, однако именно Масарик предал ей законченный вид. Согласно концепции Масарика, чехи и словаки были «племенами» внутри единой чехословацкой нации. Существовала также и иная интерпретация чехословакизма, согласно которой словаки являлись лишь субэтносом чехов [5, с. 5]. Возникновение такой трактовки вполне закономерно: словаки численно значительно уступали чехам, а сама Словакия в экономическом отношении являлась отсталым регионом [3, с. 116]. Идеология чехословакизма вызывала сопротивление со стороны части словацкой интеллигенции. Наиболее активными противниками чехословакизма были представители Глинковой словацкой народной партии – клерикально-националистической организации, впоследствии возглавившей марионеточную Первую Словацкую республику. Однако, на протяжении 1918 - 1938 гг. идеология чехословакизма оставалась доминирующей в республике. Она нашла отражение и в конституции страны [6, с. 22], в преамбуле которой говорилось о единстве чехословацкой нации, а официальным языком государства был назван чехословацкий [6, с. 50]. Были также попытки сформировать концепцию единой истории страны, однако, все они обернулись закономерной неудачей – слишком уж разными были исторические пути чехов и словаков, особенно применительно к средневековой истории. На уровне школьных учебников наблюдался значительный перекося в сторону истории Чехии, что объясняется разработанностью чешской историографии, восходящей к Франтишеку Палацкому [5, с. 6

- 8]. Попытки искусственно создать единую «историю Чехословакии» подвергались критике и со стороны вполне лояльных республике историков. Например, словацкий академик Даниэль Рапант неоднократно критиковал сопряжение чешской и словацкой истории как антиисторичную спекуляцию, вместо этого предлагая рассматривать истории двух народов по отдельности, в строго национальном ключе [2, с. 376 - 377].

После Второй мировой войны идеология чехословакизма претерпела ряд трансформаций. В Чехословацкой Социалистической Республике отчетливо начала прослеживаться тенденция к преобразованию государства в федерацию двух равноправных республик, а в Конституции 1968 г. уже официально был закреплён дуализм на политическом уровне. Даже в преамбуле «чехословацкая нация» была заменена «чешским и словацким народами» [7].

Что касается современного восприятия Чехословакии, то на государственном уровне к ней отношение строго негативное. Даже в Конституции Словакии отсутствуют вообще какие-либо ссылки на преемственность с Чехословакией. Большое внимание в официальной риторике уделяется случаям дискриминации по национальному признаку, чехословакизм представляется как идеология ассимиляции словаков, а Бархатная революция 1989 г. преподносится как естественный результат вековой борьбы за обретение национального государства. Также подчёркивается большая религиозность словаков в противовес атеистам-чехам, религиозные праздники отмечаются на государственном уровне. Другая группа государственных праздников направлена на формирование установок на евроинтеграцию: День борьбы за права человека (25 марта), День борьбы за свободу и демократию (17 ноября). Несколько особняком стоит День словацкого национального восстания (29 августа) – праздник, носящий ярко выраженный антифашистский характер, что вызывает недовольство националистов, с симпатией относящихся к опыту Первой Словацкой республики. Проявлением антисоветских настроений словацкого руководства стало создание в 2002 г. «Института памяти нации», основной деятельностью которого является исследование и просвещение в области репрессий Третьего рейха и СССР. Впрочем, нельзя сказать, что негативное отношение к советскому опыту экстраполируется в целом на левую идеологию – большим влиянием в стране обладает левоцентристская «Курс – социальная партия»,

благодаря которой нападки на коммунистическое наследие несколько снизились. Так, с 2007 г. не было принято ни одного закона, в том или ином виде осуждающего коммунистическую идеологию. Кроме того, в Словакии не была проведена сколь-нибудь значительная «декоммунизация» [1, с. 7 - 10].

Таким образом, можно выделить три ключевых особенности исторического сознания словаков. Во-первых, сохраняется неопределённость в отношении концепции средневековой истории. С одной стороны, отчётливо прослеживается стремление «удревнить» национальную историю и «очистить» её от инородного элемента, с другой стороны, большой поддержки такие спекуляции не находят ни в обществе, ни в научной среде. Более того, порой именно в истории Венгрии ищутся персонажи для «национального пантеона героев», как, например, Матуш Чак. Во-вторых, чехословацкий опыт оценивается преимущественно в негативном ключе. Здесь прослеживается как тенденция к «дебогемизации» национальной истории, так и антикоммунистические настроения. Бархатная революция 1989 г. оценивается обществом однозначно в положительном ключе как закономерный итог существования искусственного чехословацкого государства. В-третьих, довольно неоднозначно оценивается опыт Первой Словацкой республики. На официальном уровне фашизм порицается, а борцы с ним превозносятся, но существует и некоторое количество поклонников Йозефа Тисо и его режима. В целом историческое самосознание словаков во многом определяется религиозным консерватизмом и умеренными националистическими настроениями. При этом государственная политика в отношении исторического наследия носит довольно мягкий характер, оставляя пространство для дискуссии в обществе и научной среде, проповедуя относительно умеренные взгляды. Всё это в совокупности определяет уникальный облик национальной идентичности словацкого народа.

Литература:

1. Ведерников М.В. Формирование национальной идентичности в современной Словакии // Вестник МГИМО. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-natsionalnoy-identichnosti-v-sovremennoy-slovakii> (дата обращения: 14.03.2022).
2. История Словакии / Науч. ред. Ю. В. Богданов. М.: «Евролинц», 2003. 437 с.

3. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. В 2 т. / Отв. ред. В. В. Марьина. Т. 1. М.: Наука, 2005. 453 с.
4. Конституция Словакии (Словацкой республики) // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/slovakia.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).
5. Czechoslovakism in Slovak history // Slovakia in history. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 247-268.
6. The constitution of the Czechoslovak republic // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.b004a350-622f317a-818115cf-74722d776562/https/archive.org/details/cu31924014118222 (дата обращения: 14.03.2022).
7. Ústavní zákon ze dne 27. října 1968 o československé federaci // Parlament česke Republiky. URL: https://www.psp.cz/docs/texts/constitution_1968.html (дата обращения: 14.03.2022).

УДК 94(4)+39

© М.П. Милошевич

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., старший преподаватель Ю. С. Усова

M.P. Miloshevich

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., senior lecturer Y. S. Usova

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ СЕРБСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ 1389 Г. ДО НАШИХ ДНЕЙ

THE PROBLEM OF THE FORMATION AND EVOLUTION OF THE SERBIAN NATIONAL IDENTITY: FROM 1389 TO THE PRESENT DAY

Аннотация. На территории Балканского полуострова всегда происходили фундаментальные события для человеческой истории, которые наложили серьёзный отпечаток на формирование

национальной идентичности славянских народов. В публикации проводится анализ процесса становления и эволюции сербской национальной идентичности.

Abstract. Fundamental events in human history have always taken place on the territory of the Balkan Peninsula, which have left a serious imprint on the formation of the national identity of the Slavic peoples. The publication provides a detailed analysis of the formation and evolution of the Serbian national identity.

Ключевые слова: идентичность, нация, религия, исторические события, культура.

Keywords: identity, nation, religion, history, culture.

Как показывают последние события на постсоветском пространстве, конфликтность, основанная на процессах этнической и национальной самоидентификации славянских народов Европы еще не преодолена. Для лучшего понимания причин и последствий современных событий необходимо понимать истоки этих процессов [5]. Ярким примером является проблема формирования сербской национальной идентичности в XIX–XX вв. Именно поэтому особенно актуально исследовать выбранную тему.

Сербская национальная идентичность [1, с. 12–16] как явление формируется в конце XIX в. Это связано, прежде всего, с так называемым процессом «балканизации» [1, с. 12], который с 1817 г. происходил на территории Балканского полуострова. На отколовшихся от Османской империи территориях начинают формироваться государства сербов, хорватов, словенцев, черногорцев. Под гнетом османов, южнославянские народы, пробыли очень долго, что так же способствовало формированию национализма у сербов – два сербских восстания, постоянная борьба с Турцией вместе с Российской империей привели к образованию в 1882 г. независимого Королевства Сербия под правлением Милана I Обреновича. Период начала XX в. до 40-х гг. является переломным в формировании национальной идентичности не только сербов, но и других балканских народов. В этот период происходят глобальные геополитические процессы: Балканские войны, две мировые войны, в которых балканские народы были непосредственно участниками и активными действующими лицами. В связи с упомянутыми войнами происходит переустройство всего мира, что затрагивает и Балканы – начинается формирование

новых государств сербов, хорватов, словенцев, черногорцев. Следующим этапом в развитии национальной сербской идентичности стали 1990-е гг. Этот этап связан с распадом государств социалистического блока и завершением Холодной войны. На фоне роста межэтнических противостояний одно из крупнейших европейских государств XX в. – Югославия, распадается на 6 независимых стран.

Сейчас, в современных реалиях, вопрос национальной идентичности вновь становится более актуальным. События последних 30 лет постепенно проявляют все накопившиеся конфликты и противоречия в исследуемом регионе [5].

Самым главным, на чем базируется понятие сербской национальной идентичности являются три столпа: религиозный, национальный и исторический.

Касательно религии, то абсолютная масса сербов исповедует православное христианство. К концу XIX в. национальная и религиозная принадлежность для сербов становятся синонимами. Стоит сказать, например, что австрийские сербы-католики не считались сербами большинством сербов [13, с. 55–56]. В условиях Балканского полуострова, где все народы близки по языку и происхождению, религия прочно закрепляла этнокультурную идентификацию. Современный серб может и не знает всех тонкостей православия, однако он четко держит дистанцию от представителей католицизма (хорватов и словенцев) и мусульман (боснийцы), так как для истинных сербов истинная вера – православие [10, с. 3–4].

Югославские войны 1991–2001 гг. поставили вопрос идентичности так же остро и среди молодого поколения, хотя раньше интересы сербской нации были принесены в жертву общим интересам Югославии. После бомбардировки Югославии силами НАТО в 1999 г. в обществе еще больше усиливаются антизападные настроения: западная культура стала восприниматься сербами как бездуховная. В начале 2000-х гг. Сербия представляется страдальцем за веру, а современные проблемы объясняются отходом от «истинной веры» и увлечением либерализмом, что вполне объясняется тем, что Сербия является кандидатом на вступление в Европейский Союз. Но в целом, в Сербии западные достижения уживаются с наследием византийских традиций. Благом для сербов считается патриархальный уклад жизни, который считается здоровым как в физическом, так и в моральном

плане и противопоставляется западной культуре (равнодушие, безразличие к вопросам морали, общественной жизни). В современном сербском обществе сохраняется традиционный уклад жизни.

Национальный вопрос ставится для сербов достаточно остро в период конфликтов, однако существует и светский сербский национализм, но без перегибов, основанный на донесении до других стран и народов того, что сербская культура и религия, история и литература великие, и того, что сербы готовы защищать свою национальную культуру и свою религию даже своими небольшими силами.

Сербский национализм заключается в определении своих корней нации как «этнически чистой». Это не значит, что она «чище остальных» и так далее, дело в том, что в силу исторически сложившихся предпосылок сербы имеют полное право считаться титульной нацией Балканского полуострова. Эти предпосылки исходят еще из Средневековья – существование королевства сербов Рашки, а затем Первого Сербского королевства, которые охватывали огромные территории и де-факто доминировали на Балканах, а в XX веке – Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, где сербы фактически были государствообразующей титульной нацией. Это так же касается и СФРЮ.

Перечисленные факты исторического контекста развития государственных образований сербов заложили основу идеи «Великой Сербии». Данная идея возникла в начале XIX в. и подразумевала борьбу сербов за независимость от Османской империи, за воссоздание суверенного сербского государства. Еще одним тезисом этой идеи было объединение южных славян в единое сильное государство. Этот проект также характеризовался как «проект Великой Сербии». Он был частью идеологии пансербизма, основы которой заложил в первой половине XIX в. в своих трудах Доситей Обрадович. Этот сербский просветитель писал о необходимости продолжать освободительную борьбу сербским народом, а также являлся автором патриотических стихов. Д. Обрадович считал жителей Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации, Хорватии, Сирмии, Баната и Бачки братьями, независимо от их вероисповедания [2, с. 408]. Важной частью концепции Обрадовича была идея объединения балканских народов и сербских земель в независимую и единую Великую Сербию.

Сербские восстания начинаются как раз из-за распространения этих идей. Более чётко великосербская [7, с. 410–415] идея была сформулирована в 1844 г.. В основу «Начертании» Или Гарашианина лёг план Франтишека Заха. В результате автору удалось более четко раскрыть основы идеи Великой Сербии. Он считал, что Сербия должна завершить свою «священную историческую миссию», начатую царём Душаном в XIV в., и объединить всех сербов.

Следующий этап развития указанной выше идеи «Великой Сербии» пришелся на годы Второй мировой войны. В этот период развивал указанную концепцию Стеван Мольевич. Его взгляды четко сформулированы в труде «Гомогенная Сербия», который был завершен в июне 1941 г. В нём прямо говорилось: «первым и главным долгом сербов является создание и организация гомогенной Сербии, которая охватила бы всю сербскую этническую территорию, и обеспечение этой Сербии необходимых транспортных коммуникаций и экономического пространства, которое обеспечило бы ей свободное хозяйственное, политическое и культурное развитие на все времена» [4, с. 270–271]. Практической реализацией этого проекта занимались четники, но в скором времени они от него отказались.

Среди активных сербов в современном мире выделяется группа так называемых «србанистов». Они пытаются доказать то, что необходимо ассимилировать все этнокультурные меньшинства, в том числе и «югославы», которые подчеркивают недопустимость этнического доминирования. В научной литературе часто встречаются тезисы: «героический србанизм», спартанство и мессианство, которые более сильно проявляются в периоды войн или иных конфликтов [11, с. 161–162]. Иностранцами нередко отмечаются национальные качества сербов такие как: привязанность к дому, добродушие, наивность, упрямство.

Что же касается исторического мотива, то он основывается на косовском мифе. Суть его в том, что в битве на Косовом поле (в 1389 г.) против турков во главе с Лазарем Хребеляновичем сербы знали на что шли: они осознанно жертвовали своим земным царством, чтобы получить царство небесное. Представление о «Царстве Небесном» является основой православия. С начала XIX в. косовский миф продолжает играть важную роль в сфере развития национальной идентичности сербов. В конце 1860-х гг. Косовский культ стал основной темой сербского национализма и средством обоснования

сербских притязаний о сохранении Косово в составе Сербии. В годы Балканских войн сербские войска захватили регион Косово и Метохию. Сербские политические круги трактовали это событие как освобождение Косова и месть Османской империи за поражение сербов (в 1389 г.) [9, с. 1–4]. В конце 1980-х гг. в Сербии произошло возрождение косовского мифа. Можно смело утверждать, что этому способствовала Сербская православной церкви. Косовский миф всегда обладал невероятной эмоциональной, великодуховной окраской, что помогло еще более сплотить столь малочисленный народ. Сложно переоценить роль косовского мифа в вопросе не только национальной идентичности, но и во внутренней и внешней политике Сербии, а также для рядовых сербов. Косово – это не только священное место, это древнее историческое ядро Сербии, историческая память о тяжелейшем в истории народа поражении, и истинное сердце Сербии. Память о сражении с турками на Косовом поле и убийство султана Османской империи, которая трансформировалась в антизападничество, а в XXI в. – в антиамериканизм. Образ Милоша Облича стал соотноситься с Гаврилой Принципом, а в 2000 г. Слободана Милошевича сравнивали с князем Лазарем, который погиб в сражении на Косовом поле. Все это – преемственность поколений, память о своей великой истории и культуре, косовский миф с сербской эпической народной поэзией. Косово было, есть и будет сербским по духу, так как основан на реальной истории, на том, что было, а историческая память сербов непоколебима.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В основе сербской национальной идентичности лежат три столпа: религиозный, основанный на исповедовании православного христианства; национальный, заключающийся в представлении сербской нации, главенствующей на Балканах в следствии исторически сложившегося развития государственных образований сербов; исторический, стоящий на Косовском мифе, исторической памяти сербов и преемственности поколений.

Вопрос о сербской национальной идентичности многогранен и охватывает практически все сферы жизни как рядового серба, так и политической элиты страны. Стоит сказать, что все те базисные мотивы, на которых основан вопрос о сербской национальной и этнокультурной идентичности вполне справедливы и заслуживают внимания. Балканы были и останутся регионом, где культурное,

языковое, религиозное разнообразие граничит с родственными связями в этих же сферах.

Литература:

1. Баддинг, Одри Хелфант. Югославы в сербов: сербская национальная идентичность, 1961–1971 // *Nationalities Papers* (англ.) рус.: журнал. 1997. Вып. 25, нет. 3. С. 407—426.
2. Бранимир Анзулович. Небесная Сербия (англ.) рус., 1997. – Вып. 25, нет. 3. С. 407–426.
3. Белов М. В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец 18 – середина 19 вв.). СПб. 2007. С. 61–66. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-serbskoj-natsionalnoi-ideologii-v-kontse-xviii-seredine-30-kh-gg-xix> (дата обращения: 13.03.22).
4. Василий Крестич. Великая Сербия: правда, заблуждения, злоупотребления: доклады, представленные на международной научной конференции, состоявшейся в Сербской академии наук и искусств. Белград, 24–26 октября 2002 г. – С. 274. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=k28tAQAAIAAJ&q=Ivan+Jugovic&redir_esc=y (дата обращения: 13.03.22).
5. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / Н. А. Бессилин, Р. Ф. Гарипов, Е. А. Круглов [и др.]; Башкирский государственный университет; ответственный редактор Ф. Ф. Шахметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
6. Гринуолт, Александр. Косовские мифы: Караджич, Негош и трансформация сербской памяти (неопр.) // *Пространства идентичности*. 2001. Т.3. С.51. [Электронный ресурс]. URL: http://www.yorku.ca/soi/Vol_3/_PDF/Greenawalt.pdf (дата обращения: 13.03.22).
7. Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. — М.: Вече, 2000. 416 с. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/zadohin_nizovsky/index.html (дата обращения: 07.03.22).
8. Йованович, Ана Кузманович. Сохранение целостности национальной идентичности: метафоры Косово в сербском политическом дискурсе (Техас) // *Техасский лингвистический форум*:

- журнал. (англ.) рус., 2011. - Вып. 54. [Электронный ресурс]. URL: <http://salsa.ling.utexas.edu/proceedings/2011/03TLF54-Kuzmanovic.pdf> (дата обращения: 13.03.22).
9. Любинка Трговчевич. Косовский миф в Первой мировой войне. Исторический институт Сербской академии искусств и наук 17 апреля 1999 г. Электронная библиотека культуры Косово и Метохии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rastko.rs/kosovo/istorija/sanu/KOS_MIT.html (дата обращения: 13.03.22).
10. Милонас, Христос. Основы сербского православия: поиски вечной идентичности (англ.). Издательство Центральноевропейского университета (англ.) рус. 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=06d_CwAAQBAJ&pg=PP1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 13.03.22).
11. Неделькович, Саса (2006). «Миф, религия и национальная идентичность: мифологизация в Сербии в период национального кризиса», с. 161—162, 166—177. [Электронный ресурс]. URL: http://www.anthroserbia.org/Content/PDF/Articles/nedeljkovic_mitologizacija.pdf (дата обращения: 13.03.22).
12. Почему миф о Косово так распространен в современной Сербии. 9 мая 2009 г. (Радиомост Свободной Европы). Нова Српска политичка мисао (Новая Сербская политическая мысль) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nspm.rs/prenosimo/zasto-je-kosovski-mit-toliko-prisutan-u-savremenoj-srbiji.html> (дата обращения: 13.03.22).
13. Селезнев Р. С. «Нет, ты Сербин, ты этого сам не знаешь...» — сербская национальная идентичность накануне и после освобождения (вторая половина XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 55–56. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/6223/09.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.03.22).
14. Цветкович, Владимир Н., Национальная идентификация и строительство институтов у Сербии (идеология, образование, медицина). [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20161008083635/https://instifdt.bg.ac.rs/wp-content/uploads/2015/05/V.Cvetkovic-2002-1.pdf> (дата обращения: 06.03.22).

УДК 008(470.57)

© А.И. Сираева

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – д. филос. н., профессор Р.Х. Лукманова

A.I. Siraeva

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – d. of philos. s., professor R. K. Lukmanova

**О РАЗВИТИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН (НА ПРИМЕРЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В 90-х гг. XX ВЕКА)**

**THE DEVELOPMENT OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY OF
THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN (THE EXAMPLE OF THE
ACTIVITIES OF ARTISTIC ASSOCIATIONS IN THE 90s
OF THE TWENTIETH CENTURY)**

Аннотация. В статье представлены процессы подъема этнического самосознания в Республике Башкортостан, возникшие под влиянием перестроечных настроений. Частный случай данного явления можно представить на основе деятельности художественных объединений 90-х гг. XX века.

Abstract. The article presents the processes of the rise of ethnic consciousness in the Republic of Bashkortostan, which arose under the influence of Perestroika sentiments. A special case of this phenomenon can be shared from the activities of artistic associations of the 90s of the twentieth century.

Ключевые слова: история Башкортостана, история искусства, этнокультурное самосознание, художественные объединения, девяностые.

Keywords: the history of Bashkortostan, the history of art, ethno-cultural identity, artistic associations, the nineties.

Этнокультурное самосознание есть осознание этноса себя, своих ценностей. Оно складывается в ходе продолжительной истории на основе интенсивного развития, своеобразия природных и социальных

условий, культурных традиций и достижений т.д. Именно интеллигенция, в силу специфики своей профессиональной деятельности, выступает тем социальным слоем, который занимается формированием и развитием этнического и культурного самосознания. Особенно их деятельность активизировалась в период 80-х гг. прошлого века.

«Перестройка» породила изменения культурного развития страны, способствовала идейно-политической дифференциации творческой интеллигенции [11, с. 382-386]. С другой стороны, государство отходит от вертикализации художественной жизни. Так, творческой интеллигенции становится все труднее выполнять возложенную на нее партией роль по популяризации социалистических идеалов. БАССР же становится одним из немногих регионов, где наиболее активно оформляются национальные движения. Этот острый вопрос не мог быть оставлен художниками без внимания. Более того, среди многочисленных функций искусства в этническом контексте особенно актуальной является функция производства, сохранения и трансляции культурных ценностей, репрезентация которых способствует формированию этнокультурной идентичности. В связи с чем, можно выдвинуть тезис о конструировании этничности, изменяющейся под влиянием социального вызова [9, с. 179].

До 1960-х гг. воплощение традиций в искусстве, определялись формулой «национальное по форме, социалистическое по содержанию», что на практике часто сводилось к сюжетно-тематическим мотивам. К самым ярким примерам можно отнести работы А.Ф. Лутфуллина, как «Три женщины» (1969), или Р.М. Нурмухаметов, как «За самоваром» (1962). К концу 1980-х гг. наступил новый этап: художник не просто отходит от художественных традиций, но и экспериментирует. На творчество художников национальных школ оказывали одновременно влияние традиции данного региона, наследие искусства Востока, русская классическая традиция и западные модернистские эксперименты [12].

Первым обществом, обозначившим свой национальный характер, можно считать объединение «Сары бия», название которой с башкирского языка можно перевести следующим образом: «Һары бейә» – «Жёлтая кобыла».

Несмотря на преобладание исторически сложившихся художественных ориентиров, художники группы первыми делают

попытку отхода от соцреализма и представляют новаторское видение национального мира. В их произведениях звучат размышления о судьбе народа, быт и жизнь которого показана во всём многообразии: «Вечерний город» (1987) Н.С. Латфуллина, «Сигналы» (1989) М. И. Давлетбаева, «Нижегородка» (1991) Н.А. Пахомова, «Сенокос» Д.Н. Ишемгулова, «Баный день» (оба – 1992) С.А. Лебедева [4].

Поводом для образования следующего художественного объединения «Чингисхан» в 1990 году стала подготовка художниками к выставке в Ленинграде. Это было спонтанное оформление объединения, не имеющего четкой программы. По словам члена группы, и с 1994 года ее руководителя Василя Ханнанова, при создании объединения было важно подчеркнуть их национальную идентичность, что и выразилось в предложенном Расихом Ахметвалиевым, еще одним членом группы, названии «Чингисхан» [2]. Первоочередной задачей они ставили реконструкцию тюркской культурной парадигмы средствами современного искусства. Особенно это можно проследить в таких произведениях, как «Четыре луны Тенгри» (1994) В.М. Ханнанова, «Восточный мотив III» (1993) Р.Х. Ахметвалиева, «Татарская пастораль» (1992) Р.З. Харисова [6].

В 1995 году, формируется художественное объединение «Артыш», в переводе с башкирского – «Можжеватель», для проведения выставки, посвященной I Курултаю башкир. В основе творчества группы – идея возрождения национальной духовности и традиций древней башкирской культуры, что находит отражение в работах художников: конкретные модели – исторические личности – «Созвездие» (2002) Р.С. Зайнетдинова, жанровые сцены и натурные пейзажные мотивы, отражающие природу Башкортостана, – «Ковыль цветет» (1997) А.Х. Байрамгулова, самобытность национального быта – «Праздник гуся. Триптих» (1993) Ю.Я. Насырова [5].

Таким образом, башкирская художественная школа 1990 гт. стала репрезентатором этнокультурной идентичности в ее смелых формах и представлениях, расширив общественную сознательность в этнических процессах, протекавших в Республике. Именно приверженность к национальным традициям способствовала сохранению творческих объединений в истории изобразительного искусства Башкортостана.

Литература:

I Неопубликованные источники:

1. Архив Регионального отделения ВТОО «Союз художников России» Республики Башкортостан

2. Полевые материалы автора. Интервью:

Фазылов Хатип Сарварович – председатель ВТОО «Союз Художников» РБ, руководитель творческого объединения «Артыш» (дата интервью: 20.10.2021);

Ханнанов Василь Миргазиянович – руководитель творческого объединения «Чингисхан» (дата интервью: 16.02.2022).

II Опубликованные источники:

3. Высоко Художественный журнал / ред. В. М. Ханнанов. Уфа: ООО ИПК «ЛАКИ», 2005, №2, 34 с.

4. Живопись (80-90-е гг. XX века). Выпуск III из серии «Изобразительное искусство Башкортостана»: Наглядное пособие / авт. сост. Оськина И. Н. Уфа: Демиург, 2001. 214 с.

5. Творческое объединение «Артыш». Избранные произведения: Каталог / авт. сост. Евсеева С. В. Уфа: Информреклама, 2002. 100 с.

6. Чингисхан. Творческое объединение живописцев / авт.сост. Уфа: Галеев-Галерея, 2008. 154 с.

III Литература:

7. Ахметова, Л. Р. Религиозные и мифологические темы в современном изобразительном искусстве Татарстана (1990-2000 гг.) // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 273-276.

8. Буранчин, А. М. Общественно-политическое развитие Республики Башкортостан в конце 1980-х - 1990-е гг.: дис. ... кан. ист. н. Уфа, 2007. 195 с.

9. Ибрагимова, Е. Р. История развития изобразительного искусства Башкортостана во второй половине XX века: дис... к. иск. наук. Уфа, 2009, 224 с.

10. История башкирского народа: в семи томах. Т. 7 / [редкол.: М. А. Аюпов и др.]. 2012. 423 с.

11. История: курс лекций (для неисторических направлений подготовки и специальностей) / Р.Р. Хадимуллин, М.М. Утягулов, Р.Р. Тухватуллин, Е.А. Круглов, Н.А. Бессилин, Ф.Ф. Шаяхметов, А.О. Целищев, С.Н. Кулбахтин, Е.А. Лаптев. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 432 с.

12. Логинава, М. В. К вопросу взаимосвязи искусства и этноса // Финно-угорский мир. 2013. №2 (15). С. 35-36.

13. Региональное управление в России: исторический опыт и факторы современного развития: Коллективная монография/ Азнабаев Б.А., Рахимов Р.Н., Уразова А.И. [и др.]; под.ред. Фроловой И.В. Уфа: Инеш, 2020.
14. Уразова, А. И. Участие института истории и государственного управления БАШГУ в реализации проекта "школа молодого этнополитолога в Республике Башкортостан" / А. И. Уразова, И. В. Фролова // Соотношение конфессиональной, этнической, региональной и гражданской общероссийской идентичности в общественной и политической среде Республики Башкортостан: Сборник статей по материалам Всероссийской молодежной научной школы-конференции, Уфа, 26–28 марта 2020 года. – Уфа: Казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», 2020. – С. 7-11.
15. Юнусова, А. Б. Республика Башкортостан: историко-культурные и религиозные символы в имиджевой стратегии республики / А. Б. Юнусова, И. В. Фролова // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2017. – № 1. – С. 99-105.

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЮ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 94(4)+39

© **З.Ф. Гилимова**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

Z.F. Gilimova

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tuhvatullin

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ВОЙН НА ПОЛЬСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

IMPACT OF THE WORLD WARS ON POLISH NATIONAL IDENTITY

Аннотация. Мировые войны наложили серьезный отпечаток на судьбы различных народов всего мира. В публикации приводится влияние событий начала XX в., включающие в себя две мировые войны, а также межвоенный период, на национальную идентичность польского народа.

Abstract. World wars left a serious imprint on the fate of various peoples around the world. The publication presents the impact of the events of the early 20th century, including two world wars, as well as the interwar period, on the national identity of the Polish people.

Ключевые слова: Первая мировая война, Польша, национальная идентичность, Версальский договор.

Keywords: World War I, Poland, national identity, Treaty of Versailles.

Первая половина XX в. в истории человечества ознаменовалась двумя масштабными мировыми конфликтами – Первой и Второй мировой войнами, а также процессами территориального передела

мира и формированиями новых национальных государств. Эти события и процессы, в свою очередь, оказали сильное воздействие на национальную идентичность, которая предполагает в себе чувство «нации как связанного целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком». В этой связи представляется необходимым рассмотреть польскую национальную идентичность в контексте Первой мировой войны и событий, происходящих в этот период.

Актуальность исследования обуславливается необходимостью определения причин и факторов, действовавших на формирование и эволюцию национальной идентичности, и приведших к появлению на карте Европы Польского государства во втором десятилетии XX в.

Ряд польских историков видит причину постепенного роста польского национального самосознания в происходящих в конце XIX в. событиях, включая индустриализацию, демографический рост польского населения, а также иные социальные изменения. Находясь в составе Российской империи, польское население поднимало восстания (1830-1831, 1863), что позволяет говорить о высоком уровне самосознания поляков. Богдан Цивинский в своей работе «Генеалогия непокорённых» (1971), изучая окончание столетия, провел параллели между ненасильственным сопротивлением против царского правительства и сопротивлением коммунизму [1]. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что польские историки приходят к выводу о том, что развитию польской идентичности способствовало сопротивление царскому режиму, а затем и коммунизму.

В ходе Первой мировой войны державы, разделившие польские земли, воевали друг с другом. Потенциально возникала возможность изменения статуса или принадлежности территорий, населенных поляками. Такая ситуация открыла как новые возможности, так и новые трудности. Прежде всего, поляки состояли в противоборствующих армиях. Во-вторых, польские земли стала местом долгих сражений воюющих держав. Далее, обострились разногласия между польскими политиками. Национальные демократы, лидером которых был Роман Дмовский, традиционно видели главную угрозу в Германии, желая победы Антанте. Сторонники Дмовского рассматривали первоначально проект объединения всех польских земель под российским скипетром и получения статуса автономии, затем стали искать поддержку со стороны Парижа и Лондона [11, с.

466-467]. Юзеф Пилсудский и его сторонники из Польской социалистической партии (ППС) считали именно поражение России ключевым условием достижения независимости и сделали ставку на Германию и Австро-Венгрию.

Первая мировая война и ее итоги способствовали развитию национальных движений в многонациональных империях, прежде всего, Российской и Австро-Венгерской. События этого периода способствовали подъему национальных чувств и устремлений поляков, а территория бывшего Польского царства стала ядром будущего новообразованного государства.

Временное правительство России обратилось к польскому народу с обещанием создать польское государство после решения этого вопроса Учредительным собранием («Воззвание» от 29 марта 1917), где российские власти признали право поляков на независимость. При этом имелись определенные условия: восточная граница новообразованного государства должна была устанавливаться по этнографическому принципу, и Польша должна была бы создать «свободный военный союз» с Россией [11, с. 465-466]. Однако революционные события в России, приход к власти большевиков, положение на фронтах мировой войны сняли с повестки дня необходимость исполнения положений «Воззвания». Высший военный совет Антанты в июне 1918 г. высказался за создание независимой Польши [11, с. 468]. В августе 1918 г. советское правительство России объявило об отмене всех соглашений о разделах Польши [12, с. 185].

Приближение поражения Четверной коалиции дало возможность регентскому совету уже 7 октября 1918 г. опубликовать воззвание «К польскому народу». В нем были прописаны условия создания нового независимого государства из всех польских земель с доступом к морю, существование которого было бы гарантировано международным договором. [8, с. 90]. Провозглашение независимости Польши сопровождалось бурным проявлением национальных чувств.

На Версальской конференции, которая была созвана по итогам Первой мировой войны, польский вопрос стоял остро. В целом, европейские державы придерживались идеи построения национальных государств, сторонником которой являлся американский президент Вудро Вильсон [2, с. 110-111]. Малый Версальский трактат от 28 июня 1919 г., подписанный с Польшей, коснулся лишь охраны прав национальных меньшинств. Однако более остро стоял вопрос о

государственных границах. Западные государства пришли к выводу, что Польша получит только те территории, на которых преобладает польское население. Из этого вытекал более обширный вопрос: будет ли Польша многонациональным государством или будет стремиться к моноэтничности.

В этих условиях появились возможности для реализации устремлений двух версий польского национализма, олицетворённых Романом Дмовским и Юзефом Пилсудским. Каждый из них имел свое представление о национальном вопросе в Польше.

По концепции Р. Дмовского, Польша должна была стать многонациональным государством, включив в свои территории как этнографически польские районы, так и те, где присутствовал сильный польский элемент. Польша должна была включить Галицию и часть австрийской Силезии, Королевство польское, ковенскую, виленскую, гродненскую и часть минской губернии, а также Волынь, а также «исторические земли» - Познань и южный пояс Восточной Пруссии. Отдельно необходимо упомянуть точку зрения Дмовского касательно украинских территорий. Он считал, что Украина (как и Литва) – еще не сформировались как нация и нельзя допустить их независимости. С Литвой Дмовский предлагал подписать лишь унию. Белорусов он видел как «пассивный элемент», поскольку они не имели к тому времени какой-либо сложившейся культуры [2 с. 156-157]. При этом польское население он называл «отличающимся сильной национальной индивидуальностью и вытекающими отсюда национальными нуждами, и стремлениями» [3, с. 126]. Как отмечено выше, Дмовский был сторонником налаживания дипломатических отношений с Россией, а главную угрозу видел в Германии. Именно поэтому он считал, что в состав Польши должны войти Вильно (Вильнюс) с прилегающим округом, Западная Белоруссия и Западная Украина. При осуществлении данного проекта поляки должны были составлять не менее 60% населения государства [6].

Иначе построение нового национального государства видел Ю. Пилсудский, который, напротив, опасность видел в России. По его идее, необходимо было «оторвать» такие национальные окраины, как Литва, Белоруссия и Украина, создав федеративное государство [5, с. 29-30]. Такое государство должно было заменить в Восточной Европе ослабившуюся Россию [9, с. 190]. Пилсудский даже создал проект нового конфедеративного государства – «Междуморье» – которое бы

включало Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию и прочие страны Восточной Европы. Это государство должно было противостоять России и Германии и способствовать укреплению национальных культур стран, объединенных в «Междуморье». Однако реализация проекта не была запущена.

Возвращаясь к концепции Пилсудского по определению территориальных границ, необходимо отметить, что польские власти были вынуждены считаться при определении северных, западных и южных границ государства с провозглашенным этническим принципом. Но при определении восточной границы Польша опиралась на вооруженные силы, нарушая принцип этнических границ, заявленный, в частности, в 13-м пункте вильсоновской программы [14], согласно которому независимая Польша «должна включать территории, заселенные исключительно польским населением». В конце концов победила концепция Романа Дмовского.

Влияние на национальные чувства и национальную идентичность поляков оказала советско-польская война 1919-1920 гг. [13, с. 247-248]. Поворотный момент и ключевое сражение этой войны на подступах к Варшаве этого конфликта не случайно в Польше назвали «Чудом на Висле». Итогом советско-польской войны стал Рижский мир, который, по сути, спас независимость новых национальных государств [10]. Для польского народа – это символ «победы ради свободы в Европе», символ национальной стойкости, а также победа, одержанная над крупнейшим противником. Однако при этом необходимо отметить, что Польша включила в себя различные нации, в том числе миллионы украинцев и белорусов, которые не желали подвергаться какой-либо ассимиляции, что не позволяло в полной мере консолидироваться польскому населению [6, с. 155].

Польский этнонациональный феномен имел масштабную внешнеполитическую составляющую. Исследователь И.Ю. Заринов читает, что Польшу можно рассматривать в качестве своеобразного геополитического моста «между двумя (условно) цивилизационными мирами – Востоком и Западом – всю свою историю вынуждена была исполнять двойную роль» [4, с. 300]. Она выступала в роли «родственника» и западного соседа России, но одновременно являлась геополитическим соперником российского государства. Другая роль Польши – это страна, стремящаяся в западноевропейскую культурную среду, доказывающую ей свою лояльность. Результатом подобной

двойственности стали внешнеполитические метания «Польши среди сил с противоположными геополитическими устремлениями» [4, с. 301]. В будущем эти метания подвергли Польшу жестоким испытаниям в годы Второй мировой войны.

Таким образом, можно прийти к ряду выводов. Польская национальная идентичность выдержала испытания XIX в. и стала фактором развития национального движения в польских землях в начале XX в. Первая мировая война способствовала развитию национальной идентичности поляков, что позволило полякам объявить о создании своего государства, а на Парижской мирной конференции определить границы нового государства на карте Европы. Советско-польская война является одним из доказательств того, что национальное самосознание поляков к тому времени достигло высокого уровня. Возрождение польского государства в пределах, в определённой степени повторяющих границы государства до разделов Первой Речи Посполитой в XVIII в., стало причиной подъёма патриотических чувств и своеобразного «взрыва», произошедшего в польском этнонациональном самосознании.

Литература:

1. Бартковски М. Как ненасильственное сопротивление выковывало польский народ: 1860-1900 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.nonviolent-conflict.org/wp-content/uploads/2015/01/Poland-forging-the-polish-nation-nonviolently.pdf> (дата обращения: 10.03.2022)
2. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
3. Ольховский С. В. Украина в федералистской концепции Ю. Пилсудского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №1 (43). С. 155-166.
4. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Н.П. Карбасников, 1909. 292 с.
5. Заринов И.Ю. Польский этнонациональный феномен и его отражение в культуре XX века // Очерки о европейской идентичности и многокультурности. М.: ИЭА РАН, 2013. 480 с.

6. Лыкошина Л.С. Польская идентичность в контексте политического развития страны // *Европеизм и национализм в странах Восточной Европы*. 2014. №2014. С. 27-46.
7. Матвеев Г.Ф. Юзеф Пилсудский и Польская государственность (1892 – 1921) // *Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей*. Вып. 5 Мн.: БГУ, 2010. С.131–158.
8. Милякова Л.Б. Польша на пути к межэтническому государству [Электронный ресурс]: URL: http://www.hrono.ru/statii/2003/1918_47polon.html (дата обращения: 10.03.2022).
9. Носкова А.Ф. Польша в XX веке. Очерки политической истории М.: Издательство «Индрик», 2012. 953 с.
10. Ольховский С. В. Украина в федералистской концепции Ю. Пилсудского // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. №1 (43). С. 188-195.
11. Рижский мирный договор [Электронный ресурс]: URL: <https://www.brestobl.com/nasel/naselen/dok/1921/51.html> (дата обращения: 09.03.2022).
12. Тухватуллин Р.Р. Положение в Польше в оценке В.И. Ленина (1917-1918 гг.) // *1917 год в судьбах народов России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Ответственный редактор Фролова И.В., Уфа, 2017. С. 465-470.*
13. Тухватуллин Р.Р. Польша и польско-советские отношения конца 1918-1919 гг. в оценках В.И. Ленина // *Мир Евразии: от древности к современности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Ответственный редактор Е.А. Круглов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 184-193.*
14. Тухватуллин Р.Р. Советско-польские отношения зимы-весны 1920 г. в оценках В.И. Ленина // *Мир Евразии: от древности к современности. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 246-252.*
15. Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г. http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19180108.html (дата обращения: 10.03.2022).

УДК 94(4/7)”1918/...”

© Я.М. Гукасян

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

Y.M. Ghukasyan

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tuhvatullin

**БЕЛЫЙ ДОМ ПРОТИВ «ВЬЕТНАМСКОГО СИНДРОМА»:
КАК США ПЫТАЛИСЬ ПРЕОДОЛЕТЬ НАСЛЕДИЕ И ПАМЯТЬ
О ВОЙНЕ ВО ВЬЕТНАМЕ**

**THE WHITE HOUSE AGAINST THE “VIETNAM SYNDROME”:
HOW THE US TRIED TO OVERCOME THE LEGACY AND
MEMORY OF THE VIETNAM WAR**

Аннотация. В статье анализируется феномен проявления «вьетнамского синдрома» в американском обществе, рассматриваются усилия властей преодолеть коллективный страх нации перед новой войной. Показано влияние отдельных событий в мире и во внешнеполитической деятельности США на искоренение данного синдрома.

Abstract. The article analyzes the phenomenon of the manifestation of the “Vietnam syndrome” in American society, examines the efforts of the authorities to overcome the collective fear of the nation before a new war. The influence of individual events in the world and in the US foreign policy activities on the eradication of this syndrome is shown.

Ключевые слова: США, Вьетнам, война, «вьетнамский синдром», Белый Дом.

Keywords: USA, Vietnam, war, “Vietnam syndrome”, White House.

Война во Вьетнаме унесла жизни 58 тыс. американских военнослужащих и стоила США свыше 800 млрд. долл. В 1973 г. администрация президента Р. Никсона завершила конфликт посредством Парижских мирных соглашений, однако фактически Америка признала поражение. Уже в 1975 г. армия Северного Вьетнама перешла в наступление и установила контроль над всей

территорией страны. Всё, ради чего на протяжении 8 лет сражались и умирали тысячи американцев, оказалось абсурдным и напрасным делом.

Вьетнамская война крайне тяжело сказалась на США. Американская нация получила глубокую психологическую травму, которая окунула страну в состояние сомнения и отчаяния. В 1970-ые этот феномен получил название «вьетнамский синдром» и выражался в коллективном страхе очередной большой войны. «Больше никаких Вьетнамов» - под этим лозунгом выступали миллионы американцев, которые принуждали Белый Дом отказаться от милитаристского курса [2, с. 126].

Подобным образом, «вьетнамский синдром» создал в Америке настроения, которые в корне отличались от идеологии «мессианства». В состоянии холодной войны, уже на протяжении двух десятилетий, это был ключевой элемент американской внешней политики. Этот курс, заложенный 1940-50-ых гг. президентами Г. Трумэном и Д. Эйзенхауэром, предполагал активное использование военной силы для распространения американского влияния на остальной мир.

«Вьетнамский синдром» превратился в центральную точку взаимовлияния общественного мнения и внешней политики. Эта схема прочно закрепилась в политической системе США и последующие годы оказывала серьезное воздействие на решения Вашингтон на международной арене. На данный момент можно выделить пять этапов развития этой системы [2, с. 127]. На каждой стадии Белый Дом пытался нивелировать проявления «вьетнамского синдрома», а мнение американского общества по проблеме применения военной силы множество раз трансформировалось.

Первый этап, когда США столкнулись с явным проявлением «вьетнамского синдрома», относится к президентству Дж. Форда (1974-1977 гг.). Когда в 1975 г. проамериканский режим в Южном Вьетнаме оказался под угрозой, республиканской администрации пришлось действовать в срочном порядке. В намерении помешать экспансии Северного Вьетнама, Белый дом направил в Конгресс запрос о выделении средств для помощи Сайгону, но этот шаг встретил резкий протест.

Конгрессмены выступили против, отклонив большинством голосов милитаристские инициативы президента. С острой критикой выступили крупнейшие СМИ, обвинив Овальный кабинет в

реваншистских настроениях и желании возобновить войну. Своё слово сказали обычные американцы, почти 80% из которых были категорически против возвращения США во Вьетнам [4].

В результате президент Дж. Форд был вынужден отказаться от этого решения, что являлось явным доказательством влияния «вьетнамского синдрома» на действия высших эшелонов власти. За следующие годы Америка столкнулась с перечнем других международных кризисов. В редких случаях, у Вашингтона выходило добиться применения силы, но чаще всего страх американской общественности перед новым масштабным конфликтом налагал запрет на военные инициативы Белого дома.

С приходом в 1981 г. к власти республиканской администрации президента Р. Рейгана, началась вторая стадия противостояния между американским правительством и «вьетнамским синдромом». В годы президентства Р. Рейгана, США смело применяли военную силу в разных точках земного шара. Этого требовали новые вызовы и обстоятельства, но главная причина заключалась в желании консервативной администрации вернуть стране было уважение и показать социалистическому лагерю, что наследие о войне больше не связывает Америку.

Первая серьезная международная проблема, с которой пришлось иметь дело президенту Р. Рейгану, стали события в Гренаде. В 1979 г. в стране случился переворот, вследствие которого власть захватили коммунисты. За следующие годы, Гренада установила военные и торговые отношения с социалистическими странами, из-за чего американское правительство решило приступить к крайним мерам. Вторжение в Гренаду явилось для американской армии первой крупной спецоперацией со времен войны в Юго-Восточной Азии, однако завершилась полным успехом.

Американское общество положительно восприняла победу в Гренаде. Появились настоящие признаки отступления «вьетнамского синдрома», но Белый дом начал злоупотреблять полученным доверием. За следующие годы, Вашингтон активно использовал военную силу в Северной Африке и на Ближнем востоке, что вызвало негативную реакцию в стране. В конечном итоге, американцы как прежде стали критиковать милитаристский курс правительства и везде выискать прецеденты для новой большой войны.

На время президента Дж. Буша приходится 3 стадии противоборства Белого Дома и «вьетнамского синдрома». Ключевой международной проблемой, с которую пришлось решать республиканской администрации, стали события на Ближнем Востоке. В 1990 г. Ирак обвинил Кувейт в краже нефти и оккупировал соседнее государство. США решили применить военную силу и освободить Кувейт от оккупации. Американская общественность сомнительно отнеслось к стремлению истеблишмента провести военную спецоперацию. Противники действующей администрации и многие крупные медиа-издания предрекали, что Персидский залив может стать для США очередной ловушкой под стать Вьетнаму.

Тем не менее, операция «Буря в Пустыне» завершилась успешно, что фактически нивелировало антимилицаристские настроения. СМИ начали нахваливать военное командование за оперативность, а свыше 80% американских обывателей сочли оправданным применением силы [5]. Сокрушительная победа Персидском заливе стала символом возрождения военной мощи Америки. 1 марта 1991 г. президент Дж. Буш выступил со специальным обращением, где заявил: «Это день гордости для Америки. Мы раз и навсегда покончили с «вьетнамским синдромом» [2, с. 131].

Коллективный страх американской нации перед новым масштабным конфликтом ослаб, но утверждать о полной ликвидации Вьетнама из памяти – было нельзя. В течение следующих лет республиканская администрация столкнулась с перечнем других локальных кризисов, но категорически отказалась от применения военной силы. Данную сдержанность Дж. Буш объяснял уроками Вьетнама, согласно которым военная интервенция возможна только тогда, когда «военные убедят меня, что смогут справиться с задачей». Подобным образом «вьетнамский синдром» до сих пор пульсировал в Америке. Это касалось не только обычного населения, но даже высшего руководства страны.

В 1993 г. новым президентом США стал Б. Клинтон, что ознаменовало 4 этапа противостояния Америки и «вьетнамского синдрома». Во время правления Демократической партии, США применяли военную сил больше, чем когда-либо с момента войны во Вьетнаме. Наиболее серьезным кризисом, который пришлось решать администрации Б. Клинтона, явилась гражданская война в Сомали. Осенью 1993 г. в г. Могадишо спецподразделения вступили в бой с

отрядами сомалийского национального альянса, в результате чего потеряли существенные потери. События на африканском континенте шокировали американское общество, вызвав в коллективной памяти ассоциации с «вьетнамским наследием» [7, с. 90]

Резкий общественный резонанс вынудил Белый дом спешно покинуть Сомали. С тех пор Вашингтон продолжал применять силу в различных точках мира (Босния, Гаити, Косово), но отныне делал это с особой осторожностью. В частности, события в Сомали стали главной причиной, из-за которого в 1994 г. Белый дом отказался от вторжения в Руанде, где впоследствии во время геноцида было убито около 1 млн. человек. Позднее Б. Клинтон признает отказ от введения военного контингента в африканскую страну одной из главных ошибок своего президентства.

Американское правительство желало верить, что с «вьетнамским синдромом» покончено, но как показали события в Сомали – это не так. Трагедия в Африке в один момент раскрыла старые шрамы Вьетнама и породила в Америке волну антивоенных протестов. На тот момент мнение американцев о применении военной силы было настолько неустойчивым, что любые потери среди военнослужащих непременно вели к ликвидации поддержки милитаристских авантюристов правительства. Белый Дом фактически пребывал в заложниках у американской общественности.

С приходом к власти Дж. Буш-мл, стартовал 5 этап борьбы США и «вьетнамского синдрома». Определяющим звеном в новой политике Вашингтона стали террористические акты 11 сентября 2001 г., которые унесли жизни около 3000 тыс. американцев. Терракты в Америке, погрузили страну в состояние шока, где ответной реакцией стал гнев и желание произвести «возмездие» [6, с. 64] «Войну против терроризма» поддержали свыше 90 % американцев, а когда президент на заседании Конгресса объявил о намерении найти и уничтожить всех организаторов терактов, переполненный зал взорвался бурными аплодисментами.

События 11 сентября нанесли существенный удар по «вьетнамскому синдрому», что фактически дало американскому правительству право свободно применять военную силу в любой точке земного шара. Война против терроризма началась с Афганистана, но позже карта спецопераций распространилась на Юго-Восточную Азию, Аравийский полуостров, Восточную Африку, а в конечном итоге

дошла до Ирака, где был смещен режим С. Хуссейна [1, с 138]. На старте американская армия достаточно эффективно вела боевые действия, а число потерь было минимальное, но проблемы США проявились тогда, когда пушки отгремели и настала пора дипломатии [3, с. 82].

Когда режимы в Афганистане и Ираке были свергнуты, США пришлось самостоятельно формировать государственные и политические органы в этих странах. За следующие 8 лет, Белый дом столкнулся с перечнем проблем, которые не позволяли достигнуть «почетного мира» и покинуть регион. К окончанию президентства Дж. Буша-мл, мнение американского общества о «войне с терроризмом» приняло крайне негативный оттенок, что было в основном связано с неизменным увеличением военных потерь. В памяти Америки вновь всплыл Вьетнам, а к концу 2000-ых гг. в СМИ стали утверждать о появлении «афганского» и «иракского синдромов».

Таким образом, после поражения США во Вьетнаме, в стране появился «вьетнамский синдром. Он нанес сокрушительный удар по американской идеологии «мессианства» и наложил табу на дальнейшие милитаристские инициативы правительства. На протяжении последующих десятилетий Белый дом боролся против проявлений «вьетнамского синдрома», пытаясь избавить американское общество от коллективного страха новой войны. Это противостояние проходило с переменным успехом. На конкретных этапах, когда американские военные силы проводили успешные спецоперации, «синдром» слабел, но как только происходили существенные потери среди военных, в памяти нации моментально всплывало «вьетнамское» прошлое. Этот процесс продолжается по сей день.

В годы «войны против терроризма», «вьетнамский синдром» переключался в подобные ему «афганский» и «иракский синдромы». Общественное мнение, как 30 лет назад развернулось против правительства и вновь стало влиять на внешнеполитический курс США. Примером тому, президентство Б. Обамы и (2008-2016 гг.) и Д. Трампа (2016-2020 гг.), где обе администрации с крайней осторожностью относились к использованию военной силы. Кроме того, ключевой повесткой предвыборной кампании Б. Обамы было завершение войн на Ближнем Востоке и Средней Азии, а Д. Трамп в ходе президентских дебатов назвал эти войны «огромной жирной ошибкой».

Литература:

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Кузнецов Д. В. «Вьетнамский синдром» в общественном мнении США // История современности. 2012. №2. С. 125-135.
3. Сушенцов А. А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. М.: ЗАО Аспект Пресс, 2014. 270 с.
5. American Public Opinion and U.S. Foreign Policy. 1975. The Chicago Council on Foreign Relations. Chicago, 1975.
6. American Public Opinion and U.S. Foreign Policy 1991, Chicago: The Chicago Council on Foreign Relations, 1991.
7. Halberstam D. Title War in a Time of Peace: Bush, Clinton and the Generals. New York, 2001. P. 557.
8. Patman R. The roots of strategic failure: The Somalia Syndrome and Al Qaeda's path to 9/11 // International Politics. 2015. №52. P. 89-109.

УДК 39(4/9)

© **В.Н. Кальниченко**

студент СПбГУ, Санкт-Петербург

Научный руководитель – д. и. н., профессор А.С. Пученков

© **Е.Н. Капканов**

студент ТИ РИНХ, Таганрог

Научный руководитель – д. и. н., профессор Е.Ф. Кринко

V.N. Kalnichenko

student, St. Petersburg SU, St. Petersburg

Scientific supervisor – d. of h. s., professor A.S. Puchenkov

E.N. Kapkanov

student, TI of RSEU (RINH), Taganrog

Scientific supervisor – d. of h. s., professor E.F. Krinko

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ СТАНИЦ И ХУТОРОВ НИЖНЕГО
ДОНА: ОТ РЕЛИГИОЗНОГО «РЕНЕССАНСА»
К «ЛИКВИДАЦИИ ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ КЛАССОВ»**

**RELIGIOUS LIFE IN THE COUNTRY STATIONS AND STEADING
OF THE LOWER DON: FROM THE RELIGIOUS “RENAISSANCE”
TO THE “LIQUIDATION OF THE EXPLOITING CLASSES”**

Аннотация. В данном исследовании авторы рассматривают период относительной легализации религиозных общин в условиях Великой отечественной войны на территории Нижнего Дона, за которым последовали изменения в церковно-государственных отношениях и последовательные антирелигиозные действия. Послевоенная антирелигиозная деятельность государства привела к закрытию более 150 церквей и молитвенных домов, их ликвидация не стала исключением. Строительство Цимлянского водохранилища привело к затоплению сел и хуторов, разрушению церквей и древних казачьих кладбищ.

Annotation: In this study, the authors consider the period of relative legalization of religious communities in the conditions of the Great Patriotic War on the territory of the Lower Don, followed by changes in church-state relations and consistent anti-religious actions. The post-war anti-religious activities of the state led to the closure of more than 150 churches and

prayer houses, their liquidation was no exception. The construction of the Tsimlyansky reservoir led to the flooding of villages and farms, the destruction of churches and ancient Cossack cemeteries.

Ключевые слова: религия, церковь, молитвенные дома, община, Нижний Дон, антирелигиозная деятельность

Keywords: religion, church, prayer houses, community, Lower Don, anti-religious activity

Трагические события начала Великой отечественной войны ускорили относительную легализацию религиозно-конфессиональных групп. Религиозные общины были использованы с целью поддержания военно-патриотического духа, в свою очередь, «церковники» инициировали сбор материальных средств на помощь фронту. В 1943–1944 гг. были образованы два органа курирующих религиозный сектор: Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР и Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. В контексте этих перемен отметим выступление Председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова, который обозначил функцию данных госорганов относительно церковной институции. «... Мы должны изучать, в каком направлении развивается деятельность церкви, ее приемы и методы работы, влияние на верующих и т.д. Для того, чтобы выработать наиболее правильные и эффективные меры к ослаблению влияния церкви, нужно всесторонне знать своего идеологического противника» [12, л. 183]. В условиях военного времени различные религиозные институции становились лишь инструментом для привлечения граждан к своей идеологии. На примере оккупации Ростовской области в 1942–1943 гг. можем увидеть две тенденции. Первая характеризуется неоднозначным отношением высших церковных иерархов и рядового духовенства к немецко-фашистским войскам. Если же Таганрогский епископ Иосиф (Чернов), имея контакт с немецкой администрацией, 28 августа 1942 г. отказался зачитывать речь при освящении Никольского собора, то его коллега по цеху епископ Ростовский Николай (Аммасийский) развернул с рядовым духовенством активную пронемецкую пропаганду [11, с. 370–371]. В г. Шахты протоиерей Василий (Дмитриев) в период оккупации обратился в бургомистерство с целью отправления богослужений. Немецкая администрация, одобрив эту инициативу, выделила «... помещение начальной школы ... строительный материал и рабочую силу» [11, с. 372]. В 1948 г. он

был осужден и приговорен к 10 годам заключения за сотрудничество с немцами. Достоверно известно, что «за годы войны и послевоенный период было открыто вновь 243 церкви и молитвенных дома (115 церквей и 128 молитвенных домов)» [2, л. 1]. Из них «около 200 (или более 85 %) – пришлось на период оккупации» [11, с. 373].

Вторая тенденция заключалась в официальном признании советскими органами (1944–1947 гг.) ранее открытых «церковниками» зданий для отправления религиозных нужд. Например, «Железа добровольно объединить для совершения религиозных обрядов по православному вероисповеданию религиозную общину Казанской церкви, и передать в безсрочное бесплатное пользование молитвенное здание» было направлено «Исполкому Семикаракорского РайСовета Депутатов Трудящихся» 5.06.1944 г. [1, л. 1]. Официальную справку «о регистрации приходской общины православной церкви они получили только 20 ноября 1944 г.» [1, л. 184]. С дозволения Уполномоченного Совета по делам религии при СНК СССР «21 февраля 1947 г. Община верующих церкви ... старообрядцы белокрыницкого согласия Рост. область ст. Маньчская района Багаевский» получила официальную регистрацию [3, л. 1].

Период строительства Цимлянского водохранилища (1948–1952 гг.) совпал со временем смены курса в отношении религиозных организаций. В ходе «сталинской стройки века» переселению были подвержены населенные пункты Ростовской и Волгоградской областей. В зону затопления попало 164 станицы и хутора, 20 православных и 4 старообрядческих храма, включая курени, в которых размещались молитвенные дома (более 3 – Нижний Дон). Не исключением стала ст. Цимлянская и ее белокаменный собор святителя Николая Чудотворца. «Было решено – церковь взрывать. Из Новочеркасска, из танковой дивизии, прислали молоденького... лейтенантика и трех рядовых солдат-взрывников с толовыми патронами и прочим специальным снаряжением... Пожилой казачий народ крестился, некоторые не стеснялись слез, стекавших из глаз, и не вытирали их с лица» [5, с. 162]. По сообщению А.М. Торож (одного из переселенцев хут. Челбин Цимлянского района) «Разгромили монашек, закрыли церковь сделали клуб ... когда церковь перенесли из здания бывшей церкви и сделали интернат для мальчиков» [8]. Несмотря на своевременно принятые меры о переселении жителей с затопляемых зон было принято решение в 1950 г. «О переносе братских могил из

зоны затопления на новое поселение» [5, с. 111]. Из 16 мест массового захоронения в зоне затопления перезахоронили 10 братских могил [5, с. 113]. Однако старинные казацкие кладбища были затоплены, людям приходилось наблюдать плавающие гробы и выброшенные кости, черепа на берег [4]. С 1948–1959 г. было закрыто и снято с регистрации 30 религиозных общин [2, л. 1].

Наиболее ярким в послевоенное время стал период активной антирелигиозной деятельности с 1959–1964 г. В «1959 г. была закрыта 31 церковь (15 %); в 1960 – 53 (25 %); в 1961 – 17 (8 %); в 1962 – 22 (11 %); С 1963 по 1969 гг. количество закрытых храмов значительно сократилось. За этот период было закрыто 20 храмов (10 %)» [13, с. 30]. Одним из жесточайших примеров показательной борьбы с религией было продемонстрировано в ст. Раздорской Раздорского района. По сообщениям информантов эта акция была запланирована на лето 1962 г. «Все население станицы выгнали на бугры» смотреть на разрушение церкви. Наши респонденты единодушно сообщают о двух неудачных попытках подрыва этого храма. Третья попытка принесла свои плоды «... храм завис в воздухе, рухнул...», разделившись на три большие части [6–7].

Самая парадоксальная история закрытия и ликвидации связана с историей Казанской церкви в ст. Семикаракорской. 15 декабря 1959 г. было принято официальное решение о закрытии храма и передаче здания под мастерские и спортивный зал школе № 1. Запросы с просьбой о пересмотре отправлялись «наверх» вплоть до окончательного отказа 31 августа 1967 г. [1, л. 249]. При невыясненных ныне обстоятельствах церковь была взорвана в 1971 г. Эта дата была нами установлена благодаря устному нарративу. Стали также известны детали взрыва: окна «досками обложили да гахнули. Даже ни у кого в хатах да куренях стекла не полопались» [8]. В этой же станице, на месте ликвидированной в 1934 г. Троицкой церкви оставалась нетронутой прилегающая к ней колокольня. По случаю празднования 50-летия советской власти было «... намечено произвести асфальтирование улицы Октябрьской. На пересечении улицы Октябрьской и 15 переулка стоит колокольня бывшей церкви...». Решением Исполнительного комитета Семикаракорского районного Совета депутатов трудящихся 13 августа 1966 г. «произвести окончательное разрушение колокольни путем взрыва». А также

исполком райсовета обязывает «комбинат коммунальных предприятий и благоустройства заключить договор с взрывпромом» [10, л. 5].

Таким образом, проблема относительной легализации религиозных организаций в военных и послевоенный период охватывала 1942–1947 гг. Религиозные институции в условиях войны уверенно заявили о себе, с другой стороны, «церковники» были использованы как инструмент агитации по обе стороны. Послевоенное десятилетие и время «оттепели» перекроили относительную свободу религиозных организаций. Советское государство, видя в религии «эксплуататорский класс» продолжило закрытие храмов и молитвенных домов, не останавливаясь перед возможностью их ликвидации.

Литература:

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р. 4173. Оп. 4. Д. 250. Л. 1;178;249.
2. ГАРО. Ф.Р. 4173. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.
3. ГАРО. Ф.Р. 4173. Оп. 6. Д. 106. Л. 1.
4. Константинов А.А. «Память сильнее времени». Волгодонск.: 2015. 244 с.
5. Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019.
6. Респондент: Борисова Юлия Михайловна 1950 г.р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, станица Раздорская, 1.09.2021 г. Продолжительность 22 мин;
7. Респондент: Калинина Наталья Анатольевна 1944 г.р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, хутор Пухляковский, 24.08.2021 г. Продолжительность 15 мин.
8. Респондент: Панкратов Александр Федорович 1953 г.р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, г. Семикаракорск, 3.01.2022 г. Продолжительность 23 мин.
9. Респондент: Торож Анна Михайловна 1936 г.р. Интервьюер: Капканов. Место проведения: Ростовская область, Цимлянский район, станица Калининская, 1.01.2018 г. Продолжительность 100 мин.
10. Семикаракорский АМ. Ф.Р. 12. Оп. 1. Д. 109. Л. 5.
11. Табунщикова Л.В. Церковная жизнь на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной

войны // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3-6 июня 2015 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 369–375.

12. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р. 9324. Оп. 3. Д. 43. Л. 183.

13. Шадрина А.В. Закрытие православных храмов в 1958–1960 гг. как фактор репрессивной антирелигиозной политики советского государства (на примере Ростовской области) // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 29–33.

УДК 94(4)''15/19''+39

© Д.В. Лебедев

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

D.V. Lebedev

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N. A. Bessilin

ПОЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОССТАНИЯ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

POLISH IDENTITY AND NATIONAL UPRISINGS OF THE LATE XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

Аннотация. Польские национальные восстания в рассмотренный период не были успешны, так как ни одна из поставленных восставшими целей не была достигнута, а их результаты, наоборот, привели к ещё большему усугублению ситуации в Польше. Однако, даже эти неудачи сплотили поляков, а лидеры и участники этих восстаний стали национальными героями польского народа.

Abstract. The Polish national uprisings in the period under review were not successful, since none of the goals set by the rebels were achieved, and their results, on the contrary, led to an even greater aggravation of the situation in Poland. However, even these failures united the Poles, and the

leaders and participants of these uprisings became national heroes of the Polish people.

Ключевые слова: Польша, восстания, Т. Костюшко
государственность, идентичность

Keywords: Poland, uprisings, T. Kosciuszko statehood, identity

В научной литературе понятие «идентичность» часто употребляется в различном смысле и относится к различным сферам жизни: экономической, политической, социальной, культурной, этнической и т.д. Сущность этого понятия заключается в наличии в явлениях, предметах сходных, тождественных, совпадающих свойств: это одинаково относится к материальной и духовной средам. В том числе этот термин может относиться и к явлениям этнополитической жизни, показывая как бы определенный этап их развития, который свидетельствует об одинаковых мировоззренческих, экономических, языковых, ментальных и других отличительных чертах у соответствующего множества людей, находящихся или на общей территории, или связанных другими общественными условиями [7, с.157]. И в том, и в другом понимании идентичности отмечаются ее главные функциональные смыслы – служить границей, отделяющей одно сообщество от другого, и являться объединяющим фактором для сплочения членов этих сообществ. Иными словами, идентичность группы, этнической, национальной, как правило, становится актуальной и проявляется и по линии взаимодействия с другими группами, отличающимися от нее по расовым, этническим и национальным и другим признакам, и по линии взаимодействия внутри ее самой.

Уже с самого раннего средневековья население региона, в рамках которого сформируется в будущем ядро польского государства, находилось на стыке взаимодействия двух миров, восточного (славяне, тюрки, угро-финны) и западного (романского и германского). Такое пограничное положение формирующейся польской народности, конечно, не могло не отразиться и на ее признаках: материальной жизни, религии, языке, менталитете и т.п. Заметное воздействие на этнополитическое развитие польского населения оказывали и процессы государственного строительства в Европе. Постепенно на Западе континента складывается группа мощных, но весьма сходных по многим признакам западноевропейских государств, а на Востоке также

постепенно формируется зона отличного от западных соседей цивилизационного пространства: Киевская Русь – Владимиро-Московская Русь и Золотая Орда – Россия. Таким образом, Польша получила все плюсы зоны своего непосредственного контакта с более развитыми в социально-экономической сфере западноевропейскими странами и испытала на себе все минусы географического и геополитического положения «рубже», когда отношения между странами Запада и Востока принимали форму вооруженного конфликта.

Именно из такого понимания своего геополитического места в общеевропейском цивилизационном пространстве исходили и идеологи польского национального движения. В частности, знаменитый польский драматург Славомир Мрожек определял место Польши как «положение на восток от Запада и на запад от Востока» [8, с.39].

Формирование польской нации и развития ее самосознания началось еще в период объединенного польско-литовского государства, Речи Посполитой, когда она служила источником сырья и продовольствия для формирующихся в западноевропейском регионе капиталистических отношений. Позднее поляки, вместе с западноевропейцами, участвовали в агрессивных действиях против России в период Смутного времени, когда польский фактор серьезно осложнял контакты России с Западом. Также вполне агрессивно поляки действовали и против Украины, что заставило последнюю в середине XVII в. обратиться за помощью к России [1].

Проблемы Польши осложнились в XVIII веке, когда на Западе возникли крупные капиталистического типа державы (Англия, Франция, Пруссия и др.), нуждавшиеся в рынках сбыта и источниках сырья. На Востоке сформировалась мощная Россия, модернизированная волей Петра Великого и расширяющая свои контакты с Западом [3, с. 112-115]. Польша же, в отличие от своих западных и восточных соседей, продолжала жить в условиях постоянной внутривосточной борьбы спесивых шляхтичей, все время оглядывающихся назад, на свое былое величие и не способных вписаться в реалии современного им мира. Этот период включал в себя три раздела страны, и последовавшие за ними 123 года напряженной борьбы польского народа за свое существование, государственность и независимость [8, с. 39].

Когда говорят о национальном движении, обычно это понимается, в первую очередь, как движение за национальную свободу и независимость, как национально-освободительная борьба народа.

Это национально-освободительное движение характерно и для истории Польши XVIII-XIX вв. В это время на ее территории произошло несколько крупных восстаний, во главе которых стояли известные патриотические деятели польского народа: Тадеуш Костюшко, Ян Домбровский, Юзеф Понятовский, Ромуальд Траугутт и другие.

В своей статье я хотел бы рассмотреть несколько массовых восстаний поляков, произошедших в конце XVIII- первой трети XIX веков. Первым из них было восстание под руководством Т. Костюшко, произошедшее в 1794 г., то есть за год до окончательного падения Речи Посполитой. Причинами ему послужили отмена конституции 1791 года, принятой под влиянием Великой Французской революции и, как следствие, весьма прогрессивной и второй раздел Польши. Вернувшись на родину после участия в борьбе за независимость Северо-Американских колоний, Тадеуш Костюшко (1746-1817) сражался с конфедератами за конституцию 1791 г., а затем стал руководителем нового восстания. Оно началось 24 марта 1794 г. и оказалось на первых порах вполне успешным. Т. Костюшко был провозглашен в Кракове верховным главнокомандующим национальными вооруженными силами и получил всю полноту власти в стране. Также был принят «Акт восстания» и Тадеуш Костюшко произвел публичную присягу [2, с. 246].

Восставшие планировали восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г. и вернуть Конституцию 1791 г. Хотя сам Т. Костюшко, другие руководители восстания понимали необходимость широкой общественной базы движения, однако шляхетские реформаторы не смогли решиться на отмену крепостного права, что и оттолкнуло от восстания значительную часть крестьянства. Против Полонезкого универсала, изданного 7 мая 1794 г. и обещавшего отмену крепостного права, выступила большая часть польского дворянства. Объединить всех поляков на основе патриотических призывов не удалось.

Несмотря на все рвение восставших, превосходство в силах было на стороне противника (Австрия, Пруссия, Россия) и выступление, в конце концов, было подавлено. Его результатом стал третий раздел

Польши 1795 г. и окончательное падение Речи Посполитой. Однако национально-освободительная борьба поляков не остановилась. Наоборот, социальная политика восставших, их мужество и героизм служили примером для будущих борцов.

Прежде чем переходить к разбору второго выступления следует, для начала, вспомнить его предысторию. В 1807 по Тильзитскому миру Наполеон, на основе отобранных у Пруссии и Австрии бывших польских территорий, создал Герцогство Варшавское, существовавшее впоследствии под протекторатом Франции [6, с. 23]. Чтобы добиться верности от поляков Наполеон дал им государственность и конституцию, основанную на французской конституции. После поражения Наполеона в 1815 году Герцогство Варшавское вошло в состав Российской Империи в качестве автономного Королевства Польского [6, с. 23]. В том же году Александр I даровал ему конституцию, самую либеральную из существовавших на тот момент. По ней Царство Польское имело собственную армию, количество которой определялось Государем [5, с. 62], свой законодательный орган (Сейм) [4, с. 52-59] и многое другое. Таким образом, с виду может показаться, что поляков все устраивало: у Царства Польского была широкая автономия, действовала прогрессивная либеральная конституция. Но на самом деле это было не так.

Особое возмущение у поляков вызывали постоянные нарушения царским правительством конституции 1815 года. В первую очередь это относилось к ущемлению русской администрацией во главе с Новосильцевым прав и хода работы польского сейма, депутаты которого часто конфликтовали с правительством [6, с. 28]. Царская администрации часто нарушала и свободу печати, которая также была прописана в конституции [5, с. 43]: печатная продукция, изданная в Польше, подвергалась жесткой цензуре. Под правительственный удар попадали и польские школы, многие из которых закрывались [6, с. 28]. Такая суровая политика, противоречащая всяким договоренностям, вызывала большое возмущение у населения Польши. А отсутствие реакции на это возмущение привело к заметному росту антирусских настроений.

Польская шляхта, создала специальное тайное Патриотическое общество, чтобы восстановить Польшу в границах до разделов [3, с. 63]. Но получить поддержку крестьянства шляхте не удалось. Крестьяне были недовольны шляхетским землевладением и не

собирались укреплять положение шляхты, справедливо полагая, что укрепление ее позиций приведет к ослаблению позиций крестьян. Поэтому они предпочитали не поддерживать шляхту в борьбе с русским царизмом, а наоборот, нажимать на нее, требуя облегчения своего положения.

Восстав 17 ноября 1830 г. по примеру революций 1830-1831 гг. в Европе, поляки требовали восстановления Речи Посполитой в прежних границах. Во главе восстания встал Петр Высоцкий. Выступление началось с захвата варшавского арсенала и погрома в Бельведерском замке-резиденции польского наместника [4, с. 66] Однако уже с самого начала в рядах восставших начался раскол между «благородным» течением (Чарторыйский, Любецкий, Немоевский и др.) и «патриотическим» (Лелевель, Высоцкий, Мохнацкий и др.).

Однако в 1831 году восстание было подавлено и 26 февраля 1832 года был принят «Органический статут», которым Польское Царство объявлялось частью России, упразднились сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. Фактически это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

Таким образом, польские национальные восстания в рассмотренный период не были успешны, так как ни одна из поставленных восставшими целей не была достигнута, а их результаты, наоборот, привели к ещё большему усугублению ситуации в Польше. Однако даже эти неудачи сплотили поляков, а лидеры и участники этих восстаний стали национальными героями польского народа.

Литература:

1. Бессилин, Н.А. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / Н.А. Бессилин, Р.Ф. Гарипов, Е.А. Круглов [и др.]; Башкирский государственный университет; ответственный редактор Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (17 – 18 стст.) / Ю.Бохан, В.Голубеў, У.Емельянчык і інш. Мн.: Экаперспектыва, 2004. 344 с.

3. История: курс лекций (для неисторических направлений и специальностей) / Р.Р. Хадимуллин [и др.] Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 432 с.
4. Назиров Р.Г. История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. 2014. №4 (6). С.62-128. [Электронный ресурс] «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-polshi-voosstanie-1830-goda/viewer> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Сергеевский Н.Д. Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814-1881). СПб. 1907. 147 с.
6. Фалькович С. М. (Москва) Польский вопрос в решениях Венского конгресса 1815 г. и причины краха венских договоренностей // Славянский альманах. № 3-4. С. 23-37. [Электронный ресурс] «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskiy-vopros-v-resheniyah-venskogo-kongressa-1815-g-i-prichiny-kraha-venskih-dogovorennostey> (дата обращения: 10.03.2022)
7. Шамлицкая В.В. Проблемы польской идентичности: историографический аспект // Проблемы зарубежного регионоведения: политика, экономика, культура: сб. Науч. Работ преподавателей и студентов. 2018. С. 156-166. [Электронный ресурс] eLibrary.RU. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36361931> (дата обращения: 10.03.2022).
8. Яжборовская И.С. К проблеме национальной идеи в Польше // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. №2. С. 39-55.

УДК 94(47)“17/1917”+39(4/9)

© **А.Р. Мере**

магистрант ПГУ, г. Пенза

Научный руководитель – д. и. н., доцент С.В. Белоусов

A.R. Mere

master's degree student, PSU, Penza

Scientific supervisor – d. of h.s. associate professor S.V. Belousov

**КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ
ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**THE CRIMEAN WAR AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF
THE IMPERIAL IDENTITY OF THE POPULATION
OF THE RUSSIAN PROVINCE (BY THE EXAMPLE
OF THE PENZA PROVINCE)**

Аннотация. На примере Пензенской губернии рассматривается влияние Крымской войны на имперскую идентичность населения российской провинции. Формулируется вывод об уязвимости государственной политики по формированию имперской идентичности в условиях Крымской войны и складывании предпосылок кризиса имперского сознания в России.

Abstract. On the example of the Penza province, the influence of the Crimean War on the imperial identity of the population of the Russian province is considered. The conclusion is formulated about the vulnerability of the state policy on the formation of imperial identity in the conditions of the Crimean War and the formation of the prerequisites for the crisis of imperial consciousness in Russia.

Ключевые слова: имперская идентичность, Крымская война, имперское сознание, Пензенская губерния, взаимоотношения власти и общества.

Keywords: imperial identity, Crimean war, imperial consciousness, Penza province, relations between government and society.

В современных условиях особенно актуальным представляется поиск моделей устойчивого развития многонационального

государства. Распад крупнейших империй Нового времени в начале XX в. обусловил процесс складывания на территории Европы нового политического полотна, основными элементами которого стали государства-нации, базирующиеся на идее моноэтничности. На первый взгляд, империя как форма функционирования многонационального государства показала свою неэффективность. Однако история XX – первой четверти XXI вв. продемонстрировала феномен «циклического движения от империи и обратно» [1, с. 42]. XX в. явил миру пример нового типа имперской идентичности – советской. В настоящее время, по мнению ряда исследователей, на международной политической арене действуют четыре актора, типологизирующиеся в рамках концепта империй – Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Китай и Российская Федерация [3, с. 45]. Таким образом, на протяжении почти трехсотлетнего периода российская государственность имеет имперский характер.

В данном контексте определенный интерес представляет изучение факторов, обеспечивающих, с одной стороны, стабилизацию неустойчивой имперской системы, и, с другой, определяющих возможность возрождения имперской формы государственности после распада. С точки зрения исторической психологии, подобным «цементирующим веществом» в силу своей инерционности выступает имперское сознание социума, являющееся базой для формирования имперской идентичности. Таким образом, имперская идентичность – специфический тип макрополитической самоидентификации на основе интериоризированных в сознании специфических имперских элементов (установок, стереотипов, настроений, переживаний и т.д.), отражающий представления жителя империи об исторической роли своей страны, а также своей принадлежности к империи как специфической форме организации общества и государства [6].

Несмотря на инерционный характер, имперское сознание динамично и способно к трансформации, возможной как в границах наиболее подвижных элементов (имперские настроения, переживания, имперские элементы общественного мнения), так и в самой сути универсалистской идеи, лежащей в основе имперского строительства. Если второй тип трансформаций связан со сменой государственности (от Российской империи к Советскому Союзу, от Советского Союза – к Российской Федерации), то наиболее подвижные элементы имперского сознания способны к изменениям в зависимости от сиюминутной

конъюнктуры. Особенный интерес в данных условиях вызывает трансформация элементов имперского комплекса населения в кризисные периоды, в том числе – в годы войн и военных конфликтов.

Крымская война 1853 – 1856 гг. традиционно рассматривается как один из факторов имперской модернизации середины XIX в. – с точки зрения теории «догоняющей модернизации» война стала своеобразным вызовом западного мира российской власти и социуму [4, с. 105]. Однако это военное противостояние в силу присущего ему межцивилизационного характера и ярко выраженной имперской патетики стало своеобразным «водоразделом», определившим трансформацию ряда компонентов имперского сознания населения Российской империи и, как следствие, имперской идентичности.

Рассмотрение проблемы трансформации имперской идентичности населения российской провинции на примере Пензенской губернии обусловлено рядом особенностей данного региона, испытавшего на себе энергию «имперского движения» во внутреннем его проявлении – процессе колонизации, в ходе которой новые территории становились объектом имперской политики: во-первых, полиэтничностью населения, и, во-вторых, отдаленностью от основных театров военных действий (как следствие – ограниченный доступ населения к актуальной информации).

Представляется, что имперская идентичность является результатом целенаправленной политики государства по разработке и внедрению в массовое сознание населения специфических имперских установок, транслируемых посредством официальной идеологии. Имперская идеология, транслируемая властью посредством различных каналов коммуникации, призвана легитимизировать в глазах населения существующий миропорядок, а также способствовать культурной интеграции имперского пространства [9, с. 129]. К середине XIX в. в Российской империи сложились традиции репрезентации имперской идеологии посредством сакрализации триединой формулы «православие, самодержавие, народность». Однако в условиях Крымской войны традиционные имперские установки претерпевают ряд изменений.

Официальная имперская пропаганда начального этапа Крымской войны преподносила русско-турецкий конфликт 1853 г. преимущественно в религиозном ключе, тем самым придавая военным действиям патетику «крестового похода». В правительственных

манифестах, содержание которых доводилось до масс по различным официальным каналам – от периодической печати по церкви (так, в Пензенской губернии епископ Амвросий назначал оглашение царских Манифестов после окончания Божественных литургий, как было, например, с Манифестом о начале войны [2, л. 4.]), ярко прослеживается универсалистская идея Российской империи – мессианство, ведущая роль в защите православной веры и православных христиан, а также идеологема «высшей миссии русских на Балканах». Вступление в войну европейских держав – Великобритании, Франции и Сардинского королевства – вынудило поменять ряд акцентов. С одной стороны, помощь европейских стран мусульманской Порте только усилило в пропаганде установку об исключительной миссии Российской империи в защите истинной христианской веры. С другой стороны, на данном этапе Крымская война начинает носить для России оборонительный характер, в связи с чем власть обращается к использованию идеологема «отечественной войны»: «И так против России, сражающейся за Православие, рядом с врагами Христианства встают Англия и Франция! Но Россия не изменит прямому своему призванию; и если на пределы ее нападут враги, то мы готовы встретить их с твердостью, завещанной нам предками. Мы ныне не тот ли самый народ Русский, о доблести коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года! Да поможет нам всевышний доказать сие на деле! В этом уповании, подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих Веру Христову, единым сердцем всей России воззовем: “Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Да воскреснет Бог и расточатся врази его!”» [5].

Трансформация основных установок официальной имперской пропаганды, протекала параллельно соответствующему процессу изменений имперской доминанты общественного сознания населения. Наряду с сохранением традиционных стереотипов, изменение наиболее подвижных элементов имперского сознания привело к кризису ряда специфических черт российского имперского комплекса, таких как отрицание самой возможности существования политической культуры, способной вызвать к жизни феномен гражданского общества, господство коллективизма и отрицание индивидуалистических начал [6].

Крымская война вызвала волну патриотического подъема, сменившегося, однако, после получения сведений о первых поражениях русских войск фазой «шока». Этот «шок», как именует

этот феномен в своих воспоминаниях В.Е. Певницкий (в 1856 г. – студент Казанской духовной академии; в 1857 г. – служащий Пензенской семинарии), был следствием как чрезмерного «шапкозакидательства» в отношении противника, характерного для официальной пропаганды начального периода, так и недостатка актуальных сведений о Крымской кампании [7, с. 319]. Таким образом, во время Крымской войны прослеживается своеобразный кризис традиционной модели взаимодействия власти о общества в рамках имперской модели. Снижается уровень доверия к власти и, как следствие, к способности власти самостоятельно отвечать на новые вызовы. Патриотический подъем преобразуется в мощную модернизационную волну, ознаменовавшую возможность формирования гражданского общества в Российской империи.

Фактом, подтверждающим расхождение между транслируемой властью имперской идеологией и имперской идентичностью населения является отсутствие в массовом сознании установок на противопоставление «мы-они» по линии Россия – Европа. Так, в 1855 г., после капитуляции Карса, в Пензенскую губернию в числе военнопленных были направлены два британский офицера – подполковник Генри Этвилл Лейк и майор Генри Лэнгтон Томпсон. После возвращения в Великобританию в 1856 г. Лейк опубликовал мемуары «Карс и русский плен», в которых, в числе прочего, описал отношение населения российской провинции к английским военнопленным. Пензенское общество оказало «несчастливым пленникам» теплый прием: «Боюсь шокировать этим умы добропорядочных читателей, уверенных, что пленник должен быть безгранично несчастен и жалок, да и в целом представителю нашей нации не должно восхищаться милостью, оказанной ему иностранцами. Но, как бы то ни было, мы с моим другом многим обязаны русским за оказанные нам заботу и внимание». «О сердечном и безграничном гостеприимстве моих друзей в Пензе, да и других местах я упоминал уже неоднократно...» [10, с. 286]. Столь теплый прием мог быть вызван специфическим отношением населения к военнопленным, уже не являющимся участниками конфликта, однако наиболее эффективным представляется анализ данного факта с точки зрения бытования традиционного «европоцентристского стереотипа», характерного для имперского сознания населения России.

Религиозный аспект Крымской войны и его эксплуатация в рамках официальной идеологии и внешнеполитических установок был эффективен исключительно в границах имперского социума. Мусульмане, проживающие на территории губернии, были слабо восприимчивы к подобным установкам, поскольку главный имперский параметр – православие – был им чужд. Это положение иллюстрирует следующее наблюдение: рекрутские наборы в период Крымской войны без каких-либо особых проблем проходили в русских и мордовских селах, в то время как татарское (мусульманское) население менее охотно подходило к исполнению повинности и предпринимало попытки уклониться от нее [8, с. 272]. Это наблюдение позволяет говорить о том, что данное основание имперского строительства со временем должно было вступить в фазу кризиса, что на волне роста национального и религиозного самосознания народов Российской империи грозило деградацией имперской идентичности.

Таким образом, имперское сознание как основа имперской идентичности является гибким психическим конструктом, способным к трансформации в зависимости как от внутренних (смена государственной власти), так и от внешних (характер действующей системы международных отношений, войны как кризисные периоды) параметров. Крымская война в силу своего межцивилизационного характера и неутешительных для России результатов стала одним из факторов, способствовавших трансформации отдельных элементов имперской идентичности населения Российской империи – складываются предпосылки для формирования нового типа самоидентификации – гражданской.

Литература:

1. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 52 с.
2. Государственный архив Пензенской области. Ф.5. Оп. 1. Д. 3109.
3. Игумнова Л.О. Имперская идентичность Европейского Союза и России // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32). С. 45-55.
4. Крот М.Н. Крымская война 1853 – 1856 гг. как фактор модернизационного поворота в России // Былые годы. 2017. Вып. 43. С. 103-111.

5. Манифест императора Николая I о вступлении в Крымскую войну Англии и Франции на стороне Турции [Электронный ресурс] // Крым в истории России. URL: <https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/manifest-imperatora-nikolaya-i-o-vstuplenii-v-krymskuyu-voynu-anglii-i-francii-na-storone> (дата обращения 12.02.2022).
6. Никольский С.А. После России [Электронный ресурс] // Независимая газета. 09.10.2013. URL: https://www.ng.ru/ideas/2013-10-09/10_empire.html (дата обращения: 13.05.2021).
7. Певницкий В.Е. Записки протоиерея Певницкого // Русская старина. –1905. Т. 123. № 8. С. 314-334.
8. Понаморев В.И. К вопросу о рекрутских наборах в Пензенской губернии в годы Крымской войны // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3 (35). С. 269-276.
9. Шкурко Н.С. Российский имперский миф как социокультурный феномен // Вестник ЯГУ. 2009. Том 6. № 1. С. 127-133.
10. Lake Henry Atwell. Kars and our captivity in Russia: with letters from Sir W.F. Williams, major Teesdale, and the late captain Thompson. London: R. Bently, 1856. 367 p.

УДК 94(5)''1918/...''+323.1

© **А.В. Хайбулина**

студент БашГУ, г. Уфа

научный руководитель – к. ист. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

A.V. Khaibulina

student, BSU, Ufa

scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shayakhmetov

**ВЛИЯНИЕ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1950-1953 ГГ.
НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ КНДР И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ**

**IMPACT OF THE KOREA WAR 1950-1953 ON THE FORMATION
OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE POPULATION
OF THE DPRK AND THE REPUBLIC OF KOREA**

Аннотация. Эта статья посвящена истории отношений между северокорейцами и южнокорейцами во время Корейской войны 1950-1953 годов и позже. Межкорейский конфликт был одной из самых обсуждаемых тем в мире со второй половины XX в. Корейская война и память о ней стали важными факторами в развитии как двух корейских государств – КНДР и Республики Корея, так и формирования этнической и гражданской идентичностей граждан двух стран.

Abstract. The purpose of this article is to analyze the relations between North Koreans and South Koreans during the Korean War of 1950-1953 and after it. The inter-Korean conflict has been one of the most discussed topics in the world since the second half of the XX century. The Korean War and the memory of it have become important factors in the development of both the two Korean states – the DPRK and the Republic of Korea, as well as the formation of ethnic and civil identity of citizens of the two countries.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, Ким Ир Сен, Ли Сын Ман, Соглашения о перемирии 1953 г., демилитаризованная зона, этническая идентичность.

Keywords: North Korea, Republic of Korea, Kim Il Sung, Rhee Syngman, Armistice agreements of 1953, demilitarized zone, ethnic identity.

Корейская война 1950-1953 гг. является одним из переломных моментов в истории корейского народа и Кореи как государства. Одна из самых кровопролитных войн, состоявшихся сразу же после окончания Второй мировой, разделила страну с богатой многовековой историей и культурой на две части, предопределив разные пути их развития в последующем. Актуальность представленной работы заключается в том, что даже в XXI в. в отношениях между КНДР и Республикой Корея все еще сохраняется глубинный конфликтогенный потенциал, они (отношения) продолжают оставаться неустойчивыми и неопределенными.

И для того, чтобы понять причины конфликта и проанализировать пути преодоления разделенности Кореи, мы обратимся к истории и последствиям Корейской войны. При этом особого внимания заслуживает корейский народ, в результате войны оказавшийся разделенным на две противоборствующие стороны. В ходе войны северокорейцы и южнокорейцы были искусственно отделены друг от друга не только линией государственной границы по 38-й параллели, определившейся в ходе войны и зафиксированной в Корейском соглашении о перемирии, подписанном 27 июля 1953 г. Единый в прошлом народ был принужден продолжить свое развитие в двух параллельных реальностях. Южная Корея выбрала союз с США и странами Запада, преодолев довольно продолжительный период авторитаризма, после создания в 1987 г. Шестой республики встала на путь демократии и ускоренного развития либерально-рыночной экономики. Северная Корея (КНДР) в качестве стратегии развития выбрала социализм радикально-утопического типа, обрекая свое население на изоляцию от всего мира, нищету, разруху и голод. Пути и вехи развития двух корейских государств кардинально повлияли на формирование этнической и политической идентичностей населения Корейского полуострова, разделенного на две части по 38-й параллели.

Еще до начала Корейской войны, когда полуостров был освобожден от японского колониального господства, исторически единая территория постепенно начала распадаться на две части. На раздел Кореи повлияли множество факторов: Северную Корею в 1945 г. освобождали советские войска, создав в этой части страны коммунистические порядки, а Южная Корея, освобожденная армией США, оказалась в сфере влияния американцев. Фактически две мировые державы разделили территорию страны на две

окупационные зоны, начав там организовывать подконтрольные себе социально-политические и государственные институты, выдвигать и поддерживать политических лидеров, способных стать проводниками их политики в Корее. Претендентами на роль лидеров двух частей Корейского полуострова стали Ким Ир Сен на Севере и Ли Сын Ман на Юге.

Однако стремление корейцев к созданию единого государства привело к созданию движения за единую Корею, за избрание единого правительства, а также сближению левых и правых блоков. После завершения Второй мировой войны в Корею вернулось Временное правительство Республики Корея, находившееся в изгнании в Китае. Представители этого правительства в 1946 г. организовали встречу для обсуждения возможности объединения двух частей Кореи. Результатом переговоров стало создание Совместного комитета левых и правых политиков для образования единого корейского правительства [4, с. 446]. Однако американцы, создав Американское военное правительство в Корее (1945-1948 гг.) и подозревая корейское правительство в связях с китайскими коммунистами, начали создание сепаратного правительства Южной Кореи во главе с корейским националистом Ли Сын Маном, специально доставленным из США. Вместе с Ким Гю Сигом и другими корейскими политиками он приступил к созданию временных органов власти, подконтрольных США и настроенных на создание государства, свободного от коммунистов и влияния СССР.

Начавшаяся холодная война внесла свои коррективы в историю Кореи, ставшей одной из ее первых жертв. Как США на Юге, так и СССР на Севере Кореи взяли курс на создание подконтрольных себе политических режимов, призванных проводить курс на объединение страны под своим началом. В этих условиях 14 ноября 1947 г. ООН приняла резолюцию о создании Комиссии ООН по Корее, проведение свободных демократических выборов и выводе иностранных войск из страны.

В условиях отсутствия возможности проведения выборов на территории всего государства, американцы стали организовывать выборы на Юге страны. Против раздельных выборов, неминуемо ведущих к разделу Кореи, выступали корейцы как на Юге, так и на Севере страны. Для корейцев вопрос сохранения целостности государства был очень важен. Это затрагивало не только

экономические, социальные и политические аспекты развития государства и нации, но также привело к вмешательству иностранных государств во внутренние дела Корейского полуострова. Особенное значение имело влияние двух сверхдержав – СССР и США – на Корею после освобождения от японских оккупантов.

Патриотически настроенные корейские политики в 1948 г. организовали Совместное совещание, на котором присутствовали представители партий и общественных организаций Юга и Севера Кореи; была организована также встреча Ким Ир Сена и Ким Ду Бона. Однако усилия Совместного совета не увенчались успехом – 10 мая 1948 г. были проведены сепаратные выборы в Национальное собрание Юга Кореи, а Ли Сын Ман на выборах 20 июля того же года был избран первым президентом Республики Корея. В этих условиях на Севере 9 сентября 1948 г. было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики, первым премьер-министром северокорейского государства стал Ким Ир Сен.

В период 1948-1950 гг. КНДР и Республика Корея стали относительно независимы от внешних сил. Это должно было стать удачным временем для объединения и сохранения единства государства. Однако ситуация только ухудшилась. Примером тому являются Конституции Севера и Юга, принятые в 1948 г. В документах два региона не признавали границы друг друга. В Конституции КНДР определялись границы государства с учетом территории всего Корейского полуострова и столицей в Сеуле, расположенный на Юге. Те же самые границы определяла и Конституция Южной Кореи.

При этом достаточно частыми явлениями стали восстания против власти, в особенности в Республике Корея (Юг). Народ выступал против сепаратистской политики с лозунгами, поддерживающими объединение Севера и Юга. Корейцы не желали разделять свою страну и традиционную культуру, которые строились многими веками их предками. Однако подобные выступления жестко подавлялись властями Южной Кореи.

Несмотря на нестабильное положение между двумя сторонами, лидеры двух частей Кореи пытались достигнуть компромисса. В июне 1949 г. в Пхеньяне был создан Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), в работе которого принимали участие представители обеих частей страны. Организация ставила цели достижения полной независимости своей страны и мирного

объединения [3, с. 466]. ЕДОФ выступал за проведение общекорейских выборов и объединение в один законодательный орган Верховного Народного Собрания КНДР и Национального собрания Республики Кореи. Но эти шаги не дали никаких конструктивных результатов.

Обе стороны, помимо мирного пути, также рассматривали возможности для военного решения возникшей проблемы. Они тайно или открыто заявляли о своей готовности к решительным действиям. Север и Юг подготавливали свои военные силы и укрепляли связи с союзниками: КНДР опиралась на помощь и поддержку СССР и КНР, Республика Корея приобрела поддержку в лице США и прозападных стран-членов ООН. В мире стремительно разворачивалась холодная война – «глобальная геополитическая конфронтация с созданием военно-политических блоков и подготовкой к военному столкновению» [1, с. 166], – превращая Корейский полуостров в поле битвы двух систем и их союзников.

В 1949 г. – начале 1950 г. в очередной раз обострились отношения между Пхеньяном и Сеулом. За небольшой период времени вдоль 38-й параллели произошли от 1274 до 1836 вооруженных столкновений, которые постепенно переросли в Корейскую войну 1950-1953 гг.

Война стала большим ударом для всех корейцев. Страна разделилась на два лагеря. Произошло не просто территориальное разделение полуострова, но раскол единого народа, имевшего многовековую историю. С одной стороны, во время войны корейцы показали свою сплоченность и желание остаться единой страной, но с другой – проявляли ожесточенность по отношению друг к другу на поле битвы.

Во время войны происходила масштабная миграция населения, вызванная с изменением границ демаркационной линии, с перемещением в Северную или Южную Корею сторонников левых или правых сил. Специалисты приводят данные, что в период Корейской войны из Юга на Север страны переместилось около 280-300 тыс. человек, а в обратном направлении – от 650 тыс. до 2 млн. человек [2, с. 148]. Количество лиц, насильственно депортированных на территорию КНДР, составило 83 тыс. человек.

Еще одним показателем того, что корейцы не хотели раскола государства, помимо эмиграции и различных выступлений, выступает история с военнопленными, их количество у обеих сторон, а также последующая судьба. По данным С.О. Курбанова, по состоянию на

декабрь 1951 г. в Южной Корее в плену находилось 111 754 северокорейских военных, а в КНДР – 7 142 южнокорейских. Данные по состоянию на 1954 г. показывали, что в плену оставалось 7 900 северокорейских военных, из которых большинство выразило желание не возвращаться домой и остаться в Республике Корея. При этом 335 южнокорейских пленных по своему собственному решению решили остаться в КНДР [4, с. 480]. В ряде случаев причиной миграции становилось проживание родственников в том или ином регионе, а не политические пристрастия корейцев.

Однако сражения и методы ведения боя в ходе конфликта оказались весьма безжалостными. Кроме того, войска противоборствовавших сторон прибегали к пыткам и казням военнопленных, часто убивали раненых солдат противника. Одно из самых жестоких и кровавых событий в ходе войны произошло в местности Синчхон (провинция Хванхэ-Намдо, КНДР). С 17 октября по 7 декабря 1950 г. южнокорейские вооружённые силы и американские войска в течение 52 дней осуществляли массовые казни местного населения. В ходе убийств, осуществлявшихся самыми изощренными и негуманными способами, было убито около 30 000-35 000 гражданских лиц. Эти массовые убийства получили название «Синчхонская резня».

В итоге, Корейская война унесла огромное количество жизней, оставив кровавый отпечаток в исторической памяти целой нации на долгое время. Число жертв все еще оспаривается учеными. Так, известный российский кореевед С.О. Курбанов приводит такие данные об общих потерях в войне: погибших – 1,5 млн. человек, раненых – 360 тыс. [4, с. 131]. Ведущий российский историк-международник А.В. Торкунов называет потери северных корейцев и китайцев в 2-4 млн. человек, южнокорейцев – 400 тыс., американцев – 142 тыс. человек [7, с. 342].

После окончания войны Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика стали развиваться как два независимых государства, которые даже после подписания Соглашения о перемирии 1953 г. официально не признали друг друга. Проблема объединения Кореи стала важнейшей и одновременно наиболее трудноразрешимой задачей для обеих сторон. Следующие 30-40 лет обстановка между Севером и Югом была очень неустойчива. Возникало достаточно много конфликтных ситуаций, наиболее известные из них: покушение

на Пак Чон Хи в 1968 г., Рангунский теракт в 1983 г., взрыв Boeing 707 над Андаманским морем в 1987 г. и т.д. Только начиная с конца 1990-х гг. начались активно предприниматься попытки установления мирного диалога и взаимодействия между Севером и Югом [5, с. 88].

На сегодняшний день отношения между КНДР и Республикой Корея находятся в состоянии неопределенной устойчивости. В апреле 2018 г. на приграничной территории Пханмунджом состоялась встреча на высшем уровне лидеров двух корейских государств. Президент Республики Корея Мун Джэ Ин и высший руководитель КНДР Ким Чен Ын в ходе встречи выразили готовность к сохранению мирной обстановки на Корейском полуострове, стремление к сотрудничеству и объединению в будущем [3, с. 125].

Однако северокорейцы и южнокорейцы в отношении друг к другу имеют весьма противоречивые взгляды. Народ помнит события и результаты Корейской войны и последующих конфликтов, поэтому каждый по-разному относится к представителям соседнего государства. Во время войны было большое количество разделенных семей, когда дети и родители, братья и сестры оказались по разные стороны от границы Севера и Юга, поэтому некоторая часть населения не испытывает антипатию к гражданам противоположной стороны. Другие же помнят насилие и бесчеловечное обращение, проявленное с их близкими и соотечественниками, и вполне возможно, что у них имеются чувства взаимной отчужденности. При этом граждане и КНДР, и Республики Кореи идентифицируют себя как корейцы.

После Корейской войны постепенно стали возникать и закрепляться некоторые различия в культуре северокорейцев и южнокорейцев. После 1953 г. Южная Корея расширила сотрудничество с США, поэтому на Юге начал происходить процесс американизации корейской культуры. В этот же период КНДР направила все свои силы на решение внутренних проблем, укрепление самостоятельного развития. Поэтому в Северной Корее культура и традиции сохранились в повседневной жизни в большей степени.

Таким образом, на основе вышесказанного мы приходим к выводу – Корейская война имела значительное влияние на формирование этнической идентичности у населения КНДР и Республики Корея. После войны межкорейские отношения оставались весьма острыми и натянутыми «как стрела», не раз возникали конфликтные ситуации на Корейском полуострове, которые приводили к военным

столкновениям. Так война разделила на две части не только территорию одного государства, но и ранее единый народ. Сегодня отношения северокорейцев и южнокорейцев остаются неоднозначными. Нельзя сказать, что они ненавидят друг друга, но дружеских чувств они не испытывают, хотя население обеих частей Кореи относится сугубо к одной этнической группе.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / под. ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Ким Г.Н. Республика Корея: Справочник. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. 584 с.
3. Корнев М. С. «Межкорейская оттепель» в отношении Северной и Южной Кореи // Архонт. 2018. № 3. С. 123-127.
4. Курбанов С. О. История Корея: с древности до начала XXI в. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 744 с.
5. Леженина Т.В. О возможности возобновления отношений Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики в свете использования «политики солнечного тепла» // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 2. С. 87-92.
6. Маметьев И.В. Итоги Корейской войны 1950-1953 гг. в отечественной историографии // Вестн. Астрах. гос. техн. ун-та. 2018. № 2. С. 129-133.
7. Торкунов А.В. История Кореи (новое прочтение). Москва: РОССПЭН, 2003. 430 с.

УДК 94(5)''1918/...''+323.1

© Р.Н. Шарипов

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

R.N. Sharipov

BSU student, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

ВТОРАЯ МИРОВАЯ И ПЕРВАЯ ИНДОКИТАЙСКАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

THE SECOND WORLD WAR AND THE FIRST INDOCHINA WAR IN THE CONTEXT OF FORMING THE CIVIL IDENTITY OF THE VIETNAMESE PEOPLE

Аннотация. Статья посвящена национально-освободительному движению Вьетнама периода Второй Мировой войны и первой войны Сопrotивления, влиянию этих событий на самоидентификацию граждан этой страны.

Abstract. The article is devoted to the national liberation movement of Vietnam during the Second World War and the First War of Resistance, the impact of these events on the self-identification of the citizens of this country.

Ключевые слова: Вьет Минь, ДРВ, легализм, патриотизм, независимость.

Keywords: Viet Mihn, DRV, legalism, patriotism, independence.

Вьетнамская государственность имеет многовековую историю. Находясь на южных границах китайской цивилизации, эта страна оказалась под огромным влиянием конфуцианского учения. Китайские институты государственного управления, легализм и иерархическая структура в значительной степени повлияли на социальные нормы и обычаи местных народов. Коллективизм вьетнамского народа во многом исходит из этих обычаев, а также из формы земледелия, которое невозможно вести в рамках индивидуального хозяйства [6, с. 143-145]. Несмотря на значительное влияние китайской культуры,

одними из ярчайших примеров проявления вьетнамских традиций патриотизма являются оборонительные войны против средневекового Китая, позволившие сохранить государственность и самобытную культуру.

Тем не менее, с уверенностью можно сказать, что именно XX век оказал серьезнейшее влияние на самоидентификацию вьетнамского народа. Череда войн, продолжавшаяся с перерывами более двадцати лет, оставила отчетливый след в исторической памяти современных вьетнамцев, который в памяти нашего народа можно сравнить лишь с Великой Отечественной войной.

К середине XX века Вьетнам на протяжении десятилетий находился в колониальной зависимости от Франции. Власть императора Бао Дая была лишь номинальной, а реальную власть представляла колониальная администрация. Попытки французов создать индивидуальные капиталистические хозяйства приводили лишь к обострению социальных отношений и обеднению сельских жителей. Экономика страны была подчинена интересам колонизаторов. С другой стороны, представители элиты имели возможность получить образование в университетах Франции. Серьезное влияние оказывали католические религиозные миссии, особенно на юге страны. Именно представители подконтрольной местной элиты и католического населения формировали социальную базу колониального режима, не считая пришлого французского населения.

Сторонниками национально-освободительного движения во Вьетнаме были такие категории как интеллигенция, пролетариат и крестьянство. Наибольшее влияние на сторонников независимости оказали такие события как Русско-японская война 1904-1905 годов и Великая октябрьская революция. Первое по причине того, что впервые азиатское государство, взяв на вооружение западный научный подход и военную систему, сумело победить европейцев. Революция в России, в свою очередь, дала идеологическую базу национальному движению. Более того, многие индокитайские революционеры находили прибежище и помощь в Советском союзе. Будущий лидер вьетнамского народа Хо Ши Мин впервые познакомился с коммунистическими идеями еще в Западной Европе и впоследствии посещал СССР [10, с. 11-16].

С началом Второй мировой войны, экономика Вьетнама подверглась еще большей эксплуатации с целью облегчить бремя войны для метрополии. В то же время, Франция обещала расширить местную автономию после войны [2, с. 161]. Поражение 1940 года привело к тому, что милитаристская Япония, с разрешения Вишистского правительства, фактически оккупировала Французский Индокитай, явно дискредитировало метрополию в глазах вьетнамцев [1, с. 165]. При сохранении французской колониальной администрации, экономика региона была переориентирована на нужды Японии [2, с. 171-173].

В сложившихся условиях во Вьетнаме сформировалось антиколониальное партизанское движение, возглавленное Коммунистической партией Индокитая (КПИК). В мае 1941 года была образована Лига борьбы за независимость (Вьет Минь). Партизанскому движению пришлось сражаться и с силами французской колониальной администрации, и с японскими гарнизонами. Лидер Вьет Минь Хо Ши Мин в своем воззвании к народу призывал всех сплотиться в борьбе с двойным колониальным гнетом французов и японцев [5, с. 198-199].

К 1945 году японцы терпели поражение за поражением и, опасаясь поддержки французской администрацией войск Союзников, превентивно устроили переворот 9 марта 1945 года. Прежняя администрация была разгромлена и формально провозглашена независимость Империи Вьетнам во главе с Бао Даем. Японцы сделали ставку на лояльные элиты, желавшие формальной независимости и автономии. К тому же, прежняя колониальная администрация была встроена в новый режим [2, с. 196-197]. Тем не менее, партизанское движение набирало силу. В августе 1945 года Хо Ши Мин призвал народ страны подняться на всеобщее восстание. В своих речах он призывал всё общество сплотиться, не смотря на социальные или религиозные различия [9].

В ходе восстания силам Вьет Минь удалось освободить большую часть страны и разоружить японские гарнизоны. Более того, марионеточный император Бао Дай добровольно принял отречение и даже получил должность первого советника Хо Ши Мина. Данный жест по отношению к монарху со стороны революционеров показывает глубину уважения к традиционным институтам власти и к фигуре монарха [4, с. 279-283]. С окончанием мировой войны, 2 сентября 1945 года была провозглашена независимость Демократической Республики

Вьетнам (ДРВ). Новое государство стремилось наладить отношения со странами Запада на равных. Признавалось право частной собственности, а имущество иностранцев подлежало защите. Своеобразным же обоснованием независимости от Франции была безответственная политика в отношении Индокитая, который без боя был отдан врагу. К тому же французская администрация запятнала себя сотрудничеством с агрессором. В декларации независимости также особо подчеркивалось, что вьетнамский народ сам освободился от иноземной оккупации и потому заслужил независимость [3].

Как бы то ни было, в последующие месяцы Франция вернула под контроль свои земли в Индокитае. Напряжение между сторонниками независимости и колониальными войсками привело в декабре 1946 года к вооруженному конфликту. В своем обращении Вьетнама президент ДРВ Хо Ши Мин призывал народ поднять на всеобщую войну Сопrotивления против колонизаторов. Ради окончательной победы сторонники независимости готовы были сражаться до последней капли крови [8]. Война быстро приняла партизанский характер. Надежды французов на быструю победу с каждым годом теряли связь с реальностью. Для вьетнамцев же эта асимметричная война стала настоящей проверкой на стойкость, ведь страна и так пострадала от войн, голода и десятилетий колониальной эксплуатации. Сам вьетнамский лидер регулярно обращался к народу с воззваниями, в которых стремился поднять боевой дух всего движения. Так, после победы коммунистов в Китае и образования КНР национально-освободительное движение получило материальную поддержку и признание со стороны социалистического блока, что было отражено в обращении от сентября 1950 года [7]. Красной нитью через все обращения Хо Ши Мина проходит призыв к соревнованию в поддержке войны Сопrotивления своим трудом.

Французские власти, в свою очередь, видели выход из затянувшегося конфликта в создании легитимного формально независимого правительства во главе с Бао Даем. Созданное в 1949 году Государство Вьетнам контролировало в основном южную и центральную часть страны. Столица располагалась в Сайгоне [4, с. 284-286]. Новообразованное государство вынужденно шло по пути построения капиталистических отношений. Развитию торговли способствовала материальная поддержка США и включение страны во

Французский Союз – объединение бывших французских колоний, сохранявших зависимость в экономической и политической сфере.

Кульминацией войны в Индокитае стала битва при Дьен Бьен Фу, чей конец совпал с началом Женевской конференции 1954 года. В конце концов, в ходе конференции, в которой принимали участие Франция, Великобритания, США, СССР, КНР и ДРВ, стороны пришли к мирному урегулированию. Франция обязалась окончательно покинуть Индокитай в течение нескольких лет. Вьетнам был временно разделен на две части. Последующее объединение должно было произойти после всенародного референдума.

В заключение необходимо сказать, что национально-освободительное движение Вьетнама в основу новой государственности положило близкие народу традиции коллективизма, легализма и патриотизма. Социалистический коллективизм и интернационализм хорошо дополнялся традиционным коллективизмом вьетнамского общества, обусловленного природно-климатическими особенностями региона. В угоду традициям легализма дискредитировавший себя монархический режим не был свергнут в результате царубийства. Напротив, новый режим предпочел демонстративно опереться на предыдущий, что должно было поднять легитимность строя в глазах всех слоев общества. Доказанная на деле возможность защитить страну от колониального гнета выставляли новый строй в крайне выгодном ключе по сравнению с альтернативным зависимым от французов Государством Вьетнам. Более того, все испытания, которые народ претерпевал в годы войны, только усиливают национальную гордость современных жителей Вьетнама.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Губер А.А. История Вьетнама в новейшее время (1917-1965) / А.А. Губер. М.: Наука, 1970. 476 с.
3. Декларация независимости Вьетнама (Ханой, 2 сентября 1945 г.) // Индокитайские войны. Сборник документов / Сост.: Д.В. Кузнецов.

Благовещенск: Благовещенский государственный университет, 2017. С. 7-9.

4. Кобелев, Е.В. Бао Дай, последний император Вьетнама (исторический очерк) / Е.В. Кобелев // Вьетнамские исследования. 2012. №2. С. 251-295.

5. Кобелев, Е.В. Хо Ши Мин / Е. Кобелев; М.: Молодая гвардия, 1979. 366 с.

6. Марченко Е.А. Характерные черты политической культуры современного Вьетнама // Вьетнамские исследования, 2012. №. 2. С. 138-159.

7. Обращение президента ДРВ Хо Ши Мина по случаю 5-й годовщины Августовской революции и Дня независимости (Ханой, 2 сентября 1950 г.) // Индокитайские войны. Сборник документов / Сост.: Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный университет, 2017. С.27-29.

8. Призыв президента ДРВ Хо Ши Мина ко всеобщей войне Сопrotивления (Ханой, 20 декабря 1946 г.) // Индокитайские войны. Сборник документов / Сост.: Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный университет, 2017. С.21.

9. Призыв Хо Ши Мина к всеобщему восстанию (Ханой, август 1945 г.) // Индокитайские войны. Сборник документов / Сост.: Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный университет, 2017. С.6-7.

10. Hearden, P. The Tragedy of Vietnam / P. Hearden. New York: Routledge, 2018. 289 p.

ОСУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

CONDEMNATION OF THE NATIONALIST IDEOLOGY OF THE THIRD REICH AT THE NUREMBERG TRIALS

Аннотация. В настоящей статье раскрываются аспекты юридического процесса и формулировки основных принципов осуждения националистической идеологии Третьего Рейха в ходе Нюрнбергского трибунала.

Abstract. this article reveals aspects of the legal process and the formulation of the basic principles of the condemnation of the nationalist ideology of the Third Reich during the Nuremberg Tribunal

Ключевые слова: геноцид, Нюрнбергский трибунал, национализм, преступления против человечности, идеология, третий Рейх.

Keywords: genocide, the Nuremberg Tribunal, nationalism, crimes against humanity, ideology, the Third Reich.

Внимание к Нюрнбергскому процессу в исторической науке было всегда значимым и с течением времени этот интерес не ослабевает. До Нюрнбергского процесса в истории ни разу не было случая, чтобы международному суду были представлены политические руководители и государственные служащие суверенной государства за совершенные преступления [8].

Лишь только после начала Второй мировой войны воюющие державы начали задумываться над тем, как им поступить с нацистами после победы. Перечень предполагаемых подозреваемых, кого следовало подвергнуть суду, был составлен ещё до капитуляции

Германии. Предполагалось предать трибуналу Гитлера, Гимmlера, Бормана и иных представителей нацистской партии.

В 1942 г. девять европейских правительств в изгнании, включая польское и французское, поставили свои подписи под Сент-Джеймским договором, в котором были намечены планы наказания нацистов за зверства против населения, совершенные ими на захваченных землях.

Во всяком случае, в начале речь шла о военных преступлениях. Сам термин «преступления напротив человечности» ещё не был сформулирован, и тем более еще не утвердился термин геноцид, известный сейчас в международном праве, понимаемый как целенаправленное устранение конкретных групп людей или же совершение иных злодеяний, охватывая устранение языка, культурного наследия и т. д. Геноцид означает целенаправленное устранение определенных групп людей или же совершение иных гуманитарных преступлений, в т.ч. проведение дискриминации на основе языка, уничтожение культурного наследия [3].

С формальной точки зрения в ходе Нюрнбергского процесса не было проведено официальное осуждение национал-социалистической идеологии. Статут Международного военного трибунала не предусматривал рассмотрения характера идеологии нацизма как грубого попрания международного права. Позиция Нюрнбергского трибунала по вопросам национал-социалистической идеологии просматривается косвенно при изучении формирования нацистского режима в Германии, структуры и работы нацистских организаций, признанных преступными, роли главных военных преступников в совершенных преступлениях.

Статут и заключения Международного военного трибунала, иные материалы Нюрнбергского процесса затрагивали, в основном, уголовное преследование лиц, подозреваемых в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

На Нюрнбергском процессе было замечено: «Кредо, которое страстно исповедовал германский нацизм и милитаризм, заключалось в господстве над Европой, а вслед за тем и над всем миром» [6, с. 54]. Вердикт суда характеризовал войну в качестве «преднамеренного и кропотливо приготовленного акта как конкретной части заблаговременно намеченной схемы и намерения вследствие того, что

планы нацистского правительства не появились внезапно в связи с образовавшейся политической обстановкой в Европе и в мире. Они явились заблаговременно предусмотренной и очень значимой частью «наружной политической деятельности нацистов» [6, с. 40].

Распространение нацистской идеологии на оккупированных территориях происходило в следующих формах: освоение захваченных территорий экономически и культурно, втягивание их в орбиту Германской империи; «цивилизация» и «воспитание» и лишение прав местного населения на оккупированные пространства, подмена государственного права оккупированных стран правом Третьего рейха [12]; создание системы особых уголовных судов, устранение профсоюзов, преследование священнослужителей, установление нацистской школьной системы, устранение молодежных организаций, контроль над природными ресурсами [6, с. 73]; аресты и экзекуции в отношении штатских лиц, имущественные преступления (экспроприация имущества, введение коллективных налогов, нелегальные предписания и налоги, инфляция государственной валюты); гонения всевозможных подгрупп, выселение, всеобщее похищение работоспособных лиц; общее истребление, которое велось в масштабах целых государственных подгрупп и народов [6, с. 229-231].

Тот факт, что собственно Нюрнберг не предпринял больше решительных действий в части судебного преследования нацистской идеологии, по-видимому, разъясняется еще и тем, что собственно страшные масштабы данных преступлений не сразу были поняты современниками и не были полностью осознаны незамедлительно [5, с. 115].

Нюрнбергский процесс продемонстрировал наличие политической воли народов мира к закреплению общепринятых мер в области международного правосудия, основанных на гуманистических ценностях, общих для всего мира [10, с. 92].

О Нюрнбергском процессе были написаны множество публицистических и художественных произведений, были выпущены мемуары сотрудников трибунала и очевидцев, сняты киноленты документальной хроники. Воздействие Нюрнбергского процесса на общественное сознание нельзя переоценить, а вклад в вопросы денацификации населения послевоенной Германии огромен. Вместе с тем, решения Нюрнбергского трибунала не были направлены против самого немецкого народа. Главный американский обвинитель на процессе Роберт Джексон заявлял: «Мы желаем объяснить с самого

начала, собственно, что не собираемся предъявлять обвинение всему немецкому народу» [4].

Современный немецкий историк и политолог Эхтернкамп пришел к выводу: «Бесспорно то, что процесс выполнил нужную разъяснительную функцию, и у широких масс не осталось колебаний в намерениях правителей, тем более благодаря преданию гласности деталей преступлений. Также нацистские мифы были лишены почвы» [4].

Процессы денацификации были продолжены союзниками в своих зонах оккупации. Например, американцами были проведены 12 процессов в Нюрнберге в 1946-1948 годах в отношении глав компаний ИГ «Фарбениндустри», Круппа и Флика; министров гитлеровского правительства, генералов вермахта, медицинских работников концлагерей, нацистских дипломатов и юристов. Из 177 подозреваемых 36 были приговорены к смертной казни, 35 обвиняемых были оправданы, а другие были приговорены к различным срокам лишения свободы [5].

Почти все немцы относились к Нюрнбергскому процессу с пониманием [2, с. 130]. Но когда «комиссиями по денацификации» было осуществлено порицание сотен тысяч нацистов низшего и среднего звена, это стало вызывать глухое недовольство. Осужденные в своем большинстве считали, что суды были несправедливы к ним. Некоторым крупным нацистам удалось покинуть Германию (они уехали в Испанию, Португалию, Латинскую Америку) или же смогли получить значительно более мягкие вердикты, чем раньше осужденным нацистам.

Если при проведении личной денацификации было много путаницы и даже несправедливости, то государственная денацификация – ликвидация нацистской партии, нацистских организаций и нацистских законов – проводилась союзниками в духе решений, принятых на Потсдамской конференции глав государств и правительств трех великих держав. Третий рейх был признан преступным государством. В целом, можно констатировать, что денацификация Германии прошла успешно. Основные нацистские преступники были исключены из общественной жизни, арестованы и осуждены.

Но, как отметил немецкий исследователь Бернд Бонвеч, осуществленная денацификация не привела к изменению сознания немцев ни в западных зонах, ни в советской оккупационной зоне в

смысле внедрения в общественное сознание чувства «общей ответственности» за преступления Третьего рейха. Денацификация общественного сознания произошла только со сменой поколений, когда в Германии на политическую сцену вышло поколение 1960-х годов, не связанное с нацистским прошлым [5].

Литература:

1. Бовт Г. Между геноцидом и преступлениями против человечности [Электронный ресурс]. URL: <https://nuremberg.media/lica/20210527/175398/Mezhdu-genotsidom-i-prestupleniyami-protiv-chelovechnosti.html> (дата обращения: 12.03.2022).
2. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
3. Денацификация гитлеровской Германии [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/history/2022-03-24/1_1182_germany.html (дата обращения: 12.03.2022).
4. Как это было сделано: денацификация послевоенной Германии [Электронный ресурс]. URL: <https://politikus.ru/articles/politics/22437-kak-eto-bylo-sdelano-denacifikaciya-poslevoennoy-germanii.html> (дата обращения: 12.03.2022).
5. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты): учебное пособие для вузов / Л. А. Лазутин, М. А. Лихачев, А. Н. Вылегжанин [и др.]; под редакцией Л. А. Лазутина, М. А. Лихачева. Учеб. изд. Москва: Юрайт, 2020. 312 с.
6. Нюрнбергский процесс [Текст]: сборник материалов / [под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) и др.]. Москва: Госюриздат, 1951-1952. 2 т.
7. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками [Текст]: Сборник материалов: В 3 т. / Под общ. ред. Р. А. Руденко; [Вступ. статья М. Ю. Рагинского, с. 5-64]. Москва: Юридическая литература, 1965-1966. 3 т.
8. Нюрнбергский процесс: история и современность: сборник материалов научно-практической конференции (г. Симферополь, 21-22 ноября 2019 г.) / под общей редакцией Н.Н. Колуки, Т.Л. Козлова; сост. И.П. Задерейчук, А.П. Меньшова. Симферополь, 2020. 196 с.

9. Романько О. В Нюрнберге судили не просто преступников, а фашизм как идеологию [Электронный ресурс]. URL: <http://new.crimiz.ru/rubriki/1342-oleg-romanko-v-nyurnberge-sudili-ne-prosto-prestupnikov-a-fashizm-kak-ideologiyu> (дата обращения: 12.03.2022).
10. Тегеран - Ялта - Потсдам [Текст: Сборник документов [трех конф. антигитлеровской коалиции]]. 3-е изд. Москва: Междунар. отношения, 1971. 416 с.
11. Фокин В.И. Уроки Нюрнбергского трибунала и преодоление национализма и ксенофобии в современной России / Фокин Владимир Иванович // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. [№] 7. с. 91 - 102.
12. Целищев А.О. Нацистские планы колонизации «восточного пространства» // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 12.03.2021). Уфа, РИЦ БашГУ, 2021. Т.1. С. 248-257.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 94(47)''17/1917''+323.11

© **А.Ф. Валеева**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Н. Рахимов

A.F. Valeeva

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.N. Rakhimov

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XVIII В. НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА ТЕПТЯРЕЙ

THE INFLUENCE OF THE TSARIST POLICY IN THE VOLGA REGION IN THE XVIII CENTURY ON THE FORMATION OF THE ETHNIC COMPOSITION OF THE TEPTYARS

Аннотация. В статье рассматриваются этнические и демографические процессы, происходившие на территории Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII в. В частности, политика царской власти, проводимая в этот период времени, усложнила этнический состав тептярей и повлияла на процесс формирования сословия тептярей в Башкирии.

Abstract. The article analyzes the ethnic and demographic processes that took place on the territory of the Volga region and the Urals in the XVIII century. In particular, the policy of the tsarist government carried out during this period of time complicated the ethnic composition of the Teptyars and influenced the process of formation of the Teptyar estate in Bashkiria.

Ключевые слова: Башкортостан, Среднее Поволжье, башкиры, тептяри, миграция, восстание.

Keywords: Bashkortostan, the Volga region, Bashkirs, Teptyars, migration, rebellion.

Политика властей часто оказывает непосредственное влияние на этнические и демографические процессы, происходящие в обществе. В частности, в середине XVIII века политика царизма, проводимая в Среднем Поволжье, повлияла на историю тептярей, а именно на этнический состав этой группы населения.

Во многих работах отечественные авторы в той или иной степени писали об этнических и демографических процессах, повлиявших на формирование состава тептярей. Во второй половине XVIII в., когда появляются первые научные работы о тептярях, П.И. Рычков, на основании материалов из рукописи начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, пишет, что тептяри состоят из белых из разных уездов татар, чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов [6, с. 9]. В фундаментальном труде В.М. Черемшанского отмечается, что тептяри составляют отдельное своеобразное сословие из представителей, бежавших по тем или иным причинам из Поволжья в Башкирию, народов, селившихся на башкирских землях за определенный оброк. Отсюда и их этнический состав: татары, марийцы, чувашаи, удмурты, мордва. [7, с. 165-167]. В.И. Витевский называет тептярей «новопришельцами», которые стали заселять Башкирию после завоевания Казани Иваном IV [3, с. 391-392]. В целом, многие авторы дореволюционного и начального этапа советского периода повторяют версию друг друга о начале массовой миграции народов из Поволжья в башкирские земли в XVI в. Они видели в этом главный и единственный фактор происхождения института тептярей. Но их версия во многом является необоснованной и не подкрепленной историческими доказательствами, что подробно в своей работе показал А.З. Асфандияров [1, с. 262-281].

По своему происхождению тептяри являются продуктом социально-экономического и политического развития башкирского общества [1, с. 264]. Они жили на башкирских вотчинных землях на праве «припуска», то есть по устной договоренности с башкирами или на арендных условиях, и тем самым составляли институт припущенников. Изначально тептярями назвались башкиры, которые в силу причин экономического, социально-политического характера, обеднели и были не способны самостоятельно вести свое хозяйство и платить ясак. Эта часть башкир вытеснялась из общины вотчинников, отсюда и некоторые авторы выводят значение слова «тептяр» как «отвергнутый, вытесненный». Институт припуска давал им

возможность заниматься хозяйственной деятельностью, а когда башкиры-тептяри преуспевали в своей работе и крепили, то могли снова вернуться в состав вотчинников и нести налоговые повинности и воинскую службу наравне с остальными сородичами. Со временем состав тептярей пополнялся татарами, чувашами, марийцами, мордвой и удмуртами. Этот процесс был тесно связан с началом массовой миграцией населения Поволжья в середине XVIII в., за которым стояла проводимая царским правительством внутренняя политика в регионе.

На начало массовой миграции и в последствие изменении этнического состава тептярей повлияли несколько факторов.

В первой трети XVIII в. во всей Российской империи Петром I была введена подушная подать. На территории Поволжья это вызвало увеличение числа припущенников, как среди башкир, так и среди других народностей. Из соседних уездов в Башкирию от налогового бремени бежали ясачные татары, чувашаи, марийцы, удмурты, а также русские крестьяне. Они вливались в число припущенников, а среди них наиболее многочисленную группу населения составляли тептяри и бобыли. Они находили состояние «припуска» выгодным, поскольку башкирские припущенники, как и башкиры-вотчинники подушной податью не облагались, а ясачный налог тептярей и бобылей был сравнительно ниже подушного.

Оренбургская экспедиция 1734 г. под начальством И.К. Кирилова внесла свои коррективы в налоговую политику края. Для начала была проведена перепись башкир и их припущенников, а затем был установлен новый повышенный ясачный оклад. Такие меры спровоцировали башкирские восстания 1735-1740 гг. Царское правительство в свою очередь воспользовалась ситуацией и с целью не допустить усиления башкир-вотчинников, внесла раскол в отношения башкир и их припущенников. Это выразилось в специальном указе от 11 февраля 1736 г., по которому припущенники тех башкир, которые приняли участие в восстаниях против власти, освобождались от налоговых обязательств перед владельцами земель. Более того, те припущенники, которые принимали участие в подавлении восстания, могли безборочно пользоваться башкирскими землями. Пожалуй, после подавления башкирских бунтов 30-х г. XVIII в. волна миграции достигла своего наибольшего развития, что часто приводило к конфликтам между башкирами-вотчинниками, чьи земли самовольно захватывали переселенцы [8]. Правительство не препятствовало

миграции, вероятно, царская власть была даже заинтересована в пополнении сословия тептярей, и тем самым увеличения доходов казны.

Этнический состав тептярей обновлялся не только вследствие внешних миграций, но также и внутренних источников. Последствия башкирских восстаний XVIII в. катастрофически сказались на социально-экономическом положении башкирского населения. Башкиры, участвовавшие в восстаниях, лишались своих земельных собственности, статуса вотчинников и были вынуждены занимать положение припущенников и пополнять число тептярей и бобылей [2, с. 742-743].

Ещё одним значимым фактором стала насильственная христианизация населения Среднего Поволжья. Религиозной деятельностью Петра I и Анны Иоанновны была характерна жесткая миссионерская православная политика по отношению к иноверцам. Активно происходила христианизация мусульман и других инородцев путем принуждения и поощрения к принятию православной веры. Это привело к оттоку татарского мусульманского населения, а также части язычников, где преобладали представители мордовского населения, из Казанской и Вятской губерний в Южное Приуралье. Эти группы населения, не желавшие принять навязанную христианскую веру, также пополнили численный и этнический состав тептярей.

Таким образом, политика царских властей по насильственной христианизации, усиление налоговых повинностей, провоцирование и подавление бунтов в Среднем Поволжье в XVIII веке обусловили начало массовой миграции на территорию Башкирии. Эти факторы усложнили этнический состав тептярей и усилили процесс формирования сословия из различных этнических групп. С середины XVIII в. значительное место среди тептярей стали занимать татары и марийцы, а также башкиры, чувашы, мордва и удмурты.

Литература:

1. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. Буканова Р.Г. О демографических процессах на территории Башкортостана в XVIII веке // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1-1. С. 740-743.

3. Витевский В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. Т. 3. 569 с.
4. Крайсман Н.В. Политика российского правительства в миссионерской деятельности в Поволжье и Приуралье: век XVIII. Казань: КНИТУ, 2012. 156 с.
5. Рахимов Р.Н. Тепляри Башкирии в XVII - 60-е гг. XIX в. (социально-экономическое развитие): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р.Н. Рахимов. Уфа, 1993. 17 с.
6. Рычков П.И. История оренбургская (1730-1750) / ред. Н.М. Гутьяр. Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 98 с.
7. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. Губернского Правления, 1859. 472 с.
8. Шаяхметов Ф.Ф. От сословия к нации: кризис родоплеменной системы и укрепление этнической идентичности // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII-XIX веках: проблемы источников и историографии: Сб. статей / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 362-370.

УДК 94(5)+008.001

© С.С. Дедюхина
студент УрФУ, г. Екатеринбург
Научный руководитель – к. и. н., доцент Н. М. Ачан

S.S. Dediukhina
student, UrFU, Ekaterinburg
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N. M. Achan

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ТУРЕЦКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОМАНА ОРХАНА ПАМУКА

THE ROLE OF HISTORICAL MEMORY IN THE FORMATION OF TURKISH IDENTITY THROUGH ORHAN PAMUK'S NOVELS

Аннотация. В статье рассматривается роль исторической памяти в формировании новой культурной идентичности турецкой нации, возникающей в процессе европеизации, на основе анализа романа турецкого писателя Орхана Памука.

Abstract. The article discusses the role of historical memory in forming a new cultural identity of the Turkish nation in the context of Europeanization through analyze of Orhan Pamuk's novel.

Ключевые слова: культурная идентичность, европеизация, восток, запад, Орхан Памук.

Keywords: cultural identity, Europeanization, the East, the West, Orhan Pamuk.

Выгодное географическое и геополитическое положение на границе между Востоком и Западом, Азией и Европой предопределило особенности развития и функционирования турецкого общества. Многовековая история со своими взлетами и падениями сформировала особый тип мышления и мировоззрения, поэтому исторический фактор имеет огромное влияние на развитие разных сфер жизни.

В процессе исторического развития в Турции произошло много изменений: стремительные реформы, радикальное изменение социального порядка, влияние европейской, а позже и американской культур, экономические кризисы. Все это влечет огромное количество

противоречий в социальной, экономической, политической сферах на основе национальных, культурно-религиозных и иного рода проблем.

События политической истории республиканской Турции всегда служили материалом для новейшей турецкой литературы. Присуждение Орхану Памуку Нобелевской премии по литературе за 2006 г. за то, что он «нашёл новые символы для столкновения и переплетения культур» [8], свидетельствует о том, что турецкая литература по праву занимает место в ряду значимых и влиятельных национальных литератур. Именно через призму литературного творчества Орхана Памука как представителя постмодернистской литературы представляется возможность обнаружить ценную информации для составления общей картины противоречий, сформировавшихся в течение длительной истории, а воссоздание этим писателем образов людей с их проблемами, переживаниями отражает национальную идентичность и самосознание.

В своих романах Орхан Памук часто рассуждает на тему исторической памяти о некогда великой Османской империи. Несмотря на то, что империя распалась еще в 1922 г., в мировоззрении людей сохраняется скорбь по ней, и Орхан Памук задается вопросом, почему эта скорбь является преобладающим чувством у стамбульцев.

Эта тема является одной из ключевых в автобиографическом романе «Стамбул. Город воспоминаний». В следующих строчках можно проследить проявление особого представления о жизни стамбульцев: «...достаточно бросить взгляд на окружающую действительность и увидеть, что прошлое продолжает жить в стамбульских руинах» [5, с. 126]. Ощущение грусти является чуть ли не врожденным у каждого турка, кроме того, в языковой картине слово «грусть» имеет несколько обозначений и значений.

Орхан Памук объясняет разницу между тремя словами: *Hüzün* – *Melankoli* – *Tristesse*. Именно эти три слова являются заголовком для 10-й главы книги «Стамбул. Город воспоминаний». Однако в русском переводе все эти три слова объединены в одно – печаль. Между ними разницы не делается, хотя все они имеют особый смысл. По мнению Орхана Памука: «что отличает хюзюн от меланхолии: последняя – это переживание одного человека, а та печаль, о которой говорю я, – это гнетущее чувство, объединяющее миллионы людей, все население огромного города – Стамбула» [5, с. 105]. Такая печаль ощутима, она становится почти видимой, куда бы мы ни смотрели. Слово «*tristess*»

схоже с понятием «hüzün» тем, что оба они обозначают культуру и атмосферу печали.

«Славные времена побед и расцвета османской культуры закончились совсем недавно, и их следы заметны в Стамбуле повсюду» [5, с. 111] – каждое место Стамбула напоминает миллионам людей печаль об утерянной Османской империи. Стамбульцы проживают скорбь вместе. Печаль для Стамбула – добровольный выбор, а не «болезнь, от которой можно вылечиться», и не «беда, из которой нужно выбраться» [3, с. 167]. Величественные мечети, исторические здания, арки акведуков, источники вселяют в сердца живущих рядом с ними миллионов людей тоску об имперском величии. Руины напоминают стамбульцам о том, что величие империи и ее культура остались в прошлом, а на смену им пришли бедность и растерянность.

Орхан Памук уверяет, что для прояснения данной ситуации необходимо обратиться к истории Стамбула после падения Османской империи. По его мнению, город начинает терять свою экзотичность и индивидуальность с приходом к власти Мустафы Кемалья Ататюрка в 1923 г. Турция стала первым в мусульманском мире светским государством, целью которого была объявлена вестернизация и модернизация по образцу Запада с тем, чтобы, как говорил первый президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк, «возвысить свое бытие до уровня наиболее развитых и цивилизованных стран» [9, с. 991]. Османской империи больше не было, на ее смену пришла «маленькая, пытающаяся подражать Западу Турецкая Республика» [5, с. 265]. Для достижения данной цели потребовалась кардинальная ломка всех прежних устоев, внедрение новых общественно-политических и экономических норм и институтов.

Безусловно, Турция, находясь в географическом плане и в восточной, и в западной частях Евразии, неизбежно становится перед выбором системы ценностей, ориентируясь либо на Запад, либо на Восток. В территориальном плане выбор между Востоком и Западом относительно прост. Однако именно духовная культура есть то, что побуждает не к самоизоляции и высокомерному самолюбованию, а к настоятельной потребности приблизиться к иному, понять его, вступить с ним в общение. Как показало время, факторы, принадлежащие культурной сфере, отличаются особой остротой конфликтов.

Конвенциональность деления на Запад и Восток, а также сравнение наций друг с другом в начале романа «Стамбул. Город воспоминаний» выражены не-ясно, т.е. они также условны, и Орхан Памук не говорит сразу о существовании большого противоречия в турецком обществе на почве противопоставления Востока и Запада. С начала своего повествования он лишь задает тему для следующих размышлений – тему раздвоения сознания личности, которая еще только в поиске своей культурной идентичности. Здесь нет конкретных указаний на дихотомию «Восток – Запад», однако она начинает проявляться в повествовании далее.

Орхан Памук рассказывает о том, что еще в раннем детстве и юности его не покидало ощущение существования двойника – «другого Орхана», который живет в другом доме, среди счастливых и спокойных людей, мирно существующих за стенами своих домов. Нельзя не увидеть, как в его личных переживаниях отражается поиск целого народа, который, как и Орхан Памук, «чувствует себя несчастным из-за того, что родился среди развалин и праха рухнувшей империи, в блекнущем и ветшающем от уныния, тоски и бедности Стамбуле» [2, с. 50]. Еще в детстве Орхан Памук чувствовал себя потерянным, не осознавая, почему происходило так или иначе. Поиск самого себя появился практически врожденно так же, как и скорбь по Османской империи. По мнению Орхана Памука, это чувство скорби тесно связано с процессом европеизации в турецком варианте.

«Стремление к европеизации <...> происходило в большей степени не от желания идти в ногу со временем, а от желания поскорее избавиться от оставшихся со времен империи вещей, навевающих грусть и пропитанных горькой памятью. Так после внезапной смерти любимой спешат выбросить ее платья, подарки, вещи и фотографии, чтобы спастись от невыносимых воспоминаний. Построить на месте развалин что-то новое, сильное и могучее, некий модернизированный мир, по западному образцу или нет, не получалось, так что все эти усилия помогали главным образом забыть прошлое. Результатом этого стало разрушение особняков, упрощение и оскудение культурной жизни, превращение домов в музеи неусвоенной, чужой культуры» [5, с. 38]. Таким образом, по мнению Орхана Памука, европеизация является прямым следствием упадка Османской империи. Именно данная позиция объясняет европеизацию в турецком варианте.

Орхан Памук пишет, что люди не пользовались своими гостиницами, превращая их в символ жизни на западный манер [5, с. 15]. Богатые люди не жалели денег на дорогие новшества из Европы, чтобы казаться более европеизированными [5, с. 213]. В клубах выступали второсортные певцы, которые подражали американским поп-звездам [5, с. 108]. Кинотеатры превратились в салоны разврата, откуда выходили люди с виноватым выражением лица [5, с. 107]. Реклама и названия фирм, магазинов и журналов, в большинстве своем заимствованные из английского и французского языков, вроде бы свидетельствуют о том, что Стамбул европейский, но на самом деле европеизация произошла здесь лишь на словах [5, с. 351]. Мечети, леса минаретов, призывы к молитве, весь исторический антураж, казалось бы, говорят о приверженности традициям жизни, но на самом деле они почти забыты. Во всем видна недоделанность, половинчатость, несовершенство.

После установления республики, по мнению Орхана Памука, люди пытались убедить себя в том, что они стали частью более «развитой» цивилизации, отказавшись от наследия Османской империи, но при этом люди смотрели на новую жизнь отчужденно.

Большое противоречие между Востоком и Западом проявляется в различии систем ценностей. Европейские или западные ценности – это верховенство закона над традициями и неписаными правилами, права человека, личная свобода и свобода выбора на каждом этапе жизни человека, свобода совести, слова и мысли, индивидуализм. Эта система составляет основу политической и общественной жизни западного мира. Восточные ценностные ориентиры несколько отличаются – они менее прагматичны, ориентированы на философское понимание мира. Это соблюдение многовековых традиций, строгая приверженность религии, церемониальность социальных контактов, покорность вышестоящей власти, поведенческий регулятив и стремление к самоизоляции. Однако в силу того, что Восток воспринимается неоднозначно, некими «маркерами» являются деспотизм и коллективизм, которые наследуются еще с древнейших времен. Это абсолютно противоположные системы, но за XX в. в Турции получилась некая смесь западного и восточного [1, с. 127].

Памук подмечает, что Турция не является частью Запада, и что жизнь на краю Европы скорее означает для нее наличие большого соблазна подражания Европе в ущерб собственной культуре,

собственной идентичности [7]. Автор считает, что турецкое государство должно меняться, однако вопрос заключался в том – в какую сторону. По его мнению – точно не в сторону копирования Запада, поскольку видеть превосходство других и стараться быть на них похожими – это настоящая катастрофа.

Несмотря на долгий период целенаправленной вестернизации, глубокие исламские корни турецкого общества и культуры до сих пор живы. Орхан Памук как представитель турецкого народа посредством своего творчества стремится выразить неоднозначность турецкой идентичности, показать, что в душе современного турка сплелись воедино и Восток, и Запад, тем самым реализуя давний контакт между двумя цивилизациями, ряд кросс-культурных взаимодействий [6, с. 448]. Сам Орхан Памук говорит: «Я верю в гармонию цивилизаций» [4]. Современный турок одновременно является и мусульманином, и европеизированным членом современного мира. Он не «восточный» и не «западный» – нет абсолютных преград, в том числе возводимых собственной или чужой культурой, которые бы полностью изолировали бы, не позволяя относить к себя одновременно и к Западу, и Востоку.

Таким образом, Орхан Памук характеризует смену османского традиционного мировоззрения новой системой ценностей и правил как лишение индивидуальности его соотечественников. По его мнению, идеология кемализма лишила население возможности чувствовать себя частью устойчивой общности людей. При этом, пережитки Османской империи, по мнению писателя, живы по сей день, отсюда и постоянно звучащий во всех его произведениях мотив несчастья, неполноценности, который связан с той стамбульской печалью, которая является следствием крушения Османской империи и исчезновения ее культуры и объединяет всех жителей Стамбула. Образ города неизменно является ключевым, так как через него транслируются важные для автора идеи, создается исторический и культурный контекст, рассматривается судьба страны и народа.

Литература:

1. Дворцова Д. В. Орхан Памук и интеграция Турецкой Республики в социокультурное пространство Европы: точки напряжения // История и историческая память. 2017. №15. С. 122-131.

2. Дудар Т. Е. В поисках культурной идентичности: Орхан Памук. «Стамбул: город воспоминаний» // Человек. Культура. Образование. 2013. №2 (8). С. 48-56.
3. Макаренко В. П. Город как судьба: взгляд нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул // Гуманитарий Юга России. 2012. №3. С. 163-183.
4. Памук О. «Ни одна жизнь не достойна романа». Орхан Памук о современной Турции и противостоянии Востока и Запада / беседовала Н. Кочеткова // Lenta.ru Новости России и мира сегодня. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/24/pamuk/> (дата обращения 13.05.2021).
5. Памук О. Стамбул. Город воспоминаний. / пер. с тур. Т. Меликли, М. Шарова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 416 с.
6. Coury D. «Torn Country»: Turkey and the West in Orhan Pamuk's Snow // Critique Studies in Contemporary Fiction. 2009. Vol. 50. № 4. P. 340-449.
7. Pamuk explains «Living on the edge» // Hürriyet - Haber, Son Dakika Haberler, Güncel Gazete Haberleri. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/pamuk-explains-living-on-the-edge-10607679> (дата обращения: 01.05.2021).
8. The Nobel Prize in Literature 2006 // The official website of the Nobel Prize – NobelPrize.org. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2006/summary/> (дата обращения 11.05.2021).
9. Ülken Y. Atatürk ve iktisat // Atatürkçü düşünce. Ankara, 1992. 1001 s.

УДК 94(5)

© М.А. Имамудинов

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

M.A. Imamutdinov

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N. A. Bessilin

КИТАЙСКО-ТЮРКСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПЕРИОДА ДИНАСТИИ ТАН И ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

CHINESE-TURKIC OPPOSITION IN THE TANG DYNASTY AND THE PROBLEMS OF ETHNIC IDENTIFICATION

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема влияния на этническую идентификацию китайского и тюркского этносов исторических событий, которые происходили в результате их взаимодействия в период от появления династии Тан до падения Восточного тюркского каганата.

Abstract. This article examines the problem of the influence on the ethnic identification of the Chinese and Turkic ethnic groups of historical events that occurred as a result of their interaction in the period from the emergence of the Tang Dynasty to the fall of the Eastern Turkic Khaganate.

Ключевые слова: этнос, идентификация, идентичность, империя Тан, тюрки, каганат, Азия.

Keywords: ethnos, identification, identity, Tang Empire, Turks, Khaganate, Asia.

Взаимоотношения Китая и кочевников проходят сквозь всю историю Дальнего Востока [1]. Порой они складывались по-разному: от заключения союзов, зачастую брачных, принятия вассального статуса кочевниками, или же частичного либо полного военного подчинения одной из сторон и до объявления кочевниками императорского статуса, нарушения ими границ либо попыткой интегрировать номадов в Китайскую систему управления. События многочисленны, как племена и династии, сменявшие друг друга.

Однако для их отношений была характерна одна неизменная этническая основа, разделение «свой-чужой», которая менялась под влиянием исторических событий.

Взаимоотношения Империи Тан и Первого Восточно-тюркского каганата не стали исключением. Им были свойственны все вышеперечисленные характеристики. Именно в это время этническая идентификация двух народов изменялась. В данной статье мы попытаемся рассмотреть степень влияния исторических событий на эволюцию национального самосознания двух народов.

В целом, первый контакт между династией Тан и каганатом произошел уже во время правления императора Гао-цзу. Его внешняя политика была достаточно мирной, что обуславливалось внутренними проблемами и восстановлением государственного устройства в стране [6, с. 207]. Но также сам Восточный каган был в то время грозной силой. Судя по источникам, Шиби-хан, тогдашний правитель кочевников, имел порядка миллиона войск, причем автор «Тан-шу» отмечает, что «в древние времена северные кочевые [племена] не были столь сильны» [9, с 66-67]. Китайскому правительству приходилось выплачивать большую дань тюркам, а самому императору пришлось признать вассальный статус по отношению к кагану, что, к сожалению, не укрепляло мир на северной границе. Начиная с 620 г. количество набегов со стороны кочевников увеличивалось [5, с. 63]. И за последующие 9 лет было зафиксировано 67 нападений.

Набеги со стороны тюрков не всегда были удачными, из-за чего приходилось каганату увеличивать подати для собственного населения, что в результате привело к ослаблению тюрков на фоне усилившегося джуга. В это же время Китайская династия Тан окончательно сформировалась и укрепилась. После смерти Гао-цзу его наследник Тай-цзун мог уже проводить более смелые внешнеполитические действия и ответить на агрессию со стороны севера. В 628 г. был организован поход против тюрков. Китайцы, взяв инициативу, сокрушили кочевников, а в самом тылу каганата начался мятеж. В результате военных действий и восстаний Восточный каганат пал.

В дальнейшем мы можем говорить о периоде подчинения Китаю в истории восточных тюрков. Однако, некоторые исторические источники говорят об обратном. После покорения тюрков многие китайцы, порядка 1 млн. 200 тыс., вернулись под власть Китая. Но

также в 631 г. Тай-цзун «с помощью золота и шелков выкупил 80 тыс. китайских мужчин и женщин и вернул им домашнее имущество» [3, с. 434]. Что может говорить о том, что каганат еще жил в роле единой политической силы, по мнению Ганиева.

В этот период Танская империя вводит систему цзими. Территория бывшего тюркского каганата делилась на округа и наместничества [8, с. 69], в которых вождь племени назначался на должность главы своего округа. Такая должность была наследуема. В историографии до сих пор не существует единого мнения насчет системы цзими, до конца не ясны их функции и цели введения, которые преследовал Китай [8, с. 107]. Причем устройства округов не отличались от племен, то есть не создавались какие-либо дополнительные административные органы. По мнению Поповой, данная система была лишь «плацдармом для дальнейшего территориального расширения». Причем она подчеркивает, что власть Китая была лишь номинальной. Сам Ганиев считает, что данная система вводилась для создания ощущения единого государства двух этносов: тюрков и ханьцев. Такая политика вполне была свойственна Тай-цзуну. Именно при нем происходит расселение тюрков в самом Китае, тысячи тюркских семей жили в столице Китая, в Чаньане.

Однако мы можем упустить из этой номинальности характер легитимизации власти вождей. Возможно, Китай хотел лишь утвердить их власть над своим племенем, и тем самым подчинить вождей себе, причем не меняя порядка что внутри племени, что в самой иерархии вождей. Таким образом теперь Китай являлся источником власти для вождей.

Однако, после смерти Тай-цзуна, китайская власть слабела в тюркской среде. Вся «дружба народов» держалась на одной личности. Хотя кочевники еще 30 лет были под властью империи Тан, вскоре произошел разрыв и начало нового периода.

В последующие годы Тюркский каганат смог добиться своей независимости. Взаимоотношения между китайцами и восточными тюрками сильно ослабли, ограничиваясь лишь войной и последующей данью для кочевников [5, с. 153].

Как видим, в этих перипетиях разнообразных отношений между тюрками и китайцами имели место и вооруженные конфликты, и торговые связи, и этнические контакты. В результате тесного взаимоотношения этническое самосознание тюрков и китайцев

менялось. Какова же степень влияния этих событий на этническое самосознание двух народов? Для простоты и большего понимания возьмем периодизацию истории Восточного каганата. Всего их три: первый этап охватывает 581 и 630 гг., второй – 630–679 гг. и третий – 679–745 гг. [3, с. 433–434].

Первый этап включает взаимоотношения тюрков и китайцев в период существования китайской династии Суй (581–618) и первые годы династии Тан (618–907). В этот период влияние событий на этническое самосознание минимальное. Мы лишь можем опять упомянуть, что в результате хаоса внутри Китая многие бежали в степь, и были возвращены в Срединное царство только при Тай-цзуне. Причем ему пришлось заплатить каганату немалую сумму, чтобы вернуть 80 тысяч китайских мужчин и женщин, которые уже перешли к кочевому образу жизни. Но это лишь малое число от 1,28 млн. человек, всего 6,25% от общего количества вернувшихся. Также не стоит упускать момент, что эти 80 тысяч китайцев «переваривались» в степи очень продолжительное время задолго до империи Тан. Поэтому влияние на китайское самосознание в тюркской степи было слабым.

Второй этап обычно в историографии любят называть периодом подчинения тюрков Танской империей. После завоеваний тюркских степей Тай-цзун не ограничился одной лишь системой цзими. В источниках известен факт спора между советниками императора, рассуждавшие над тем, как Китаю стоит поступить с целым народом. Одни предлагали расселить тюрков внутри Китая вперемешку с китайцами, тем самым постепенно становясь земледельцами и китайцами. Другие считали, что не нужно оставить их кочевой образ жизни и переселить их на северной границе Китая. Третьи полагали, что если они станут более сильными и более многочисленными, то они «поразят самое сердце Империи». То есть, могли начать бунт. В ответ на это один из советников Вень Яньбо возразил, что «ныне тюрки разгромлены и их остатки пришли к нам в поисках спасения. Не оказать им сочувствия и жалости, бросить их на произвол судьбы – это несовместимо с принципами Неба и Земли». В результате многие тюркские семьи были переселены в Китай, и некоторая часть из них обитали в Чанъане, в столице Китая. Хотя в те годы тяжело было не найти иностранца в столице. Хватило несколько десятилетий, чтобы те привыкли к жизни в Китае. И, к сожалению, для тюрков жизнь в Китае была не долгой. После покушения на Тан-цзуна, император сослал

порядка 100 000 тюрков и 40 000 всадников за реку Суй-юань под командованием Ашина Сымо, который долгое время отказывался покидать китайскую территорию. Но неизвестна судьба тех, кто жил в самом Чаньане, возможно они быстро были интегрированы в китайское общество, и их этническое самосознание изменилось [4, с. 82].

В последнем, третьем, периоде Восточного каганата контакты между тюрками и китайцами минимизируются. Примерами может служить лишь военные столкновения между тюрками и китайцами, где последние напрямую называли кочевников бандитами. То есть разграничение между «свой-чужой» имела отрицательный характер. Если до этого китайцы более толерантно относились к тюркам, прощая тем те или иные поступки, либо же безразлично к ним относились, то теперь к тюркским сепаратистам китайцы относились в абсолютной мере негативно [2, с. 119].

Мы можем проследить во взаимоотношениях изменения этнического самосознания двух народов. Причем в этих отношениях их влияние друг на друга было обоюдным, но не в равной степени. В первом периоде мы можем найти китайцев, которые перешли на кочевой образ жизни, что свидетельствует об ассимиляции китайцев внутри тюркского каганата. Во втором этапе тюркская этническая идентификация была под большим влиянием китайской, в результате чего многие остались хуся, даже несмотря на переселение части тюрков из Китая. В третьем этапе происходит четкое разграничение между двумя народами. Учитывая все события, мы можем прийти к выводам, что этническое самосознание и тюрков, и китайцев менялось внутри различной для них среды. Что китайцы внутри степи, что тюрки внутри Китая меняли свою идентичность под влиянием среды. Причем «китайский плавильный котел» изменял степняков в большей степени, чем тюркская степь китайскую идентичность. Таким образом, мы можем сказать, что степень влияния исторических событий на этническую идентификацию двух народов была достаточно сильна. В одних случаях многие бежали из страны из-за междоусобиц или политических решений и адаптировались под условия новой среды, в других же случаях из-за исторических событий связь китайцев и тюрков приводило к четкому разделению.

Литература:

1. Бессилин, Н.А. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / Н.А. Бессилин, Р.Ф. Гарипов, Е.А. Круглов [и др.]; Башкирский государственный университет; ответственный редактор Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Ганиев Р.Т. Борьба за независимость восточных тюрков и династия Тан в 679–690 годах. // Вестник Пермского Университета. 2017. №2. – С. 115–121.
3. Ганиев Р.Т. Восточно-тюркское государство в Южной Сибири и в Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII в. // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. статей. – Екатеринбург, 2008. – С. 427–436.
4. Ганиев Р.Т. Танский император Тай-цзун и восточные тюрки в 627–649 гг. // Известия УрФУ. Гуманитарные науки. 2014. №4. С. 76–85.
5. История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в средние века / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; [Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
6. История Китая с древнейших времен до начала XXI: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907). Т. 3. / под общ. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 2021. 991 с.
7. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII– XII) / под ред. З. Г. Лапина. М.: Наука, 1984. – 336 с.
8. Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории. Новосибирск: Наука, 1980. С.103-126.
9. Взаимоотношения Китая с Тюркским каганатом//Хрестоматия по истории средних веков в 3-х томах. Том I. Раннее средневековье / Отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. – М.: Соцэкгиз, 1961. С. 66-69.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКИСТАНЕ

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY IN MODERN UZBEKISTAN

Аннотация. В представленном исследовании рассматривается роль исторической памяти в формировании и развитии этнической идентичности в Узбекистане после распада СССР.

Abstract. The present study examines the role of historical memory in the formation and development of ethnic identity in Uzbekistan after the collapse of the USSR.

Ключевые слова: Узбекистан, этничность, историческая память.

Keywords: Uzbekistan, ethnicity, historical memory.

В неспокойном XX в. для стран, входивших в состав Российской империи, затем в состав СССР, особую важность имел и продолжает сохранять вопрос становления и развития национальной идентичности. С этим вопросом тесно связан аспект исторической памяти народа, этноса. Именно историческая память помогает сформировать осознанное народом единство, продемонстрировать каждому жителю того или иного национального региона важность патриотизма и общность целей. Узбекистан не является исключением. По этой причине особенно важно и актуально исследовать развитие и формирование этнической идентичности под влияние исторической памяти в Узбекистане в наши дни.

Одним из базовых аспектов этнической идентичности для Узбекистана в последние тридцать лет стал религиозный Ренессанс. В

рамках существовавшего в СССР строя религия отрицалась, а следовательно, на правительственном уровне стремились предать забвению колоссальное количество скреплявших ранее различные народы духовных основ. После распада СССР в Узбекистане в том числе начинается активный возврат к традиционным для региона религиозным ценностям ислама [4]. Именно религия является особо важной составляющей развития современного Узбекистана и формирования этнической идентичности на новом уровне.

Следующей важной составляющей стало переосмысление всего длительного исторического процесса развития региона и народа, проживающего в нем. В периоды развития Узбекистана в составе Российской империи и СССР история Узбекистана исследовалась, формировались региональные исторические школы, которые занимались комплексом проблем, связанных с формированием этнической идентичности [1]. Но задачи у этих школ были несколько иные. Необходимо было обосновать дружественные отношения между центральными регионами и Средней Азией. В период после распада СССР, такая задача больше не стояла перед исследователями. После 1991 г. в Узбекистане начинает формироваться собственный, особый взгляд на национальную историю. Историческая память начинает восприниматься как источник укрепления единства государства и народа в случае должной трактовки. Исторические события начинают трактоваться с целью укрепить единство, а не рассеять [1].

С первых дней обретения независимости Узбекистаном на повестку дня встали вопросы изучения происхождения узбекского народа и его государственности. Первый Президент И. А. Каримов, глубоко осознавая чрезвычайную важность изучения данного вопроса для независимого государства Узбекистан, в беседе с группой учёных-историков призвал их к проведению научного исследования проблемы «Узбекский народ и его государственность». Как сказал Первый Президент И. А. Каримов, «Если у нас нет самостоятельно мыслящих людей, если мы сами не восстановим и не напишем правдивую историю своего государства, народа, нации, ее напишут другие и подругому. И хорошо, если ограничатся написанием, но ведь постарайтесь направить подрастающее поколение, и даже ученых, в свое русло» [3].

В своем произведении И. А. Каримов подчеркнул, что до недавних пор нашу историю за нас писали другие. Они стремились

внедрить в сознание нашего народа своё видение истории. Поэтому не всегда верны оценки, аналитические заключения о нашей истории, которые давались извне. Пользуясь творческой свободой, обретённой благодаря независимости, пришло время написания своей истории своими силами, «до каких пор мы будем оценивать свою историю чужими мерками?» [3].

К ключевым историческим событиям, которые играют особую роль в формировании современной этнической идентичности узбеков относятся следующие: 31 августа 1991 г., когда И. Каримов объявил о независимости и суверенитете Узбекистана; 29 декабря 1991 г., когда был проведен всенародный референдум в Узбекистане об одобрении провозглашения независимости (по результатам – 98,3 % проголосовали «за» независимость) [2]. Еще одним событием, важным для запуска нового этапа процесса формирования национальной идентичности в Узбекистане стало избрание первым президентом Узбекистана Ислама Каримова. Выборы президента проходили одновременно с референдумом об одобрении провозглашения независимости. В дальнейшем он переизбирался четыре раза и являлся президентом страны вплоть до своей смерти в 2016 г.

Именно указанные выше исторические события сыграли ключевую роль в формировании нового понимания этнической идентичности в Узбекистане.

С обретением независимости в Узбекистане стали уделять особое внимание духовно-просветительскому и культурному развитию, истории узбекского народа и его государственности, религиозным и национальным ценностям. 21 октября 1989 г. узбекский язык в стране был объявлен государственным языком. Одна из священных ценностей нашего народа - родной язык обрёл законный статус и защиту. Человек, не знающий родного языка, не будет знать свою родословную, будет лишён своих корней, своего будущего [5]. Таким образом, узбекский язык, наряду с флагом, гербом, гимном, Конституцией нашего независимого государства, стал одним из священных символов, защищённых законом.

Благодаря независимости было возвращено народу творчество таких великих поэтов, писателей и мыслителей, как Ахмад Яссави, Бакиргани, Ходжа Ахрор Вали, Хусейн Байкара, Машраб, Феруз, которые рассматривались как представители религиозной и придворной литературы, а также несправедливо обвинённых в

национализме Чулпана, Фитрата, Бехбуди, Усмана Насыра, Абдуллы Кадыри, Мунаввар-кары, и большими тиражами изданы их произведения.

Наконец, с формированием узбекского народа складывался его национальный характер, присущий узбекам менталитет. Самым важным является то, что в процессе формирования узбекского народа среди узбеков республики усиливается чувство национального самосознания и слово «узбек» признаётся всеми в качестве общенационального этнического названия.

Таким образом, в рамках проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. В современном Узбекистане вопрос формирования этничности тесно связан с рядом исторических событий, которые запустили новый этап ее формирования. Все они связаны с обретением Узбекистаном независимости и развитию суверенного государства с 1991 г. по наши дни. Помимо исторических событий, основой этнического единства Узбекистана продолжают оставаться единая религия – ислам, и государственный язык.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / Н. А. Бессилин, Р. Ф. Гарипов, Е. А. Круглов [и др.]; Башкирский государственный университет; ответственный редактор Ф. Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Главные события и явления, сформировавшие независимый Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: <https://nova24.uz/story/glavnye-sobytiya-i-yavleniya-sformirovavshie-nezavisimyy-uzbekistan/> (дата обращения: 10.03.22).
3. Каримов И. А. Без исторической памяти нет будущего. [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/iakarimov-bez-istoricheskoy-pamyati-net-buduschego-3138883.html> (дата обращения: 10.03.22).
4. Олкотт М. Б. Очерк истории ислама в Узбекистане. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/09/11/ru-pub-49351> (дата обращения: 10.03.22).
5. Очерки по истории государственности Узбекистана. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/162465118.pdf> (дата обращения: 10.03.22).

6. Фролова, И. В. Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан / И.В. Фролова, А.И. Уразова // Новейшая история России. 2020. Т. 10. – № 4. – С. 1019-1031.

УДК 323.11

© **К.Р. Файрузова**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.Р. Салих

K.R. Fairuzova

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate Professor N.R. Salikh

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАНСКИХ ТАТАР

FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE KAZAN TATARS

Аннотация. в статье рассматривается формирование татарской национальной идентичности, выделяются факторы, оказавшие влияние на этот процесс. В частности, анализируется влияние и роль исламского фактора в развитии национальной идентичности татар.

Abstract. the article examines the formation of the Tatar national identity, highlights the factors that influenced this process. In particular, the influence and role of the Islamic factor in the development of the national identity of the Tatars is analyzed.

Ключевые слова: ислам, идентичность, татары, джадидизм, конфессии, секуляризация.

Keywords: Islam, identity, Tatars, Jadidism, confessions, secularization.

В настоящее время большое количество историков и духовных деятелей склоняются к более упрощенному видению роли ислама в формировании национальной идентичности татар. Ислам в ряде

источников объявлялся, в том числе, и «единственным фактором к объединению татар» [3, с. 112]. Кроме того, существует ряд работ, посвященных роли исламского письменного наследия в формировании религиозного сознания тюркоязычных народов Урало-Поволжья [4, с. 120]. Однако нельзя умалять роли иных факторов, которые стали одними из «двигателей» развития национальной идентичности. Для того, чтобы доказать или опровергнуть этот факт, необходимо проследить развитие ислама среди тюркских народов на примере казанских татар.

Актуальность исследования обуславливается повышенным интересом современных ученых к проблеме национальной идентичности народов и важностью в нем религиозного вопроса. Надо отметить, что в историографии нет единого мнения о роли ислама в формировании национальной идентичности казанских татар, что и стало поводом для анализа явления в данном исследовании.

Ислам является религией, зародившейся на Аравийском полуострове и по сути не имеющий до определенного периода ничего общего с тюркоязычными народами. Татары к тому времени были язычниками, поклоняясь различным богам, в том числе Тенгри – Богу Неба. Таким образом, первостепенный шаг на пути к становлению идентичности был сделан без какого-либо участия ислама.

Первоначально распространение ислам среди татар получил в 922 г., когда тюркские народы находились еще в составе Волжской Булгарии. Однако никаких гонений на остальные верования не было, что позволяло ужиться различным религиям в одном государстве. Дальнейшее распространение среди татар ислам получил в Монгольской империи, когда хан Узбек в 1312 г. объявил ислам официальной религией [5]. Как и прежде, языческая вера не подвергалась каким-либо репрессиям, исламизация не достигла огромных масштабов, что четко прослеживается в ряде татарских эпосов и произведений XIV-XV вв. Исламизирована была лишь татарская знать, которая была близка к монгольским правителям и чиновникам. Однако процесс уже был запущен, и население приобщалось к исламским канонам.

Ислам в этот период не получил должного распространения на всей территории Орды и не стал фактором для консолидации сил народов, населявших ее, что доказывается скорым распадом некогда великой империи. Вскоре отделившееся Казанское ханство было

присоединено Иваном Грозным к Русскому государству. Антитатарская и антимусульманская политика, проводимая российским царем, привела к русификации части татар, однако основная часть осталась верна своим ценностям и обычаям. Тут большую роль сыграл этнокультурный характер, поскольку религия не получила должного развития, а культура татарского народа к тому времени была уже самодостаточной.

Конец XVIII в. характеризовался законодательным урегулированием религиозной сферы. В 1773 г. был издан указ Синода о терпимости всех вероисповеданий. Также были подписаны указы об определении мулл, о назначениях муфтия и прочие, были построены две каменные мечети в Казани. Таким образом, именно в этот период правители большое внимание обращают на «сотрудничество» церкви и государства. Конец XVIII – весь XIX вв. обычно связывают с ростом самосознания и татарской идентичности под влиянием ислама.

Другим фактором формирования национальной идентичности стало удобное географическое расположение татарских земель, благодаря которым велся «диалог» между Западом и Востоком. В этот период Казань стала торгово-экономическим центром. Общность языка, религии, традиций и обычаев, многовековые культурные, политические и экономические связи поволжских татар с мусульманскими народами Востока способствовали росту авторитета России в этом регионе и укреплению позиций торгового капитала татарских купцов на рынках Среднего Востока. Мечеть как социальный институт не давала достаточных знаний в сфере экономики и ведения торговли, что вело к упадку ее роли в жизни общества. Наблюдалось постепенное снижение и влияния религии.

Важной «вехой» конца XIX в. стала публикация книги Ш. Марджани «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара»), в которой он задается вопросом: «Кто мы – мусульмане или татары?». Ученый четко дает ответ на поставленный вопрос: мы – татары. Соответственно, роль религии в этот период была не столь велика, а на формирование идентичности продолжала в большей мере воздействовать именно общность культуры и языка, а не конфессиональные признаки. Он высказал идею, которая напрямую противоречила идеям мусульманского духовенства, что вело к наращению конфликтов. Решением этого вопроса должно было

заняться новое направление в исламской мысли – джадидизм [1, С. 61]. Оно также встретило сопротивление в среде консервативно настроенных деятелей. Противопоставлен джадидизму был кадимизм.

К проблемам этнокультурного плана в начале XX в. были добавлены экономические, а также, что более важно, социально-политические проблемы. По всей стране наблюдался рост политических движений, выступавших, в том числе, с критикой мусульманского духовенства, которое, по мнению демократически настроенных представителей, уделяли недостаточно внимания проблемам народа [2, С. 23]. Ключевым событием первой русской революции для татарского общества стало народное восстание в Казани 19-21 октября 1905 г. Шакирды ряда казанских медресе выступили против царского режима, тогда как имамы казанских мечетей выступили с поддержкой существующий власти. Это еще раз подтвердило то, что в татарском обществе наступил раскол [3, С. 112.].

После 1907 г. татарский социум более внимание начал уделять проблемам национального развития, религия отходила на второй план. Приход к власти большевиков и образование Советского государства вовсе снизили масштабы деятельности как мусульманского духовенства, так и, в целом, деятельности всех конфессиональных учреждений на территории страны. Причину этого многие современные авторы видят в репрессивных мерах советской власти, направленных против религиозных учреждений и их представителей, однако нельзя не упомянуть о том, что молодое поколение в этот период отходило от религии. Развитие получил процесс ликвидации безграмотности, благодаря которому началось масштабное строительство школ. Необходимость посещения мечетей для получения образования резко сократилась.

Высшей точки развития национального самосознания татарское общество достигло, скорее, к 1917 г., когда татары, наряду с остальными национальными регионами, боролись за свою независимость. Провозглашение Татарской Автономной Социалистической Республики в мае 1920 г. позволило развиваться региону самостоятельно. Больших успехов республика добивалась в социальной, экономической и духовной сферах, не имея особого влияния религии.

В период Великой Отечественной войны государство ослабило политику по отношению к исламу. Тогда начинается постепенное

строительство мечетей, увеличение количества религиозных собраний. Однако возрождение религии было важным для старшего поколения, мышление молодого поколения было уже более секуляризировано от религиозных идей.

Если говорить о процессах, происходящих сейчас, необходимо отметить, что Республика Татарстан является одним из мусульманских центров Российской Федерации, однако здесь, как и в Республике Башкортостан, нет такого следования религиозным канонам, как на Кавказе, или в государствах Центральной Азии. Однако можно с полной уверенностью говорить о возрастании роли ислама в жизни татарского общества, в исследованиях и опросах отмечается, что ислам включен в жизнь людей на уровне быта [6, С. 56].

Исходя из проведённого исследования, можно прийти к ряду выводов. Изначально тюркские народы развивались без влияния на них ислама. При Золотой Орде ислам не был широко распространен среди основных масс населения. Ислам приняла только верхушка татарского населения, остальная часть продолжала исповедовать древние религии. Однако постепенный процесс исламизации был начат именно в этот период. Включение Казанского ханства в состав Русского государства сопровождалось насильственной русификацией, но это не имело особого успеха, поскольку татарская этнокультурная идентичность была уже достаточно развитой. В конце XVIII в. – XIX в. ислам стал важнейшей частью определения национальной идентичности татар, однако процессы, начавшиеся в российском обществе в конце XIX в. поставили мусульманское общество в затруднительное положение. Динамично развивающееся общество желало перемен, однако религиозные деятели не были готовы бороться с новыми проблемами. В советский период произошло частичное разрушение религии, лишь очагами оставались последователи ислама, которые в будущем и стали одними из творцов возрождения ислама в послевоенные годы. Таким образом, исламский фактор в развитии татарской идентичности, конечно, играл свою роль, но она не была столь значительна, как о ней говорят духовные деятели и часть современных историков.

Литература:

1. Галиуллина, Д. М. Специфические особенности «татарского джадидизма» конца XIX – начало XX вв. // Известия Общества

- археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. №3-4. С. 61-67.
2. Мухаметшин, Р.М. Татары и ислам в XX в. (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань: Издательство «Фэн», 2003. 303 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tataroved.ru/publicat/mukham_2003.pdf (дата обращения: 16.03.2022)
  3. Рашитов, Ф. А. О роли ислама в исторических судьбах татарского народа // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. №1 (55). С. 111-115.
  4. Салих Н.Р. Арабографичные рукописи в Башкортостане: исторический очерк. Уфа, 2019. 188 с.
  5. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Ислам в Татарстане: основные черты процесса самоопределения // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. №1. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-v-tatarstane-osnovnye-cherty-protssessa-samoopredeleniya> (дата обращения: 21.03.2022).
  6. Хабенская, Е. Ислам и татарская идентичность // Россия и мусульманский мир. 2006. №2. С. 48-64.

УДК 94+39(4/9)

© **А.М. Фассахов**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент А.О. Целищев

A. M. Fassakhov

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor A. O. Tselishchev

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929 – 1933 гг. И КРИЗИС АМЕРИКАНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

THE WORLD ECONOMIC CRISIS OF 1929-1933 AND THE CRISIS OF AMERICAN CIVIL IDENTITY

Аннотация. В статье рассматривается влияние экономического кризиса на изменения в американской гражданской идентичности. «Великая депрессия» охватила все экономические отрасли, многие люди потеряли работу и, как следствие, возможность прокормиться. Это не могло не отразиться на представлении американцев о капитализме, «американской мечте» и своей стране в целом.

Abstract. The article examines the impact of the economic crisis on changes in American civic identity. The “Great Depression” swept all economic sectors, many people lost their jobs and, as a result, the opportunity to feed themselves. This could not but affect the idea of Americans about capitalism, the “American dream” and their country as a whole.

Ключевые слова: США, экономический кризис, Великая Депрессия, американские рабочие, фермеры.

Keywords: USA, economic crisis, Great Depression, American workers, farmers.

«Великая депрессия» началась в конце 1929 года, причиной тому стал кризис перепроизводства. Первым «звонок», заявившем о кризисе, стало падение курса акций. Цены на акции падали, что вызвало панику в среде акционеров, которые начали их активную продажу, тем самым еще сильнее уронив цены. Потери были

колоссальными, например, акции General Motors, торговавшиеся в докризисное время за 1075 долларов, стали стоить всего 40 долларов. Общая стоимость акции на Нью-Йоркской фондовой бирже оценивалась в 90 млрд. долларов, а летом 1932 года уже 16 млрд. долларов [3, с. 36]. Пострадала и банковская система. Население больше не хранило деньги в банках, а наоборот, старалось активно снять все средства [3, с. 36].

Экономическая система страны была охвачена кризисом. Покупательная способность населения резко сократилась, в связи с этим упал спрос, с низким спросом сократилось производство, и как следствие, увольнение рабочих. Потеря работы еще сильнее снижала потребительские расходы, снижая спрос до рекордного минимума. В 1933 году промышленное производство сократилось на 46% относительно 1929 года [3, с. 36-37].

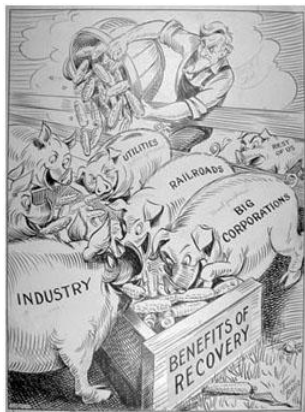
Но пострадали не только акционеры и рабочие, потерявшие работу, кризис коснулся абсолютно всего американского общества. Обвалившиеся цены на кукурузу и пшеницу стали причиной разорения около 1 млн. фермерских хозяйств. В 1933 г. количество безработных достигло 17 млн. человек, а 2,5 млн. потеряли даже жилье. Окраины городов превратились в поселки, заставленные коробками и строительным мусором, где и жили бездомные. Доверие правительству и государству у населения не просто таяло, а обвалилось вместе с рынком [3, с. 36-37].

Положение населения было удручающим, особенно неприятным зрелищем являлись «мертвые города», в которых жизнь будто остановилась. Муниципалитеты, которым перестало хватать денег, решали вопрос недофинансирования увольнением персонала городских служб, даже мусорщиков. В условиях безработицы, люди бежали из городов в села, живя во временках, пытаясь обзавестись хоть каким-то хозяйством (огородом и скотом), чтобы просто выжить [4, с. 50].

Президент Г. Гувер постоянно терял свои позиции. Он выступал против предоставления безработным пособий. А некоторые его реформы с целью выхода из кризиса, наоборот усугубили ситуацию. Например, в 1930 году был принят закон, увеличивавший на 40% пошлины на импорт. Страны, торговавшие с США, ответили на американский протекционистский закон аналогичным способом – повысили пошлины на американские товары. В итоге, многие отрасли

ушли в еще более глубокий кризис, например автомобильная. Около трети фермерской продукции так же отправлялась на экспорт, а после нового закона, эта часть рынка сбыта для фермеров оказалась закрытой [3, с. 37].

Отношение к политике Г. Гувера отразилось в карикатурном творчестве периода «Великой депрессии». На рис. 1 изображена американская карикатура 1931 года, где не кто иной, как дядя Сэм, являющийся по сути олицетворением самих Соединенных Штатов, кормит свиней по имени «Большие корпорации», «Промышленность» и т.д. Свинья по имени «Все мы остальные» стоит по ту сторону забора, и по всей видимости останется голодной. Использование образа дяди Сэма в таком ключе, отображает разочарование населения в американской политике и национальных идеях [6, с. 61].

Рис. 1. Карикатура на политику Г. Гувера из американской газеты 1930-х гг.

Рис. 2. Карикатура из американской газеты 1930-х гг. «Извините, это очередь за хлебом или вы снимать деньги?»

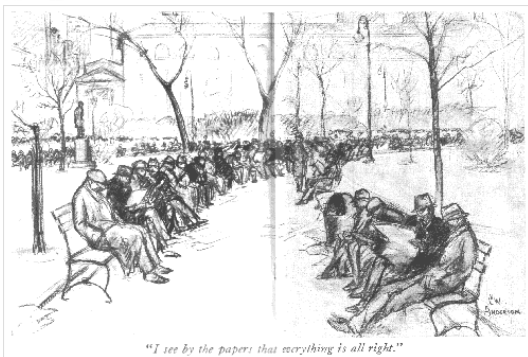
"Scuse me, Buddy, is this the bread-line or a run on a bank?"

"The food's notkin' extra—but you meet some awful nice people."

Рис. 3 Карикатура из американской газеты 1930-х гг. «Еда – ничего необычного, но здесь встречаешь ужасно милых людей»

Рис. 4 Карикатура из американской газеты 1930-х гг. «Я вижу в газетах, что все хорошо»

"I see by the papers that everything is all right."

Другое изобразительное творчество «на злобу дня» (рис. 2-4), демонстрирует нам толпу людей, которые стоят в очереди за продовольствием. Эти рисунки выполнены в сугубо черно-белых тонах, без добавления других цветов. Все люди на рисунках – мужчины, работоспособные, но вынужденные стоять в очередях за хлебом. Даже погода вокруг депрессивна, что понятно, ведь автор хотел отразить не реальные погодные условия, а внутреннее состояние толп людей [6, с. 61-62].

Всеобщее разочарование в «американской мечте», демонстрирует и тот факт, что в период «Великой депрессии» очень популярным стали походы в кинотеатры. Удивительно, но в период экономического кризиса, нехватки еды, многочасовых очередей, количество посетителей в кино только увеличилось. Причина проста – уход от

реальности. В кино люди могли ненадолго забыть о проблемах «снаружи» [2, с. 84].

«Великая депрессия» стала периодом переоценки американских ценностей. Население становилось более циничным и менее доверчивыми. Популярностью пользовались фильмы, в которых изображались образы людей, которые достигали богатства не тяжелым трудом и верой в Бога, а совершенно другими, незаконными методами, что шло наперекор идеям «американской мечты». Пользовались популярностью и фильмы про гангстеров, которым публика больше сопереживала, нежели порицала, например такие фильмы, как «Маленький цезарь» (1930), «Враг общества» (1931). Именно в период «Великой депрессии» стали популярны фильмы ужасов [2, с. 84-85].

На кризис американской гражданской идентичности указывает и желание многих американцев покинуть свою страну. И не просто уехать хоть куда-то, а в далекий и «враждебный» Советский Союз. В 1930-1931 годах торговое представительство СССР в Нью-Йорке «Амторг» объявило о приеме на работу 6 тысяч человек. На объявление откликнулось 100 тысяч человек. Желавших переехать в СССР было так много, что Советский Союз усложнил получение виз физлицам. Более того, некоторые американцы приезжали в СССР нелегалами, оформляя туристическую визу для въезда в Советский Союз, а по приезду пытались найти себе работу, становясь фактически нелегалами [5, с. 295]. Порыв американцев уехать в СССР был довольно коротким, но ярким. С приходом к власти нового президента Ф. Рузвельта, американское общество начало стабилизироваться.

Реформаторская деятельность 32-президента США смогла в определённой мере вернуть веру населения в правительство и в свое будущее в этой стране. Была установлена система страхования вкладов, был сформирован страховой фонд, из которого, в случае банкротства банка, вкладчикам возвращались денежные средства. Это привело к тому, что население снова начало доверять свои деньги банкам. Другой реформой, которая вселяла веру в положительные изменения в стране, стало создание государственной системы социального обеспечения, куда входили пенсия по старости и потери кормильца, появились пособия по безработице, зафиксирована минимальная оплата труда и запрещен детский труд [5, с. 295-296].

Ф. Рузвельт сумел построить доверительные отношения с населением США. Президент США обращался по радио к населению

(«беседы у камина») и простыми словами объяснял какие реформы проводятся в государстве. Это оказало позитивное психологическое воздействие на американцев [1, с. 199-200], как и даже сам факт обращения правительства к нуждам большинства нации.

Безусловно, нельзя сказать, что кризис американской гражданской идентичности закончился с приходом Ф. Рузвельта к власти. Он, как и кризис экономический, продолжился фактически до самого начала Второй мировой войны. Итогом войны для США стал рост покупательной способности населения в два раза, рост экономики, и как следствие, патриотизма. Тем не менее, период «Великой депрессии» навсегда останется временем не только экономических, но глубоких социальных и мировоззренческих потрясений.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Гуськова А.Г., Лапшина И.К. Ф.Д. Рузвельт и формирования психологии успеха в годы Великой депрессии // Личность в истории нового и новейшего времени. 2014. С. 199-201.
2. Зайцева М.А. Роль зрелищных мероприятий в досуге американцев времен Великой депрессии // Известия Саратовского университета. 2011. Том 11. Вып. 1. С 82-86.
3. Лапонов А.В. Великая депрессия и ее преодоление // Мир новой экономики. 2013. Вып. 2. С. 34-39.
4. Шпотов Б.М. «Великая депрессия» в США // Бюллетень научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. 2009. С. 48-52.
5. Шульга М.М. Американская иммиграция в СССР в годы Великой депрессии // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра. 2020. С. 293-298.
6. Шустрова Е.А. Зооморфизмы в американской карикатуре времен Великой депрессии // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 5(54). С. 59-63.

УДК 94(47)"1917/1991"

© **Т.И. Фахрутдинов**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., старший преподаватель Ю. С. Усова

T.I. Fakhrutdinov

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., senior lecturer Y. S. Usova

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВО ВЗГЛЯДАХ И КОНЦЕПЦИЯХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭМИГРАЦИИ

RUSSIAN IDENTITY IN THE VIEWS AND CONCEPTS OF THE WHITE MOVEMENT AND EMIGRATION

Аннотация. В статье рассматривается влияние Революции 1917 года и гражданской войны в России на подходы представителей белого движения и русской иммиграции к русской идентичности, показаны взгляды ряда П. Н. Врангеля, А. И. Деникина, М. Г. Дроздовского, И.А. Ильина.

Abstract. The article examines the impact of the Revolution of 1917 and the Civil War in Russia on the approaches of representatives of the white movement and Russian immigration to Russian identity, shows the views of a number of P. N. Wrangel, A. I. Denikin, M. G. Drozdovsky, I.A. Ilyin.

Ключевые слова: идентичность, нация, религия, белое движение, русская иммиграция.

Keywords: identity, nation, religion, white movement, russian immigration.

Сегодня, после эскалации конфликта между Украиной и Российской Федерацией, российское общество вновь оказалось расколотым. В очередной раз на повестке дня стоит вопрос о русской идентичности, принадлежности к русской культуре и языку. Связано это отчасти с тем, что бывшие регионы Российской империи (Украина и Белоруссия) по идеологии того времени (периода существования империи) считались частью русского народа. После развала СССР эти воззрения начинают снова получать последователей, что к нашему

времени поднимает вопрос об идентичности с новой силой. В истории Российского государства ранее также существовали периоды, в которых остро вставал вопрос национальной идентичности. Таковым является национальная катастрофа 1917 г. и последовавшая далее гражданская война, во время которых произошло падение империи и формирование на ее обломках новой советской государственности [10, с. 178-188]. Именно поэтому сегодня крайне актуально исследовать выбранную тему.

Одной из важных причин национальной катастрофы в России 1917 года явилось участие в Первой мировой войне. Армия России в плане осознания своего долга перед отечеством была более низкого уровня, если сравнивать с другими воюющими странами. Русский патриотизм, ощущение себя как представителя русской нации и долг перед отечеством, очевидно, присутствовали в России, но разница была все-таки значительна. А состояла она в том, что фактически русскими «в полной мере» были офицеры, которые осознавали свой долг и понимали, за что именно они воюют, а вот у крестьян этого сознания было меньше [5, с. 188-190]. «Революция, развалившая солдатский состав армии, закаливает офицерский состав и создает резкий моральный разрыв между малосознательной солдатской массой, пошедшей за лозунгом «похабный мир, но только бы по домам», и офицерством, очистившимся от слабых духом и втянувшим в себя всю квинтэссенцию русского патриотизма. Линия, разделившая впоследствии, в Гражданскую войну, борющиеся стороны на «белую» – по преимуществу офицерскую, и «красную» – по преимуществу солдатскую, ярко здесь намечается» [5, с. 191-192].

После Февральской революции происходит разделение русской армии на две активные части: первая осознает свою русскую идентичность, а вторая, в большинстве своем, не особо мыслит этими категориями. Помимо этого разделения начинают создаваться украинские и белорусские правительства, которые негативно относятся к большевикам, но и русским они, очевидно, союзниками не являются.

Русская идентичность была напрямую связана с белым движением. Особенно ярко это прослеживалось на юге России. Выражено это в патриоте и монархисте Дроздовском, стороннике единой и неделимой России Деникине, а также в других патриотах: Врангель, Корнилов, Алексеев, Краснов и т.д.

В 1918 году начинается активная борьба против большевиков. Началом этих действий являются Ледяные походы, переход Дроздовского из Ясс до Дона. Во время похода Михаила Гордеевича, его отряд проходит по территориям Новороссии. На тот момент на этих территориях находились немцы, австрийцы, красногвардейцы и украинцы. «Весь тон и отношение к нам полны личного уважения, но в полной уверенности, что мы не преследуем патриотических целей, или что их исполнение невозможно... Идти впереди немцев, своим появлением спасать, вторичным появлением немцев будить патриотизм – вот наш триумф, вот наша задача» [7, с. 123-124]. Своим движением Дроздовский желает освободить родину, а также пробудить в обычных жителей русскую идентичность. Врагами в данной ситуации считаются все боевые нерусские соединения на территории Украины в тот момент, потому что так или иначе все они против возвращения старой России.

Также важным моментом в белой борьбе и проявлении русской идентичности являются взаимоотношения Деникина с Польшей. На момент революции Польша и Финляндия отделяются от России, что не признает Деникин и ВСЮР. Суть конфликта заключается в том, что Антон Иванович является сторонником единой и неделимой России, поэтому отделение частей России для него является неприемлемым. Есть еще одно свидетельство – генерала Л. Бербецкого. В своих воспоминаниях он пишет, что Деникин якобы заявил А. Карницкому: «Скажи своему командующему Пилсудскому, что напрасно уговаривает Деникина, царского генерала и патриота к измене идее Великой России, требуя, чтобы отделить от империи неотрывную ее часть – Привислинский край» [6, с. 5-6].

Русская идентичность была неразрывно связана с российской государственностью до Октябрьской революции, а после она скреплена с белой идеей и освобождением России от большевиков и немцев. Врангель находится на такой же позиции. «После занятия Украины и Крыма немецкими войсками, в поисках возможности принять участие в борьбе с большевиками, Врангель в мае 1918 г. ездил в Киев, где встречался с гетманом Украины генералом П.П. Скоропадским, своим бывшим сослуживцем. Но на его предложение стать начальником штаба украинской армии (реально еще не существующей) ответил отказом, поскольку был убежден, что Германия стремится расчленив Россию и не поможет создать на территории Украины

многочисленную армию, способную бороться против большевиков» [11, с. 3-4]. Из этого цитирования видно, что желанием Врангеля было спасение России.

Так или иначе, представители белого движения неоднородны в политическом вопросе, но в вопросе патриотизма и своей русской идентичности они весьма схожи, что доказывает их сражения и смерти за спасение отечества.

После поражения в Гражданской войне, представители белой армии вынуждены отправиться в эмиграцию. Свою идентичность несравненно легче сохранить в родной стране, но когда ты на постоянной основе оказываешься на чужбине – это становится сложно, а для будущих поколений еще тяжелее. Эта проблема ярко проявляется среди белого движения, но создание разных организаций (РОВС И т.д.) помогает организовать русскую эмиграцию и помочь ей сохранить свою русскую идентичность.

В эмиграции оказалось не только участники белого движения, но также представители интеллигенции, которые в большинстве своем сохранили свою идентичность. Представителям дореволюционной русской идентичности характерен девиз «За веру, царя и отечество». Смысл заключается в том, что для самосознания русского народа на 1917 год крайне важны православие, которое является традиционным верованием в России, царь как символ страны и само это отечество. Именно это воззрение присутствует у русского патриотического философа Ивана Ильина, который приводит разрыв между традиционной русской идентичностью и новой большевицкой. «Большевизм есть не что иное, как последовательно проведенная революция, ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия... дух восстания низшего на высшее... дух грабежа и террора. Этот дух заложен в каждой революции, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца» [8, с. 348]. Из этого цитирования выходит, что пореволюционная Россия отходит от классического и характерного для русских понимания своей идентичности. И вот к какому выводу Ильин приходит: «Советский Союз - не Россия» [9, с. 323-373].

Также выдающимся эмигрантом и мыслителем о России является Николай Бердяев. Этот философ ярко осознает свою русскую идентичность, но восприятие ее у него отличается от Ильина. Для него СССР является Россией, но Россией исковерканной. «Русский

коммунизм, если взглянуть на него глубже, в свете русской исторической судьбы, есть деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды, русской идеи, принявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы. Но русский коммунизм более связан с русскими традициями, не только хорошими, но и очень плохими» [1, с. 126]. Позиция Бердяева заключается в том, что искаженная русская идентичность всё-таки ею остается, просто видоизменяется. Исходя из этого, 1917 год можно назвать переломным в существовании русской идентичности.

После 1917 года русская идентичность переживает многие испытания. За свою родину сражается русская армия в Первой Мировой войне, но даже после тяжелых военных лет русские офицеры продолжают бороться и умирать за свое отечество. Такая же причина у представителей белого движения, которое сражается за Россию и за своё осознание ее частью. Эмигранты и ее мыслящие представители сохраняют свою идентичность и думают о ее участии, потому что ощущают себя её неотъемлемой частью.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.
2. Гагкуев Р. Г. Последний рыцарь. Дроздовский и дроздовцы. [сб. матер.] / ред. и сост. Р. Г. Гагкуев. М.: Посев, 2006. 692 с.
3. Гаман Л.А. Ильин о революции 1917 года в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (История, этнология). 2007. Вып. № 3 (66). С. 131–135.
4. Гаман Л.А. Советская Россия: взгляд Н. А. Бердяева (некоторые аспекты проблемы) // Соловьевские исследования, 2014. Выпуск 2 (42). С. 92-108.
5. Головин Н.Н. Россия в первой мировой войне. М.: Вече, 2021. 560 с.
6. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Туманин В. Е. Юзеф Пилсудский и вопрос совместного похода с А.И. Деникиным на Москву. 1919 год. Наука. Общество. Оборона. Москва. 2020;8(2):15-15.
7. Дроздовский М.Г. Дневник. М.: Вече, 2018. 288 с.
8. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5.

9. Ильин И.А. Советский Союз - не Россия // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1998.
10. История: курс лекций (для неисторических направлений подготовки и специальностей) / Р.Р. Хадимуллин, М.М. Утягулов, Р.Р. Тухватуллин, Е.А. Круглов, Н.А. Бессилин, Ф.Ф. Шаяхметов, А.О. Целищев, С.Н. Кулбахтин, Е.А. Лаптев. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 432 с.
11. Карпенко С.В. Врангель Петр Николаевич (1878 1928) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 177-185.
12. Кенез П. Идеология белого движения. Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 268–279.

УДК 94(4)''1918/...''+321.3

© **Е.К. Франк**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

E.K. Frank

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tuhvatullin

ТЕОРИЯ ЧЕХОСЛОВАКИЗМА И РЕАЛИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

THE THEORY OF CZECHOSLOVAKISM AND THE REALITIES OF INTERETHNIC RELATIONS IN INTERWAR CZECHOSLOVAKIA

Аннотация. в данной статье рассматриваются проблемы межэтнического взаимодействия на территории Чехословакии в период 1920-1930-х гг. в контексте теории чехословакизма и этнополитических предпосылках, а также причины неудачи применения данной теории в рамках данного государства в преддверии Второй мировой войны.

Abstract. This article examines the issues of interethnic interaction on the territory of Czechoslovakia during the 1920s-1930s in the context of the

theory of Czechoslovakism and ethno-political prerequisites, as well as the reasons for the failure of the application of this theory within this state on the eve of World War II.

Ключевые слова: межэтнические отношения, чехословакизм, Чехословакия, Версальский мирный договор, Вторая мировая война, принцип национального самоопределения.

Keywords: interethnic relations, Czechoslovakism, Czechoslovakia, the Treaty of Versailles, World War II, the principle of national self-determination.

Первая мировая война, ставшая своего рода «прологом» для более известной и тщательно изучаемой Второй мировой, тем не менее, заложила основу для многих существующих и потенциально возможных конфликтов современного мира, в том числе касающихся вопросов национального самоопределения при формировании государств. В этом контексте весьма любопытным является пример Чехословакии, созданной в соответствии с предложенным Вудро Вильсоном и закрепленным Версальским мирным договором принципом национального самоопределения. Эффективность применения данного принципа до настоящего времени остается дискуссионным вопросом ввиду неоднозначности и разных трактовок самого понятия нация. В частности, сам Вильсон одним из первых указывал на различия в трактовках данного термина применительно к разным теориям международного права: так, если для немецких ученых нация представляла собой «сообщество, объединенное по происхождению и крови», то американская наука определяла ее как «сообщество, объединенное политическим устройством, образом жизни и традициями» [10, с. 154]. Таким образом, мы можем отметить, что последняя формулировка, как раз положенная в основу создания некоторых национальных государств (в т.ч. объединенного чехословацкого государства) в период после окончания Первой мировой войны, вовсе не означала тождественности понятий национальной и этнической идентичности. Нужно сказать, что именно такое понимание сущности национального самоопределения легло в основу государственного устройства не только Чехословацкой республики, но и ряда других государств, созданных в конце XX в., во внутривнутриполитической жизни которых значительное место занимают этнические конфликты разной степени интенсивности. Обусловлено

это тем, что подобные государства, не являясь изначально моноэтническими, а порой созданными даже на основе нескольких этносов, обладающих собственной индивидуальной историей развития, при проведении единой национальной политики их правительствами неизбежно провоцируют внутреннее сопротивление этнических меньшинств, настаивающих на возможности самоопределения для себя. Именно такая ситуация в 1920-1930-х гг. сложилась в Чехословакии, на примере которой мы рассмотрим основные закономерности и реалии данного процесса.

Изначально проведение во внутренней политике Чехословакии принципов единой нации стало возможно благодаря т.н. теории чехословакизма, согласно которой два данных государствообразующих этноса были объявлены единым народом со всеми соответствующими аспектами. В том числе единым чехословацким языком, в рамках провозглашенного по Конституции 1920 г. унитарного государства без каких-либо элементов федерализма, которые могли бы быть реализованы в соответствии с полиэтническим характером данного государства [7]. Чтобы понять почему была избрана именно такая модель этнополитического и административного устройства, и как это отразилось на внутренних процессах, протекавших в Чехословакии в рассматриваемый период, необходимо остановиться на предыстории формирования данного государства.

В первую очередь следует отметить, что исторически судьбы двух данных этносов оказались тесно связаны еще в предшествующие столетия, когда они входили в состав земель Габсбургов, а затем Австро-Венгерской империи. Чешские земли при этом находились в западной части империи, а словацкие – в восточной, венгерской части империи. Венгерское правительство проводило широкую политику мадьяризации государственного управления, системы образования и печати и непосредственно общественной жизни. В частности, этим были связаны более низкий уровень социально-экономического развития Словакии в начале XX в., чем чешских земель, и менее существенные успехи словацкого национального движения по сравнению с достижениями чехов. В свою очередь, словацкие общественные деятели старались вследствие такой ситуации всеми силами сотрудничать с более преуспевшими в защите этнической самобытности чешскими коллегами. Так, знаменитый словацкий общественный деятель, литератор, один из лидеров национального

возрождения Людовит Штур заявлял: «Храни нас Бог от отделения [от чехов]... Всегда, когда они добьются чего-то значительного, мы будем учиться у них, останемся в духовном единении с ними» [2, с. 105]. Например, в 1896 г. было создано общество «Чешско-словацкого единства» с штаб-квартирой в Праге, а с 1908 г. стали проводиться ежегодные встречи чешских и словацких активистов в моравском городе Лугачовице [6, с. 65].

С самого начала Первой мировой войны чехи и словаки демонстрировали нежелание сражаться за реализацию целей двуединой монархии в составе её армии. Более того, чехи и словаки стали стремиться создать собственную государственность. Показателем и своего рода маркером этого намерения явилось формирование на территории Российской империи, Франции и Италии объединенных чешско-словацких воинских частей на добровольной основе – легионов. Их создание было связано с надеждой на то, что после разгрома держав Тройственного союза, в целом, и Австро-Венгерской империи, в частности, чехи и словаки смогут создать собственное объединенное государство. Стоявшие у истоков создания легионов общественные деятели – чехи Томаш Масарик и Эдвард Бенеш и словак Милан Штефаник – изначально рассматривали их как основу для формирования данного будущего государства.

Проект создания Чехословацкой республики впервые был представлен в 1915 г. в Женеве Масариком. В октябре того же года в Кливленде эмигрантские чешские и словацкие организации приняли декларацию об основных принципах образования данного государства [1], в которой заявлялось о стремлении создать федеративное государство при условии обеспечения языковых, культурных и иных прав словаков. Следующее соглашение между эмигрантскими организациями было подписано 31 мая 1918 г. в Питтсбурге [4]. В данном документе было подчеркнуто, что Словакии будет предоставлена автономия в рамках республиканской Чехословакии. 28 октября того же года Национальный чехословацкий комитет в Праге провозгласил создание независимой Чехословацкой республики. Через несколько дней в Турчанском Мартине представители словацких политических партий приняли «Декларацию словацкого народа», в которой было провозглашено право словаков на самоопределение и утверждалось, что «Словацкая нация является частью чехословацкой нации» [5].

Концепция чехословакизма в Чехословакии стала составляющей государственной идеологии. Она, с одной стороны, отражала убеждения своих создателей, прежде всего, Т. Масарика, а с другой – была императивна по социально-политическим соображениям. А именно – значительного числа этнических меньшинств в стране: немецкого (на территории Чехословакии проживало свыше 3,5 млн. немцев, преимущественно компактно населявших Судетскую область, полученную по итогам Первой мировой войны [8, с. 102-105]), венгерского (согласно официальным данным переписи населения в 1921 г., на территории Чехословакии после проведения границы между Венгрией и Словакией оказалось более 750 тыс. венгров), польского (в особенности в районе Тешинской Силезии, где проживало более 80 тыс. поляков. С учетом того, что все население Чехословакии даже к 1938 г. не превышало 14 млн человек, включая этнические меньшинства, создать какой-либо противовес последним два титульных этноса смогли бы, только провозгласив себя единой нацией (в таком случае провозглашенный чехословацкий народ составил бы приблизительно 55% от общей численности населения) [6, с. 104-109]. Полиэтничность общества нашла определённое отражение в Конституции 1920 г., в которой подчеркивались охрана государством прав национальных и религиозных меньшинств [7].

Однако на практике сформировать подобное национальное единство у пражского правительства не вышло в силу ряда причин, связанных как с принятым курсом на централизацию управления в стране, так и с рядом социально-экономических проблем. В результате этнические конфликты между чехами и словаками не только не оказались разрешены, но и еще больше обострились в процессе реализации теории чехословакизма.

Уже изначально в 1918 г. была очевидной разница в экономическом развитии Чехии и Словакии с явным перевесом в сторону первой. В чешских землях была сосредоточена львиная доля промышленности Цислейтании [11, с.108]. Свою роль сыграла ограниченность человеческих ресурсов: из 13,4 млн населения, согласно переписи 1921 г., на территории Словакии проживало только 3,5 млн, включая и венгерское население [9, с. 203]. В Словакии значительно большее воздействие на население имел религиозный фактор, и, в целом, она представляла собой общество, в отличие от чешских земель еще не прошедшее до конца фазу индустриализации. В

данном отношении со стороны пражского правительства им не было оказано необходимой экономической и культурной поддержки. Напротив, прилив чешских специалистов с более высоким уровнем квалификации в экономически отсталую Словакию, провоцировавший рост безработицы в ней, и диспропорции в национальной политике (в т.ч. в сфере административного управления) вызывали недовольство со стороны словаков [2, с. 106]. Не было выполнено условие предоставления Словакии широких прав автономии, ранее оговоренное в Питсбургском и Кливлендском соглашениях, и даже при определении границ Словакии этнические соображения не были учтены: так, столицей ее был провозглашен г. Прессбург (ныне г. Братислава), преимущественно населенный венграми и немцами, но обеспечивавший для Чехословакии выход к Дунаю [9, с. 204].

Подобное пренебрежение к интересам словацкого народа, заявленного в качестве составляющей единой чехословацкой нации, привело к возникновению национального движения, встававшего в оппозицию к пражскому правительству. С 1930 г. в программе крупнейшей в Словакии Народной партии значились именно требования автономии. В 1938 г. после подписания великими европейскими державами Мюнхенского соглашения [3, с. 118] Народной партии удалось достичь этой цели: были урезаны полномочия пражского правительства, Словакия получила широкую автономию [6, с. 404]. В марте 1939 г., когда стало очевидным стремление германского руководства окончательно уничтожить Чехословакию как государство, словацкий парламент 14 марта 1939 г. провозгласил независимость Первой Словацкой республики, ставшей впоследствии сателлитом Германии и выступавшей на ее стороне во Второй мировой войне.

Таким образом, идея единой чехословацкой нации, напротив, сыграла против самой себя, спровоцировав и усугубив межэтнические разногласия в стране. В принципе в рамках полиэтнического государства отдельные народы могут реализовать свое право на самоопределение не в ущерб собственно государственности, однако для подобного необходимо существование правительства, которое стало бы само по себе этноформирующим фактором и было бы основано на принципах полиэтничности [10, с. 72]. В Чехословакии этого не произошло, и централистские тенденции вызвали противодействие, в итоге спровоцировавшее окончательный раскол

внутри страны. Чехословацкая республика как государство была восстановлена после Второй мировой войны, и этнические конфликты, не разрешенные до конца ее руководством, вспыхнули с новой силой, что стало одной из причин социально-политического кризиса 1968 г. [6, с. 246]. Тем не менее, в определенной степени правительство Эдварда Бенеша, вернувшееся к власти в республике после войны, извлекло урок из ситуации 1938-1939 гг: концепция «чехословакизма», доказавшая не только свою нецелесообразность, но и провоцировавшая, как показала практика, недовольство словацкого этноса, после войны была отвергнута и более не использовалась.

Литература:

1. Бурик, П. «Кливлендское соглашение 1915 года» // Университет Кейс-Вестерн-Резерв, 2015. [Электронный ресурс]: URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.1cad3ca2-624459f7-e6b223ea-74722d776562/https/case.edu/ech/articles/c/cleveland-agreement-1915 (дата обращения 30.03.2022 г.)
2. Вашкевич И. В. Взаимоотношения чехов и словаков (1918—1948 гг.): этапы, ментальные парадигмы, государственно-правовые решения / И.В. Вашкевич // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7 /редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2012. С. 101-107.
3. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
4. Вотруба М. Питтсбургское соглашение. Питтсбург: Университет Питтсбурга, программа словацких исследований, 1994. [Электронный ресурс]: URL: http://czechconnections.org/pdf_files_folder/Czech%20Americans/ThePittsburghAgreement.pdf (дата обращения 30.03.2022 г.)
5. Гопта И., Гоптова Л. Чехословацкая Республика как новое государство на политической карте мира. [Электронный ресурс]: URL: <http://visegradeurope.ru/wp-content/uploads/2019/10/14-Нopta-Нoptova.pdf> (дата обращения 30.03.2022 г.)
6. Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М.: «Наука», 1988. 576 с.

7. Конституционная хартия Чехословацкой республики 1920 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=690> (дата обращения 30.03.2022 г.)
8. Крети́нин С. Судетские немцы в 1918-1945 гг.: Народ без родины. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 320 с.
9. Пеганов А.О. Венгерский вопрос в межвоенной Чехословакии (1918-1939 гг.): внешнеполитический и внутривнутриполитический аспекты // Российские и славянские исследования, 2010. № 5. С. 203-210.
10. Сидоренко А.В., Грибанова Г.И. Федерализм и достижение этнополитического консенсуса в трансформирующихся обществах. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. 242 с.
11. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв ред. В.В. Марьина. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 2005. 453 с.

УДК 94(470.57)

© **А.А. Чубараева**

студент БашГУ, г. Уфа

Научный руководитель – д. филос. н., профессор Р.Х. Лукманова

A.A. Chubaraeva

student, BSU, Ufa

Scientific supervisor – d. of philos. s., professor R.K. Lukmanova

О МАЛОИЗВЕСТНОМ ИЗДАНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КРЯШЕН «ДУС» В УФЕ 1916 – 1918 гг.

ABOUT THE LITTLE-KNOWN EDITION OF THE KRYASHEN PERIODICAL PRESS “DUS” IN UFA 1916 – 1918 gg.

Аннотация. Кряшены – один из малочисленных народов России. Частный случай процессов консолидации и формирования этнической идентичности кряшен, начавшихся после Февральской революции 1917 года, можно проследить в периодической печати «Дус»

Abstract. The Kryashens are one of the small peoples of Russia. A special case of the processes of consolidation and formation of the ethnic

identity of the Kryashens, which began after the February Revolution of 1917, can be traced in the periodical “Dus”.

Ключевые слова: кряшены, этнос, идентичность, периодическая печать, С.М. Матвеев.

Keywords: kryashens, ethnos, identity, periodical press, S.M. Matveev.

Кряшены – один из малочисленных и малоизученных народов России, субэтнос в составе татарского этноса, исповедующий православие и проживающий преимущественно на территории Башкортостана, Татарстана, Удмуртии и других регионах РФ.

В начале XX века в Уфе издавалась кряшенская газета «Дус». Периодические издания – очень ценный исторический источник, так как несут огромный объем информации о людях и о времени своего существования. Не зря газеты называют своеобразным «зеркалом» общества, поскольку они с большой долей точности отражают события, происходящие в тот период. В данной работе будет представлен анализ статей, опубликованных в газете, направленных на формирование этнической идентичности кряшен.

Газета «Дус» (Друг) – кряшенская газета, распространялась среди кряшен в селениях Уфимской губернии – Мензелинского (сейчас относится к республике Татарстан) и Белебеевского уездов.

Можно назвать следующие причины появления газеты. Во-первых, это общий тренд в России начала XX века. Во-вторых, агитационная деятельность по созданию кряшенами отдельных обществ для сохранения своей самобытности, языка и культуры. В-третьих, просветительская деятельность, освещение самых популярных событий внутренней и внешней политики России.

Газета «Дус» выпускалась в сложное для страны время – февраль 1916 – лето 1918 года. Россия принимала участие в Первой мировой войне, следствием чего явилась Февральская революция. Возможно, в связи со сложными политическими процессами газета и существовала недолго.

Но именно события 1917 года дали небывалый толчок консолидации и общественному движению кряшен на территории Уфимской и Казанской губерний. Нужно отметить тот факт, что в дореволюционный период среди кряшен не наблюдалось четко выраженного национального самосознания. Февральская революция

способствовала развитию этнической идентичности кряшен и привела к конкретным действиям по реализации своих целей.

Подготовка к восприятию «Кряшены – нация» началась именно на страницах газеты «Сугыш хабяряре» («Военные известия»), учрежденной в 1915 году в Вятке, и уфимской кряшенской газеты «Дус» («Друг»), учрежденной в 1916 году [9, с. 759].

Издание велось под руководством Восточно-русского культурно-просветительского Общества, созданного в 1916 году уфимским епископом Андреем. На заседании общества, среди всего прочего, обсуждались проблемы недостаточной заботы земств по удовлетворению культурных потребностей крещеных татар. Следуя этим соображениям, начинается издание газеты.

Периодичность газеты была строго установлена: объявлялось, что выпуск будет один раз в две недели. Но из-за нехватки денежных средств, а также болезни главного редактора С.М. Матвеева, поддерживать темп не удалось. За 1917 год планировалось выпустить около 24 номеров газеты, но было выпущено лишь 13. В мае 1918 года был выпущен всего один номер газеты, и скорее всего, он был последним.

Тематика статей газеты была обширной: освещались внутренняя и внешняя политика России, проблемы образования, здравоохранения, а также публиковались различные советы для жизнедеятельности крестьян, письма читателей и реклама.

Автором идеи издательства был протоиерей, миссионер, этнограф и общественный деятель Стефан Матвеевич Матвеев. Он родился в кряшенском селе Савалеево Мензенского уезда Уфимской губернии, учился в Центральной крещено-татарской школе в городе Казани. Священный сан принял в 1897 г. Служение проходил в кряшенских селениях Белебеевского уезда Уфимской губернии, кряшенских селениях Казанской губернии. Матвеев является автором многих статей по церковным вопросам [8], также известны его этнографические работы [7]. Главной целью газеты он считал объединение кряшен и создание обществ для сохранения самобытности народа. Об этом же говорилось в докладе Всероссийскому съезду духовенства и мирян 22 июня 1917 года в г. Уфе, где он являлся единственным делегатом от крещеных татар [6]. Матвеев приводит доводы о необходимости сохранения родного языка кряшен, а также церковной службы на нем.

Определить персональный состав остальных редакторов не удалось, но очевидно, они были близкими С.М. Матвееву священниками: Иероманах Иоанн, Василий Рыцев и др.

В статье «Кряшеннар!» («Кряшены!») редактор газеты С.М. Матвеев поднимает главную проблему – сохранение родного языка и формирование этнической идентичности кряшен. Он пишет, что Временное правительство России выпустило постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений, таким образом, каждый народ может жить свободно, выбирая свой путь развития, а для этого необходимо поднимать уровень грамотности среди населения кряшен [2, с. 2].

Также Стефан Матвеевич доносит до читателя мысль, что «подарок жизни – язык матери» («тормош бюляге – ана теле»), который ребенок впитывает с молоком матери [2, с. 2]. Поэтому главной задачей своей газеты редакторы видели просветительство. Им представлялось весьма важным развитие женского образования, которое было на очень низком уровне. Поскольку отсутствие грамотности среди женщин (на волне ухода мужчин на Первую мировую войну) создавало много неудобств. Порой они не могли сделать самого элементарного: писать письма на фронт отцам, мужьям, братьям, прочитать письма, пришедшие с фронта [1, с. 3].

Проблема просветительства поднималась уже во второй половине XIX века известным тюркологом, православным просветителем и миссионером Николаем Ивановичем Ильминским. Именно он в 1862 г. создал первый букварь, где впервые была представлена кириллическая татарская азбука. Так, самой необычной чертой газеты «Дус» является издание ее на кириллице. Редактор, используя кириллицу, писал текст на татарском (кряшенском) языке. Напомним, что татарские и башкирские издания того времени выходили на тюрки и арабской графике. Как видим, Н.И. Ильминский и, в свою очередь, С.М. Матвеев опередили время на несколько десятилетий.

Письмо не подчиняется никаким правилам. В каждом номере в крайней левой колонке помещался совет для чтения: «Укыган чакта шушы киняшне исегездя тотогоз: ж – дж диб укыгыз, а =ä, у = ü, о = ö диб жомошатыб укыгыз (точка урнына каралтыб бастырабыз), н = н диб укыгыз» (Во время чтения держите в памяти эти советы: ж читайте как дж, а =ä, у = ü, о = ö читайте смягченно (буквы, на месте которых должны стоять точки, в тексте выделены), н читайте как н.). Скорее

всего, газету, методом проб и ошибок, старались печатать именно на родном языке кряшен. Сам текст воспринимается и читается легко, авторы специально приспособливают алфавит не к грамматике, а к фонетике.

Также С.М. Матвеев призывает в приходах, волостях, а потом уже в 5-6 губерниях создать отдельные общества кряшен, наподобие таких, которые существуют у татар, чувашей и других народностей. По мнению автора, если и дальше продолжать жить разрозненно, то это ни к чему хорошему не приведет. Кряшены, проживающие среди татар и русских, могут ассимилироваться и потерять свою этническую идентичность, которая выражена в языке, культуре и традициях [2, с. 3].

Таким образом, тематика статей газеты «Дус» соответствовала духу времени и отражала мнение своих редакторов. Предназначение периодической печати авторы видели в воздействии информации на мнение как отдельных людей, так и общества в целом. Революционные события 1917 г. дали небывалый толчок консолидации и движению кряшен, а главный редактор газеты, осознавая обособленность кряшен по отношению к татарскому населению, активно отстаивал их интересы.

Литература:

1. Дус. 1917. № 5. 16 февраля.
2. Дус. 1917. № 8. 15 мая.
3. Дус. 1917. № 10. 15 июля.
4. Дус. 1917. № 12. 12 сентября.
5. Дус. 1918. № 14. 5 мая.
6. Заволжский летописец. 1917. № 13-14. 15 июля. С. 385-389.
7. Матвеев, С.М. Иностранцы Уфимской губернии. Уфа: Электрическая губернская типография, 1910. 57 с.
8. Матвеев, С.М. Первые в Уфимской епархии курсы по приходской миссии для крещеных иностранцев. Уфа: Электрическая губернская типография, 1911. 27 с.
9. Мухамадеева, Л. А. Кряшенское население Башкирской республики на страницах газет «Дус» и «Киняш» (1917–1920-е гг.) // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. №2. С. 757-761.

ВЛИЯНИЕ ТРИАНОНСКОГО ДОГОВОРА НА ВЕНГЕРСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

THE INFLUENCE OF THE TREATY OF TRIANON ON HUNGARIAN IDENTITY

Аннотация. Первая мировая война оказала значительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику в области этнонационального вопроса венгерского государства. По итогам Трианонского договора страна лишилась 2/3 территории. В статье анализируются последствия мирного договора, его влияние на идентичность венгерского населения и дальнейший политический курс страны.

Abstract. The First World War had a significant impact on the foreign and domestic policy in the field of the ethnonational issue of the Hungarian state. According to the results of the Trianon Treaty, the country lost 2/3 of its territory. The article analyzes the consequences of the peace treaty, its impact on the identity of the Hungarian population and the further political course of the country.

Ключевые слова: Трианонский договор, Венгрия, народ, Первая мировая война, идентичность.

Keywords: Treaty of Trianon, Hungary, people, World War I, identity.

Актуальность темы статьи обуславливается тем, что итоги Трианонского договора в истории Венгрии закрепились как «великая катастрофа в истории страны» [14, с. 31]. В стране отчетливо прослеживается «культурная травма», так как венгры ощущают себя жертвами великой трагедии. По словам историка, Дебора Корнелиуса, Трианонский договор и раздел страны до сих пор воспринимаются венграми как историческая несправедливость. Также среди венгров

бытует мнение, что соседние враждебные государства бесчестным образом захватили их культурное и историческое наследие. Представители венгерской нации считают, что ответственность за произошедшее несет практически весь мир. Данная точка зрения отражена во всех сферах жизни страны, преимущественно в политической и культурной. «Этот день и по прошествии столь многих лет всё ещё определяет судьбу нации» - отрывок из современной венгерской газеты, датируемый 4 июня 2018 г. [12]. В настоящее время достаточно большое количество венгерского населения проживает за пределами своей исторической родины, что является одним из наиболее волнующих вопросов во внутренней и внешней политике страны.

Венгры ещё в рамках Австрийской монархии проявляли национальные и патриотические чувства ярко и сильно, свидетельством чему стали события Венгерской революции 1848-1849 гг. [3, с. 95-96]. После австро-венгерского соглашения 1867 г. венгры стали одним из господствующих народов, а правительство Венгрии стремилось подавить национальные движения не-венгров. Условия Трианонского договора, подписанного 4 июня 1920 г. между странами победительницами и Венгрией поразили венгерскую общественность и оказали значительное влияние на их национальную идентичность.

Итоги Первой мировой войны для Венгрии были таковы: по договору от страны отторгались 2/3 территорий, вследствие чего венгерское население было разделено. Территории с той или иной долей венгерского населения передавались новообразовавшимся государствам – Чехословакии, Румынии, Королевству сербов, хорватов и словенцев, а также – Австрии [13]. В отношении потерянных территорий Венгрия отказывалась от своих прав, а венгры в этих странах оказались на положении национального меньшинства.

Отношение венгерской аристократии к условиям Трианонского договора можно проследить в документах, так называемых «Мемуарах», подготовленных для Парижской конференции [4, с. 9]. Основным аргументом, на который опиралась венгерская делегация на переговорах, стали ссылки на более чем тысячелетнюю историю страны, экономическое единство Венгрии, а также на то, что венгерский народ придерживался стороны Запада. Также политические деятели Венгрии были убеждены в том, что предполагаемые границы бессмысленны и не будут долговечными, так как они не позволят

выполнять историческое предназначение их страны, а именно внесение культурного вклада в Европу. Венгрия не признавала Югославию, Чехословакию и Румынию в качестве государств. Также она настаивала на том, что только венгерский народ является воплощением совершенства, а остальные народности, по её мнению, отсталые.

Акцент делался на том, что потеря территорий сильно ударит по экономике страны, а ее природные богатства, сырье и энергия попадут во владение «менее цивилизованных и культурных государств, которые не способны использовать их так эффективно как венгры». Венгры считали, что это приведет к упадку не только в самой стране, но и к духовному упадку во всей центральной Европе. Таким образом, условия Трианонского договора в Венгрии были восприняты в качестве позора и унижения. Венгерское Королевство, по сути, теряло все земли, разными способами приобретённые за всю тысячелетнюю историю.

Как отмечает историк Ласло Кюрти, «потеря территорий воспринималась как предвестник смерти нации, предотвратить которую могло лишь возрождение Великой Венгрии» [10]. Именно мирный договор и последующие события предопределили появление режима Хорти и дальнейший курс государства во внешней политике. Если в 1919 г. в Венгрии власть мирным путем перешла к коммунистам, то уже в 1920 г. власть находилась в руках у ревизиониста Миклоша Хорти. Это объясняется тем, что к 1919 г. поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне привело к революционной ситуации в стране. Остро стояла необходимость сохранить территориальную целостность государства и избежать национальной катастрофы. Однако после подписания Трианонского мира на успех в Венгрии могли рассчитывать только те политические силы, которые включали в свои политические программы требования по пересмотру условий мирных договоров.

На чувствах народа по поводу Трианонской трагедии и была построена реваншистская политика Миклоша Хорти. Подписывая мирный договор, он считал, что договор лишь временный, поэтому идеи и планы о пересмотре его положений и возрождения Великой Венгрии активно появлялись среди населения и поддерживались правительством. Следствием проводимой политики ревизионизма стал культ Трианона, который привел Венгрию к участию во Второй мировой войне.

По мнению историка А. Стыкалина, Трианонский договор стал фактором консолидации венгерского народа [11, с. 27]. В сознании общества произошел сильный сдвиг вправо, так как население считало, что в сложившейся ситуации либеральные или социалистические идеи только ослабят страну, а право-авторитарный режим Хорти, наоборот, поспособствует возрождению великого государства.

Венгры, оказавшиеся в составе соседних государств, неоднократно сталкивались с притеснением их прав в качестве национальных меньшинств. Стоит сказать, что в каждой стране отношение к национальным меньшинствам отличалось, но в большинстве из них властей государств не интересовало их положение, что никоим образом не устраивало ни венгерское правительство, ни самих венгров по обе стороны. Вследствие чего отношения между соседними государствами заметно обострились и приходили в напряжение [9]. Особенно проблемы с правовым и социально-экономическим положением венгров наблюдались в Чехословакии и Румынии. Несмотря на то, что правовой статус венгерского национального меньшинства был прописан в Трианонском договоре, политика в данных государствах носила явный антивенгерский характер. Такая политика включала в себя цензуру венгерской прессы, массовые увольнения госслужащих венгерской национальности, лишение венгров земель и пенсий, фальсификации результатов переписей населения с целью сократить число венгров в официальных данных и т.д. Правительство Чехословакии приняло целую череду законодательных актов, которые были направлены на ограничение жизни венгров в социальном, экономическом, правовом и культурном планах. В Румынии притеснение прав венгерского национального меньшинства было закреплено в налоговой системе государства, гражданских правах, в школьном образовании. Во избежание подрыва территориальной целостности в Румынии правительство отказало Трансильвании в предоставлении широкой автономии, а в Чехословакии в 1930-х гг. был введен запрет на контакты венгерской диаспоры с соотечественниками в Венгрии. Таким образом, права венгров, гарантированные международными актами, систематически нарушались. Это можно объяснить тем, что в Чехословакии, Румынии и других государствах, к которым отошли территории Венгрии, не только опасались территориальных претензий с ее стороны, но и

помнили о тех временах, когда эти народы сами находились в подчиненном положении у бывших «хозяев» венгров.

В настоящее время память о Трианонском договоре и сожаление о потерянных территориях оказывают значительное влияние на определение основных направлений политики государства, в частности, в отношении таких стран, как Украина, Республика Хорватия, Словенская Республика, Словацкая Республика и Румыния. Венгрия на международной арене демонстрирует свою направленность на представление интересов всех этнических венгров, улучшения их положения в соседних государствах и защите их прав. К примеру, 1 января 2011 г. правительство Венгрии приняло законопроект о предоставлении венгерского гражданства и приступило к массовой раздаче своих паспортов представителям зарубежной диаспоры. Также в Конституции страны закреплена ответственность Венгрии «за судьбу венгров, проживающих вне ее границ». Согласно Конституции, страна обязана поддерживать усилия венгерского народа, «направленные на сохранение их венгерской культуры, а также способствовать их сотрудничеству друг с другом и с Венгрией» [8].

В целом, население Венгрии разделяет убеждение, что сплочение европейского континента, последовательное сближение национальных государств, может способствовать избавлению их страны от «комплекса Трианона» [14, с. 67]. Соответственно вероятность объединения в перспективе Восточной Европы и углубление Европейской интеграции представляют для Венгрии важный исторический шанс для воссоединения «культурной» венгерской нации [10].

Таким образом, Трианонский договор определил положение венгров на всё следующее столетие, оказал значительное влияние на развитие национальной идентичности венгерского народа, оставил в национальной истории след в качестве одной из сильнейших трагедий и определил дальнейший политический курс государства и его участие во Второй мировой войне. Более того современная политика венгерского государства в качестве одного из важнейших вопросов в политике выделяет вопрос о венгерской идентичности и отношениях между венграми, проживающими в разных странах. И сейчас в Венгрии 4 июня остаётся днём национального траура – оно отмечается как День национального единства, которого венгры навсегда лишились.

Литература:

1. Абашидзе А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. Права человека. Фонд А. Абашидзе. М., 1996. 474 с.
2. Барта Р. Великая война и Парижские мирные договоры в истории международных отношений // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С. 109–118 (перевод Д. Ю. Ващенко).
3. Введение во всеобщую историю: учебное пособие / под. ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
4. Вдовина, И. А. Трианонский мирный договор / И. А. Вдовина, Е. П. Лезина // Огарёв-Online. 2014. № 11(25). С. 7.
5. Сазонов С.Д. Воспоминания [Электронный ресурс] URL: http://www.militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/index.htm (дата обращения 14.03.2022)
6. «Драматизм истории Венгрии в XX веке велик» / историк Александр Стыкалин о ключевых событиях. [Электронный ресурс] URL: <https://urokiistorii.ru/articles/dramatizm-istorii-vengrii-v-xx-veke-vel> (дата обращения 16.03.2022)
7. Колонтари А., Бебешу Д. К вопросу определения трианонских границ Венгрии // Кавказ – Карпаты – Балканы: геополитические этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета XVIII – XX вв. / Редколл.: И. В. Крючков, К. В. Никифоров, Ф. Салаи. Ставрополь, 2015. С. 124–132 (перевод авторов).
8. Конституция Венгрии // Конституции государств (стран) мира // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. [Электронный ресурс] URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/298/1> (дата обращения 12.03.2022)
9. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2002. 656 с.
10. Строгальщикова П. Б. Влияние Трианонского мирного договора на формирование политики Венгерской Республики по защите соотечественников и диаспоры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2009. № 105. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-trianonskogo-mirnogo-dogovora->

na-formirovanie-politiki-vengerskoj-respubliki-po-zaschite-sootechestvennikov-i-diaspory (дата обращения 13.03.2022)

11. Стыкалин А. С. Трианонский мирный договор 1920 г. и его международные последствия к 100-летию роковой годовщины в Венгерской истории / А. С. Стыкалин // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2020. № 1-2(5-6). С. 25-44.

12. Трианонский договор - национальная травма Венгрии? [Электронный ресурс] URL: <https://www.eurotopics.net/ru/200602/%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BC%D0%B0-%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%B8> (дата обращения 16.03.2022)

13. Трианонский мирный договор. Документы 20 века. [Электронный ресурс] URL: <http://doc20vek.ru/node/3441> (дата обращения 16.03.2022)

14. Шимов Я. Перекрёсток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. 102 с.

15. Щелин П. Хорти и вековая «культурная травма» венгров [Электронный ресурс] URL: <https://mila-hunguide.livejournal.com/53678.html> (дата обращения 14.03.2022).

ТРАДИЦИИ ЧАЕПИТИЯ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА

TRADITIONS OF TEA DRINKING AMONG THE TURKIC- SPEAKING PEOPLES OF BASHKORTOSTAN

Аннотация. Традиции чаепития многих тюркоязычных народов современного Башкортостана сложились в середине – конце XIX века, когда чай стал напитком массового потребления. Несмотря на то, что чай является примером адаптации иностранного продукта, он выступил одним из ключевых элементов в тюркской системе питания. И хотя для разных народов характерны свои исключительные традиции чаепития, все же оно имеет множество общих черт.

Abstract. Traditions of tea drinking of many Turkic-speaking peoples of modern Bashkortostan were formed in the mid - late XIX century, when tea became a drink of mass consumption. Despite the fact that tea is an example of the adaptation of a foreign product, it has become one of the key elements in the Turkic food system. And although different peoples have their own exceptional traditions of tea drinking, it still has many common features.

Ключевые слова: Башкортостан, чайные традиции, тюркские народы, чай.

Keywords: Bashkortostan, tea traditions, Turkic peoples, tea.

Традиционно в рамках этнографии изучается материальная культура народов. И одним из наиболее устойчивых ее компонентов во времени является система питания, включающая в себя не только выбор пищи, но и общую оценку ее питательности, способа обработки и так далее [5, с. 18]. Состав и способ приготовления продуктов,

специфика организации приема пищи, этикет, разделение блюд по принципу празднично-обрядового и повседневного употребления во многом сопряжены с этно-социальными взглядами конкретного народа и историческими этапами его развития [11, с. 5]. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью выявления механизмов становления и развития традиций и практик питания у тюркоязычных народов Башкортостана.

Говоря о напитках, как об одном из ключевых элементов системы питания, нельзя не отметить широко распространённый на территории России чай [11, с. 16]. Как утверждает В.В. Похлебкин, впервые описывают «диковинный» напиток побывавшие в Китае казахи атаманы Петров и Ялышев, но он оказался привезен в Москву лишь в начале семнадцатого века как дар от Василия Старкова и западномонгольских ханов. Михаилу Федоровичу и боярам чай понравился и уже в 1670-х его ввозили товаром в столицу [8]. Однако долгое время он оставался «городским» напитком и был недоступен простым жителям в том числе и из-за высокой стоимости, причем товар ценился настолько, что до XIX века существовала только меновая торговля [8].

В Уфимскую губернию чай попал уже во второй половине XIX века, распространяясь преимущественно через ярмарочную сеть в крупных городах, в том числе с помощью Мензелинской ярмарки – одной из крупнейших в стране [9, с. 25]. Тогда же были построены Самаро-Уфимская и Екатеринбургско-Тюменская железные дороги, что сократило время доставки товара до европейских регионов России и, соответственно, понизилась его стоимость так, что уже с конца 80-х годов чай становится массовым напитком всех слоев [8].

Особенно полюбился чай тюркскими народами губернии – башкирами, татарами, позднее и остальными. Как отмечают исследователи С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина, к XIX веку чаепитие «...настолько вошло в татарский быт, что без него не мыслился ни один праздник...» [11, с. 205]. Причем интересна в этой связи общая закономерность становления «народного» напитка во второй половине XIX – начале XX вв., когда он проникает в сельскую местность из столицы и крупнейших центров в регионах. Здесь же следует отметить и сословную особенность чаепития. Например, более обеспеченные клали и растворяли сахар в чашке, в то время как крестьяне пили чай, держа сладкое во рту (вприкуску или иначе «через сахар»). Причем

выбор самого чая также имел различия: зажиточные отдавали предпочтение листовому или цветочному (наиболее дорогому) чаю, а у сельчан популярностью пользовался кирпичный (брикетный) – вариант подешевле [11, с. 22].

Анализ рекламы конца XIX – начала XX веков М.И. Роднова и В.Н. Макаровой позволяет судить о том, что чай присутствовал в ней в минимальных объемах [9, с. 28], из чего можно сделать вывод об обыденности его употребления. К началу XX века четко сформировалась массовая культура чаепития. Уже в 1911 году в Уфе функционировали четыре фирмы, занятые в крупной и мелкой чайной торговле [9, с. 29]. В советское время традиции становления Уфы одним из центров чайной торговли продолжали укрепляться [9, с. 31].

Тюркскими привнесениями к чаепитию стало добавление меда, который подавался отдельно и не добавлялся в сам напиток, чтобы не утратить полезные свойства, а также употребление его до, после или совместно с основной пищей. В разговоре с автором «чайной энциклопедии», Валентином Анатольевичем Баюканским, респондент Гузаль Рамазановна Ситдыкова из Башкортостана поделилась, что раньше башкиры начинали застолье именно с чая [12], а Рафаэль Адутов отмечает, что татары им завершали трапезу [13], в чем состоит одно из основных различий между традиционными чаепитиями двух основных тюркоязычных народов Башкортостана, хотя в настоящее время границы стираются и у многих последовательность оказалась изменена.

Для чаепития необходимо использовать специальную посуду, к которой традиционно относят заварочный чайник и чайные приборы (чашка, блюдце, чайная ложка). Отдельная роль отводилась самовару, не только как функциональному прибору кипячения, но и как показателю достатка семьи [4, с. 156], хотя в современных семьях его можно увидеть крайне редко. Считалось, что чаепитие способствует сближению людей, созданию обстановки приятной беседы [4, с. 156], поэтому хозяйки старательно подбирали не только чайную посуду, но и скатерть, чтобы встречать гостей с наибольшим гостеприимством.

Особенностью некоторых татар выступило употребление чая именно с горячим молоком, чтобы не остужать напиток, как отмечает первый президент Республики Татарстан Минтимер Шарипович Шаймиев: «чай имеет смысл пить только горячим» [13]. Причем имеют место общие традиции тюркоязычных народов пить именно так.

Некоторые используют глубокое блюдо, но не для остужения напитка, а для предотвращения обжигания [4, с. 157], а также для возможности «наслаждаться ароматом» [13].

Башкиры и татары традиционно подают к чаю корот, баурсак, чакчак, эпочмаки, беляши и другие национальные блюда [12]. Причем культура приготовления многих из них вышла далеко за рамки домашней кухни и традиций чаепития, блюда встречаются не только в ресторанах Башкортостана [16, с. 336-337], но и в заведениях всей страны как отдельная и часто самостоятельная пища-закуска.

Казахи региона, являясь родственным тюркским народом, также как татары и башкиры пьют чай с молоком [11, с. 221], что, возможно, объясняется схожестью в прошлом кочевого образа жизни и распространением молочных и кисломолочных продуктов в их рационе. Причем чайные традиции народов сближают и общие лакомства, в составе которых мучные и мясные блюда, подающиеся к столу.

Интересно, что наибольшие отличия в чайных традициях встречаются у узбекского населения. Во-первых, предпочтение в выборе зеленого чая. Севиль Неметуллаева объясняет это тем, что изначально его пили охлажденным из-за сильной жары на Востоке [7]. Во-вторых, молоко и сахар в чай никогда не добавлялись [7]. В-третьих, многие «местные» узбеки сохранили традицию пить чай из пиал, сидя за маленьким столом на полу (последнее относится также и к приему пищи), но в современных условиях предпочитают соблюдать это в теплое время года. Предположительно, такие особенности связаны с территориальной отдаленностью узбеков от родственных тюркских народов Башкортостана и их крепкими устоявшимися традициями застолья. Интересна также необычная процедура заваривания напитка: прежде чем добавить чай в заварочник, его обязательно необходимо сполоснуть кипятком для большего раскрытия листьев, затем после заливания воды необходимо провести «кайтар» – тройное переливание из чайника в пиалу и обратно, благодаря чему воде передаются содержащиеся в листьях эфирные масла, придающие особенный аромат (по материалам собственного интервью с П.В. Бондаренко), хотя аналогичные переливания, именуемые «кайтармак», встречаются и в отдельных семьях других тюркоязычных народов региона.

Традиции чаепития основываются также и на оздоровительных свойствах напитка. Карина Абдуллина в интервью отмечает, что чай полезен для сердечно-сосудистой системы [6], а старый татарский баит гласит: «В этом мире у аллаха много разных, вкусных яств, не сравниться им, однако, с чаем, главным из лекарств» [2]. На Р-витаминном эффекте катехинов основано использование чая (в первую очередь зеленого) против разного рода лучистых воздействий: при солнечных ударах, кварцевых ожогах (170). В связи с чем необходимо отметить, что у многих тюркоязычных народов Башкортостана напиток исполняет и лечаше-профилактическую функцию.

По подсчетам В.В. Похлебкина, на 1985 год в Индии и США на одного человека приходится менее 300 гр. чая в год, в целом по России – около 250 гр. Однако в отдельных регионах, в частности в Республике Башкортостан, потребление достигает более 4 кг., что сопоставимо с уровнем Великобритании [8].

В празднично-обрядовом комплексе тюркских народов Башкортостана уже почти два века употребляется чай. Карл Федорович Фукс отмечал традицию подавать его на татарской свадьбе еще в XIX веке [13], упоминал чайную посуду как главный предмет торговли на ярмарке на реке Булак [3, с. 8], писал о присутствии напитка на семейном празднике рождения ребенка. О свадебных чаепитиях сообщает и ряд респондентов-башкир [12], интервьюируемых узбеков [7]. Без напитка не обходятся и траурные мероприятия, например, его подают на поминках [6].

Чаепитие нашло отражение и в одном из праздников, восходящих к архаичным верованиям. Так, у татар и башкир существует древний обряд «Кякук сяйе» (баш.) или «Кэкук чэе» (тат.), имеющий перевод «кукушкин чай», посвященный встрече весны. Традиционно жители деревни собирались на коллективное чаепитие, сопровождающееся танцами и песнями. Чем больше радушия проявит хозяйка (приготовление чая и угощений), тем удачнее пройдет год [10, с. 355].

И хотя чай является примером адаптации иностранного продукта в рамках Российского государства, чаепитие выступает у тюркских народов края устойчивой традицией с XIX века, весьма прочно укрепившейся не только в праздничной или обрядовой культуре, но и в повседневности, занимая лидирующие позиции в употреблении из всего спектра системы питания.

Литература:

1. Арсланова И.А. Традиционная и современная башкирская кухня. Уфа: Китап, 2012. 256 с.
2. Бушков Р.А., Мазитова Ф.Г. Букет напитков Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 61 с. [Электронный ресурс]. URL: https://bookscafe.net/download/bushkov_ruslan-buket_napitkov_tatarstana-210145.epub (дата обращения: 16.03.2022).
3. Казанские губернские ведомости: Орган Казанского губернского правления. № 19, 8 май. [Электронный ресурс]. URL: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/5263> (дата обращения: 17.03.2022).
4. Нурмухаметова Р.С., Хуснуллина Г.Н. Национально-культурная специфика татарского чаепития: названия посуды и блюд // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. С. 155-158. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-tatarskogo-chaepitiya-nazvaniya-posudy-i-blyud> (дата обращения: 16.03.2022).
5. Нутрициология / Л.З. Тель, Е.Д. Даленов, А.А. Абдулдаева, И.Э. Коман. М.: Литтерра, 2019. 536 с.
6. Пиала идет по кругу. Казахское чаепитие // TeaTerra, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tea-terra.ru/2013/11/14/10247/> (дата обращения: 16.03.2022).
7. Пиала идет по кругу. Узбекское чаепитие // TeaTerra, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tea-terra.ru/2013/11/14/10263/> (дата обращения: 16.03.2022).
8. Похлебкин В.В. Чай, его типы, свойства, употребление. М., 1985. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tea-terra.ru/2014/01/19/12466/> (дата обращения: 16.03.2022).
9. Роднов М.И., Макарова В.Н. Торговля чаем в Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. С. 25-33. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-chaem-v-ufimskoj-gubernii-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-v> (дата обращения: 15.03.2022).
10. Сулейманова М.Н. Кукушкин чай // Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа: Научное издательство Башкирская энциклопедия, 1996. 672 с.
11. Традиционная пища как выражение этнического самосознания / С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2001. 293 с.

12. Чаепитие давних соседей. Башкирское чаепитие // TeaTerra, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tea-terra.ru/2013/11/13/10239/> (дата обращения: 15.03.2022).
13. Чаепитие давних соседей. Татарское чаепитие // TeaTerra, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tea-terra.ru/2013/11/13/10251/> (дата обращения: 15.03.2022).
14. Шитова С.Н., Мигранова Э.В. Кухня башкирская // Башкирская энциклопедия. Уфа: ГАУН «Башкирская энциклопедия», 2015-2020. 378 с.
15. Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 78-125. [Электронный ресурс]. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28913876> (дата обращения: 17.03.2022).
16. Юнусова, А. Б. Республика Башкортостан: историко-культурные и религиозные символы в имиджевой стратегии республики / А. Б. Юнусова, И. В. Фролова // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2017. – № 1. – С. 99-105.
17. Яковлева Е.А., Исмаилова А.Ф. Уфа как текст: образ национального города на примере ресторанного дискурса башкирской кухни // Российский гуманитарный журнал. 2020. С. 334-340. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ufa-kak-tekst-obraz-natsionalnogo-goroda-na-primere-restorannogo-diskursa-bashkirskoy-kuhni> (дата обращения: 16.03.2022).

УДК 930.25

© V.N. Kalnichenko
student, St. Petersburg State University, St. Petersburg
Scientific supervisor – PhD, Professor A.S. Puchenkov

В.Н. Кальниченко
студент, СПбГУ, Санкт-Петербург
Научный руководитель – д. и. н., профессор А.С. Пученков

**SOURCES ON THE HISTORY OF THE RELIGIOUS LIFE OF THE
VILLAGES AND HAMLETS OF THE LOWER DON IN THE 1960S:
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE MUNICIPAL ARCHIVE OF
THE SEMIKARAKORSKY DISTRICT ADMINISTRATION)**

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ
СТАНИЦ И ХУТОРОВ НИЖНЕГО ДОНА В 1960-Е ГГ.:
(НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО АРХИВА
АДМИНИСТРАЦИИ СЕМИКАРАКОРСКОГО РАЙОНА)**

Annotation. In this study, a small corpus of sources found in the Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region) will be considered. These documents contain decisions of the Executive Committee of the District Council of Workers' Deputies (the local level of Soviet actors) on the shutdown of churches and church buildings in the Semikarakorsky district.

Аннотация. В данном исследовании будет рассмотрен небольшой корпус источников, найденных в Муниципальном архиве администрации Семикаракорского района (Ростовская область). В этих документах содержатся решения Исполнительного комитета Районного Совета депутатов трудящихся (местного уровня советских деятелей) о закрытии церквей и церковных зданий в Семикаракорском районе.

Keywords: Church, believers, closing of churches, liquidation, educational and production workshops, gym.

Ключевые слова: Церковь, верующие, закрытие церквей, ликвидация, учебные и производственные мастерские, тренажерный зал.

In the pre-revolutionary period there were 23 Orthodox churches in Semikarakor deanery and four of them obtained the status of co-religious ones. In Soviet times there was only one functioning church in the village of Kochetovskaya in the Semikarakorsky district in the 1960s [4]. In the village of Semikarakorskaya only one Kazan Church kept working until 1959 out of the three existing historical churches: the Holy Trinity Church (destroyed in 1934), the “cemetery” church, called the Church of all Saints (the date of destruction is unknown). According to the decision of the Executive Committee of the Semikarakorsky District Council of Workers' Deputies of the Rostov region on November 24th, 1959, the Kazan community was closed, and “... the church and the gatehouse” were seized “for educational and production workshops and a sports hall of Semikarakorsky secondary school No. I” [1, p. 172]. The withdrawal process was protracted until the spring of the 1960s. [5, p. 100]. The final result was achieved on April 16th, 1960, when “all the property of the religious cult was transferred to the Kochetovo Orthodox community, which they took out completely...” [1, p. 189-191]. Sometime later, on June 28th, 1960, a decision was made that the church “... requires internal reorganization” after which the Executive Committee of the Semikarakor District Council decided “to allow the district finance department to finance secondary school No. I ... in the amount of thirty thousand rubles” [6, p. 219]. It is important to note that despite the full-scale procedure for closing and hastily re-equipping the building of the former church, believers continued to write letters “upstairs” until 1967 with multiple requests to return the church to their use. However, on August 31st, 1967, a detailed answer was received in which the impossibility of returning the building of the former church was proclaimed [1, p. 249]. There were two main arguments of the Soviet actors on this score: firstly, it interfered with the anti-religious education of students because one of the school buildings is located near the church, and secondly, there was the need for the structure itself for educational needs. The next church in this row was the Elijah Church, located in the farm B-Kuznetsovsky whose property was distributed as follows:

1. “The church building (the insurance estimate of 6462 rubles) has to be transferred gratuitously to the Kuznetsovsky vegetable and dairy state farm for conversion into a club.”

2. “Church property has to be transferred to the Kochetovskaya Assumption Church.”

3. "Transfer the property listed in the inventory act No. 2 to the retail network for sale."

4. "Property ... in the act of inventory and assessment No. 3, has to be transferred to the Kuznetsovskaya 8-year school."

5. "The proceeds from the sale of property, as well as the balance of the savings book in the amount of 5849 rubles and 63 kopecks have to be transferred it to the district budget."

6. "Sell through commission trade a gun valued by the Kochetovskaya church" [7, p. 28].

According to the extract "from the minutes No. 8 of the meeting of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR", the decision to de-register the religious society and transform it into a club came into force on June 1, 1961 [3, p. 74].

The shutdown procedure for closing and refurbishing the church building also affected the Assumption Church in the village of Kochetovskaya. On February 28th, 1962, the Executive Committee of the Semikarakor District Council asked the Regional Executive Committee to remove from registration "the religious community of the Assumption Orthodox Church ..." due to "the lack of those willing to take the building and property of the cult for use to meet religious needs" [8, p. 96].

In the minutes of the "trade union meeting of the Kochetovskaya eight-year school of May 30th, 1962", the following questions were raised in the presence of 21 people. In the speech, it was announced: "Lagutin V.Z. has given the new tasks in the field of education of the younger generation. And our school is not able to fulfill these tasks. As a PE teacher I have nowhere to have PE lessons, especially in winter, there is no gym. There is a wonderful gym in the Semikarakor eleven-year school, it is located in the church. We all need to ask the district executive committee to transfer the church to the school, there needs to be a gym, a pioneer room and other premises". Citizen Koltsova V.V. said: "The Church undoubtedly brings great harm to the upbringing of children and the population." Also in the speech it was announced that the labor workshops are poorly heated, "our children work at the training and experimental site, in the fields of the state farm, workshops", and after 5 hours the basement where the workshops were located quickly cooled down, so this led to the illnesses of the students. The problem of the lack of the necessary equipment was also expressed "... there are tools at all", thus it was difficult to interest young people. The next "argument" concerned the moral character of believers: "Often old men and

women from other farms come here on holidays, they are rude, they drink, lie in the streets, and students see this” [2, p. 96]. Citizen Nefedova Z.V. concludes: “... there is very little time for group and extracurricular work ... the pioneer room makes it very difficult for us to hold pioneer events” [2, p. 97]. The universal method of the Soviet local authorities was the “argument”, according to which the “naked eye” could see an increase in the number of students: “more than 400 ...”. In turn, this circumstance led to the need to transfer the school to a three-shift education, which, of course, contradicted the “decision of the Party and the Government” [2, p. 98]. In July of the same year, it was decided to satisfy the requests of “workers and public organizations of the village ...”. The church building was transferred for educational and production workshops and a gym to the “eight-year village school” [9, p. 147]. From the examples given it can be seen that after the decision to shut down the church buildings they were either re-equipped or they were subject to liquidation (universal scheme), however, the history of the functioning of the Kochetovskaya church was not terminated. “Taking into account the numerous requests of the believers of the village of Kochetovskaya, who are continuously coming to various authorities for a number of years” On March 2nd, 1966, the Executive Committee of the District Council considers it possible to respond positively to the petition of the “churchpeople” [10, p. 1].

A completely different trend was developed in the Semikarakor working settlement. On August 13th, 1966, the same local executive committee of the District Council of Workers' Deputies decided to blow up the bell tower of the former church (the Holy Trinity one) in connection with “... obligations taken in honor of the fiftieth anniversary of the Soviet government on landscaping ... it is planned to asphalt Oktyabrskaya Street” (today it is Atamansky Avenue – V.K). It is important to note that the headteacher of school No. 2 was charged with the duty “... to remove construction debris within ten days after the explosion and use them for the economic needs of the school” [11, p. 169].

Thus, some of the sources cited are published for the first time – these are the documents of the Municipal Archive of the Semikarakorsky District Administration. The use of some documents of the State Archive of the Rostov region made it possible to add details to the process of shutting down churches using various “arguments” from Soviet actors (the executive committee of the district Council, the trade union). Shutting down a church made it possible to add to the local “treasury” without violating the law on

religious organizations. At the same time it was necessary to educate teenagers in the best traditions of Homo soveticus (school, gym, etc.).

List of sources:

1. State Rostov Region Archive. Soviet archival collection-4173. Inventory 4. Case 250. Pages 172;189-191;249.
2. State Rostov Region Archive. Soviet archival collection-4173. Inventory 6. Case 171. Page 96;97;98.
3. State Rostov Region Archive. Soviet archival collection-4173. Inventory 4. Case 251. Pages 74.
4. Kalnichenko V.N. Semikarakor deanery churches during the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries. Rostov-on-Don, 2021.
5. Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region). Soviet archival collection-12. Inventory 1. Case 85. Page 100.
6. Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region). Soviet archival collection-12. Inventory 1. Case 95. Page 219.
7. Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region). Soviet archival collection-12. Inventory 1. Case 105. Page 28.
8. Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region). Soviet archival collection-12. Inventory 1. Case 109. Page 96.
9. Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region). Soviet archival collection-12. Inventory 1. Case 116. Page 147.
10. Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region). Soviet archival collection-12. Inventory 1. Case 175. Page 1.
11. Municipal Archive of the Administration of the Semikarakorsky district (Rostov region). Soviet archival collection-12. Inventory 1. Case 171. Page 169.

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

*Материалы
семинара, проведенного в рамках
Всероссийской молодежной научной школы-конференции
«Исторические события как фактор формирования
этнической идентичности:
международный и российский опыт»
(17–18 марта 2022 г., Уфа)*

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.*

Статьи публикуются в авторской редакции

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 15.04.2022 г. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 15,87. Уч.-изд. л. 16,56.

Тираж 300 экз. Изд. № 18. Заказ 295.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*